ДИСКУРСЫ СВОБОДЫ

В РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Коллектив авторов
Николай С. Плотников
Светлана В. Киршбаум

Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63080411
Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории
Антология: Новое литературное обозрение; Москва; 2020
ISBN 9785444814284

Аннотация

Историю России обычно представляют как историю государства с его победами и свершениями либо как историю государственного гнета и бесправия. Подобные нарративы не оставляют места традиции свободы, создавая ложное ощущение ее отсутствия и питая стереотип, согласно которому России свобода чужда. В настоящей антологии предпринята первая попытка системно картографировать российский дискурс свободы во всем его тематическом разнообразии и широком временном диапазоне: с конца XVIII века по сегодняшний день. В книгу включены тексты мыслителей, публицистов, писателей и политических деятелей, которые защищают, критикуют или

заново определяют понятие свободы. Рассмотрение комплекса связанных с ним проблем в контексте общественных дискуссий позволяет увидеть связь между семантикой свободы и социальными практиками, в которых она формируется. А сопоставление авторов разных эпох и политических взглядов внутри каждого раздела позволяет обнаружить дискурсивное сходство поверх идеологических расхождений (либерализм, консерватизм, социализм и т. д.). Составители книги – специалисты в области российской интеллектуальной истории Николай Плотников и Светлана Киршбаум (Рурский университет Бохума, Германия).

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 6
ДИСКУРСЫ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ВВЕДЕНИЕ) 18
ДЕКЛАРАЦИИ СВОБОДЫ 85
ВВЕДЕНИЕ 85
ОБ АВТОРАХ 93
НАКАЗ <…> ДАННЫЙ КОМИССИИ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ102 (1770) 103
ЕЩЕ НЕЧТО О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ103 (1802) 107
ЛЮБОПЫТНЫЙ РАЗГОВОР106 (1822) 112
ДОПОЛНЕНИЕ К «ЗАПИСКЕ О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ»107 (1855) 116
СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОЙ ЖИЗНИ109 (1857) 127
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС111 (1866) 141
ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ112 (1906) 145
ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?122 (1917) 161
КОНСТИТУЦИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ 177

РЕСПУБЛИК ЕВРОПЫ И АЗИИ. ПРОЕКТ123 (1989)
ПОРЯДКИ СВОБОДЫ 194
ВВЕДЕНИЕ 194
ОБ АВТОРАХ 202
ГОСУДАРСТВО КАК ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ОХРАНА СВОБОДЫ124 (1905) 211
КОНСТИТУЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ СВОБОДА126 (1905) 217
ЗАПИСКА ОТ 9-ГО ОКТЯБРЯ (1905)131 227
Конец ознакомительного фрагмента. 237

Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории Антология

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем издании[1] мы пытаемся картографировать российский дискурс свободы во всем его тематическом разнообразии, но вне стереотипных контуров политических позиций или идеологических направлений (либерализм, консерватизм, социализм и т. п.). Для этой цели были выбраны тексты, принадлежащие к интеллектуальной истории двух столетий – с конца XVIII в. до нашего времени, в которых

[1] Работа над книгой осуществлялась в рамках проекта Немецкого исследовательского общества (DFG) «Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории» («Freiheitsdiskurse in der russischen Ideengeschichte», № 263480264). Первоначальный замысел антологии возник из намерения редакторов познакомить немецкого читателя с ключевыми дискуссиями о свободе в России. А затем у И. Д. Прохоровой возникла идея издать это собрание текстов для российского читателя, особенно молодого поколения, для которого многие из них давно уже не являются хрестоматийными. Русское издание выходит раньше немецкого.

«свобода» не просто используется как слово, метафора или лозунг, но становится темой анализа и обсуждения. Приоритет отдан аналитическим текстам, а не литературным произведениям и политическим воззваниям, хотя без литературы на российской почве обойтись не удается.

Такие тексты являются, как правило, *полемическими*, в них что-то доказывается или опровергается. Но при этом – таков второй критерий отбора – «свобода» обсуждается в них *как тема публичного дискурса* или публичной полемики, а не как специальная проблема отдельной области или дисциплины (права, философии, психологии или богословия). Участники полемики апеллируют к публике, приглашая ее согласиться с определенными тезисами или отвергнуть их. Мы встречаем их в литературно-философских «интеллектуальных манифестах», публиковавшихся в виде сборников статей авторов-единомышленников – от славянофильских альманахов и знаменитых «Вех» до перестроечного сборника «Иного не дано» и манифестов современных интеллектуалов. Но они высказываются и в записках, обращенных к царю, в критических отделах «толстых журналов» и произведениях самиздата.

Составители старались охватить широкий спектр тематических вариаций дискурса, включая и правовой, и феминистский. Многие произведения печатаются в сокращении. Небольшие тексты печатаются целиком, так же как и работы, которые мы сочли наиболее важными для развития дискур-

са свободы в России. И в этом ряду вместе с программными работами известных авторов, которые связываются с представлением о свободе в России, оказываются тексты, сыгравшие значительную роль в дебатах своего времени, хотя и не принадлежащие к канону истории идей. Так, выступление М. Стаховича послужило катализатором публичных дебатов о свободе совести в начале XX в.

В этих опытах «герменевтики свободы» представлен ряд топосов, артикулирующих различные понимания того, что такое свобода[2]. В структуре антологии мы постарались в порядке эксперимента упорядочить их многообразие, объединив тексты, принадлежащие к разным эпохам и разным политическим и идеологическим течениям, в восемь разделов, соответствующих основным типам аргументативных порядков дискурса.

Первый раздел, «Декларации свободы», призван показать, что с понятием свободы связывается не только определенное содержание, но и характерный перформативный модус. Свобода утверждается прежде всего в модусе деклараций, манифестов и других конституирующих документов – такова практика провозглашения свобод в эпоху модерна. Даже если декларацию не удалось заявить в форме публичного документа и она сохранилась лишь в проектах тайных обществ или негласных меморандумах власти, модус утверждения

---

[2] О методе анализа топосов в интеллектуальной истории см. подробнее во вводной статье Н. С. Плотникова в настоящем издании.

свободы в ней продолжает оставаться нормативно-императивным, учреждающим самим высказыванием новую политическую реальность или по крайней мере возвещающим ее. Такой императив может остаться «пустой декларацией», подобно «Наказу» Екатерины II или советским конституциям, и тогда возникает разрыв между провозглашенной свободой и ее отсутствием как реального опыта. Но даже пустая декларация имеет характер обещания и обязательства, которое может быть вменено властному субъекту, как это практиковали советские правозащитники, напоминавшие власти о ее конституционных обязательствах. Поэтому, однажды провозглашенный, дискурс свободы становится неустранимым из социального пространства.

Из этого конституирующего характера дискурса свободы следует еще один ее смысл, вынесенный в заголовок *второго раздела*, – ее связь с представлением о политическом порядке, на ней основанном. Вопреки распространенному стереотипу, свобода не является противоположностью порядка. Как раз одному из основателей анархизма П.-Ж. Прудону принадлежит афоризм: «Свобода – не дочь, а *мать* порядка»[3], популяризованный его последователями в России в формулировке «анархия – мать порядка». И в этом утверждении о принципиальном родстве свободы и порядка оказываются согласны государственники и анархисты, предста-

---

[3] *Proudhon P.-J.* Solution du problème social. Paris, 1848. P. 119. О связи семантик порядка и свободы см.: *Anter A.* Die Macht der Ordnung. Tübingen, 2007.

вители власти и оппозиции, хотя они и различаются в понимании того, о каком порядке идет речь – о поддержании status quo или о будущем «царстве свободы».

Третий раздел, «Свобода и освобождение», объединяет тексты, которые акцентируют, напротив, революционный топос «освобождения» от существующей системы господства и принуждения. Они усматривают смысл свободы в процессе радикального преодоления зависимости, который, однако, может осуществляться различными способами: путем морального самосовершенствования, политической революции или смены психических установок.

С появлением первых признаков публичной сферы в России в виде частных типографий и независимых журналов в конце XVIII в. возникает и требование свободы слова как необходимого атрибута публичности. А вместе с ним складывается система государственной и церковной цензуры, которая, вопреки заявлениям ее создателей, что ею «ни мало не стесняется свобода мыслить и писать, а токмо взяты пристойные меры против злоупотреблениям оной»[4], регулировала до мелочей функционирование всей литературной среды, жестко ограничивая проявления «вольнодумства». В качестве реакции на возникновение огромной машины цензуры и ее рост в течение XIX в., то ослаблявшийся, то усиливавшийся, литературная общественность вызвала к жизни

---

[4] 1804, июля 8. Устав о цензуре. Доклад Министра Народного Просвещения // Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 28. С. 439 (№ 21.388).

мощный протест против цензуры. Он объединял практически все образованное общество – славянофилов и западников, консерваторов и либералов, писателей, издателей и даже самих сотрудников цензурного комитета, выступавших, подобно Ф. И. Тютчеву, за отмену цензуры и гарантии свободы слова. При этом, конечно, царская цензура оказалась лишь слабым преддверием всевластного советского Главлита и практики систематических репрессий против любого инакомыслия и его носителей. Так что высказывание в защиту реальной свободы слова было возможно лишь в неофициальном пространстве самиздата. Но помимо протеста против внешнего давления государства в среде литературной публичности складывался и протест против внутренней цензуры самого общества, также проявлявшего стремление исключать высказывания, не совпадающие с мнениями и вкусами интеллигентной публики. Поэтому даже в периоды частичной или полной отмены государственной цензуры (на короткое время после февраля 1917 г. или в годы перестройки и после распада Советского Союза) вопрос о свободе слова остается центральным в публичных дискурсах российского общества. Тексты, посвященные этой теме, представлены в *четвертом разделе* («Свободное слово»).

Дискурсивное оформление темы религиозной свободы (ей посвящен *пятый раздел*, «Свобода и религия») в России происходит очень поздно, в сущности, оно не вполне

состоялось вплоть до наших дней[5]. В Российской империи в условиях государственной церкви требование религиозной свободы воспринималось как двойное преступление – против государства и господствующей церкви. Допустимый горизонт рассуждений о свободе при старом режиме ограничивался понятием «веротерпимости», т. е. свободного исповедания веры для «инославных» и «иноверных» конфессий. Да и оно допускалось лишь как проявление племенных или региональных обычаев на колонизированных территориях с большим процентом неправославного населения. О допущении свободного религиозного самоопределения не могло быть и речи. Это можно видеть по многовековому преследованию старообрядцев и сектантов и запрету на выход из православия и смену конфессии под угрозой уголовной ответственности. Понятие свободы в этом контексте отчетливо маркировалось как вредное, опасное и демоническое: в текстах представителей официального православия свобода стандартно приравнивалась к безверию, а консервативные авторы из образованной публики утверждали (подобно В. В. Розанову в его полемике с В. С. Соловьевым) его неприменимость в делах религии. Поэтому даже редкие голоса в защиту свободы совести звучали резко и радикально и вызывали жесткие репрессии, как в случае отлучения Л. Н. Толстого от церкви. Даже осторожная и непубличная

---

[5] Подробно о религиозной свободе в России см.: Religious Freedom in Modern Russia / Ed. by R. A. Poole and P. W. Werth. Pittsburgh, PA, 2018.

попытка установить диалог между представителями церкви и литературной общественности в форме Религиозно-философских собраний (1901–1903)[6], организованных по инициативе Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, была прекращена обер-прокурором Св. Синода К. Н. Победоносцевым без какого-либо изменения официальной церковной позиции. Лишь революция поставила на повестку дня вопрос о свободе выбора религии или отказа от религии.

Установившийся в результате большевистского переворота режим принудительной атеизации населения привел, в свою очередь, к тому, что религиозность как таковая стала почти синонимом инакомыслия. Так что и здесь открытый призыв к религиозному самоопределению, раздававшийся в диссидентской среде и среде воцерковлявшейся интеллигенции, рассматривался властями, вопреки официально провозглашенной свободе совести, как преступление против советского режима. В этом чередовании безусловного утверждения государственной религии и безусловного отрицания религии вообще признание религиозного плюрализма как необходимого элемента свободы совести могло сформироваться лишь в виде индивидуальной установки, но не как регулярная практика. Равнодушие современного российского общества к государственному преследованию «свидете-

---

[6] О них см.: *Scherrer J.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Berlin, 1973.

лей Иеговы» и репрессиям против них свидетельствует о его безразличии к проблеме религиозной свободы.

В главе «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» Достоевский создал, вероятно, один из самых распространенных и влиятельных российских топосов свободы, назвав ее «страшным бременем» (этот аспект понимания свободы рассматривается в текстах *шестого раздела* антологии). Может быть, потому влиятельных, что ему удалось резюмировать опыт самоопределения личности в эпоху модерна – она вырвана из принудительных иерархий и ограничений традиционного общества, но это освобождение она приобретает вместе с необходимостью самостоятельного выбора и грузом ответственности за него. В XX в. рефлексия этого опыта стала ключевой темой европейского экзистенциализма, хотя в своей концептуальной основе топос продолжает идею «позитивной свободы» Руссо и Канта как самоопределения индивидуума, полагающегося на собственный разум. Но акцент в данном случае делается не на самом принципе автономии, а на необходимости «поиска себя» как субъекта разумного целеполагания. Свобода здесь отождествляется с «подлинностью» индивидуального существования и поисками смысла, его наполняющего[7]. В российском дискурсе, импрегнированном текстами Н. А. Бердяева, регулярное напоминание о «бремени» свободы сопровождается утвержде-

---

[7] См. об этом у ведущего теоретика «позитивной свободы» в современной дискуссии Ч. Тейлора: *Taylor Ch.* The Ethics of Authenticity. Harvard, 1992.

нием приоритета внутренней (духовной) свободы над внешней, т. е. свободой нестесненного действия. Последняя часто представляется русским эмигрантам после революции, советским эмигрантам на Западе или советским людям, попавшим в постсоветские бесцензурные условия, чем-то пустым, излишним или даже мешающим процессу внутреннего самоопределения и «поиска себя». Оказывается, что в жестких рамках деспотизма и внешних репрессий «найти себя» даже проще. Процесс самоопределения приобретает в этих условиях отчетливое героическое измерение, наполняющее индивидуальную жизнь почти религиозным смыслом.

Концептуализация свободы в эпоху модерна отмечает еще одну ее особенность, «парадоксальность» (об этом – тексты *седьмого раздела*, «Парадоксы свободы»). Свобода всегда обнаруживается не там, где ее ищут. И четкие понятийные различия, с помощью которых мы ее описываем, при ближайшем рассмотрении неожиданно теряют определенность. Уже Кант отметил парадоксальный характер свободы, назвав ее (и основанный на ней моральный закон) «фактом разума», т. е. чем-то, что не может быть однозначно отнесено ни к фактической реальности, ни к идее. Мы ищем свободу в области фактов, стремимся ее констатировать и измерить, а она вдруг обнаруживается в области идей и нравственных императивов, которых невозможно найти в реальности опыта. Мы ищем ее путем устранения границ и препятствий, а она становится видимой лишь там, где мы сами устанав-

ливаем ей границы. Мы ищем ее внутри себя, а она находится снаружи, в наших отношениях с другими людьми. Ее «парадоксальность» как раз и означает, что она не соответствует общему мнению и ожиданиям большинства. В российском дискурсе данный топос свободы, ее неуловимость для определения и противоречивость ее свойств, получает тем большее распространение, чем менее структурированным и определенным является ее опыт как правовая и политическая практика и чем теснее он связан с областью литературы, артикулируя себя как метафора, символ или аллегория.

Поэтому свобода распознается не как универсальная норма, практика или общая идея, а в первую очередь – как *личный пример*. И это еще один важный топос российского дискурса: «свободный человек», способный себя реализовать даже в несвободных условиях (отсюда одноименный *восьмой раздел* антологии). Но такими личными образцами свободы были не политики или предприниматели. Почти всегда ими служили поэты, писатели и мыслители (и еще, но значительно реже, правозащитники) – от Пушкина и Чаадаева до Бродского и Довлатова, т. е. те, кто свой опыт свободы выразил в слове вопреки ее ограничениям в жизни. А в этом качестве «свободный человек» сам становится не только автором, но и героем дискурса – всеми узнаваемой цитатой, аллюзией, паролем для единомышленников, заголовком истории и, снова и снова, образцом для подражания.

Невозможно определить, какие из этих топосов свободы сохранятся в будущем, а какие, может быть, исчезают уже сейчас. Задача антологии – в том, чтобы напомнить о понятийных каркасах прежних дискуссий, на которых держался дискурс свободы в российской интеллектуальной истории, а отчасти держится и сегодня. Рефлексия над историей учит нас подвергать прежние аргументы критической проверке, распознавать идеологические и мифологические деформации дискурса и высказывать их. Такая рефлексия является для нас не только формой работы с культурной памятью, но и необходимым условием, чтобы сформулировать собственное знание о том, что такое свобода.

В работе над книгой принимали участие: Николай Плотников – философ, историк идей, научный сотрудник Института славистики и русской культуры им. Лотмана Рурского университета Бохума (составление, предисловие, примечания), Светлана Киршбаум – литературовед, преподаватель Рурского университета Бохума (составление, введения к разделам), Ирина Борисова – историк философии, научный сотрудник Института философии РАН (справки об авторах, примечания).

Н. С. Плотников, С. В. Киршбаум
Бохум, 1 сентября 2020 г.

ДИСКУРСЫ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ВВЕДЕНИЕ)

Н. С. Плотников

А. Л. Доброхотову к 70-летию

Каждый знает, что он свободен. Может быть, не сейчас, потому что сейчас он занят. Но, вероятно, завтра и, уж точно, послезавтра. А вообще-то он свободен всегда. Это совершенно ясно…

То, что современный человек знает себя принципиально свободным, имеет характер непреложной истины, которую не осмеливаются оспаривать даже самые жестокие тираны. Сознание свободы не нужно доказывать или обосновывать, оно – просто факт. Наоборот, доказывать и обосновывать нужно любую попытку это сознание ограничить, подавить или замолчать. «Свобода – как воздух, которым мы дышим», – формулирует эту очевидность социолог Зигмунт

Бауман[8].

Между тем убеждение, что свобода – это универсальный атрибут человеческого существования и антропологическая константа, неотъемлемая от самого понятия человека, вовсе не имеет характера не подлежащей сомнению очевидности. Его несомненность в современную эпоху является результатом исторической трансформации представлений о месте и роли свободы в обществе. Гегель отчеканил, вероятно, самую влиятельную для эпохи модерна формулировку, выражающую эту историческую динамику: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы»[9]. Я свободен постольку, поскольку сознаю себя свободным. В мире восточных деспотий лишь один человек знает, что он свободен, – сам деспот, чей неограниченный произвол, однако, не находит признания со стороны других свободных людей, а потому и не является в полном смысле свободой. В мире греческой и римской Античности сознание свободы присутствует лишь как особая привилегия небольшого числа свободных людей. И только в мире христианской Европы формируется сознание, что свободны все люди или что свободен «человек как таковой». Проникновение этого сознания свободы во все отношения религиозной и мирской жизни и образует содержание новоевропейской истории.

---

[8] *Бауман З.* Свобода. М., 2005. С. 13.

[9] *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории // Он же. Соч.: В 14 т. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 19.

Мысль, что сознание себя свободным составляет необходимое условие свободного существования, вовсе не является изобретением немецкой идеалистической философии. Все главные документы, учреждающие современное понимание свободы, имеют характер деклараций, т. е. провозглашают знание о том, что человек свободен по своей природе, в качестве безусловной нормы. А французская «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. специально разъясняет в преамбуле, что «незнание, забвение и непризнание» основных прав и свобод человека является «единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств».

Хотя знание свободы и зафиксировано в основных нормативных документах Нового времени, оно не является фактом, данным раз и навсегда. Напротив, оно сохраняет статус непреложной очевидности только потому, что вовлечено в процесс непрерывной интерпретации и реактуализации, политической, юридической, интеллектуальной. В ходе этого процесса оно изменяется как в отношении своего субъекта, включая в себя все больший круг людей, которые признаются фактическими носителями свободы, так и в отношении предмета, т. е. основных признаков, определяющих смысл понятия «свобода» (от свободы как социальной привилегии избранных к свободе как экзистенциальному атрибуту каждого индивидуума). Такая *герменевтика свободы*, снова и снова запускающая процесс рефлексии о «свободе»

как понятии и как социальной реальности, становится одной из важнейших процедур, которые формируют политическое самосознание в обществах современности. Она определяет набор канонических текстов и документов, подлежащих интерпретации. В ней вырабатываются различные техники истолкования, от приемов научного анализа до педагогических методик и стратегий политического убеждения. Наконец, герменевтика свободы становится фактором консолидации публичного пространства, где в столкновении тезисов и аргументов, политических позиций, публицистических воззваний и философских концептов формируется дискурс свободы, в котором всякий раз подтверждается и актуализируется сознание свободы индивидуумов.

История понятия и опыт свободы

Тезис эпохи Просвещения и идеалистической философии истории – быть свободным значит сознавать себя свободным – был подвергнут исправлению в XX в., когда сформировались философские позиции, которые перенесли основной фокус исследования на язык, выступающий посредником между сознанием и реальностью. После «лингвистического поворота» язык как инстанция, формирующая реальность, становится новым исходным пунктом герменевтики свободы: как в аналитической, так и в континентальной интеллектуальной традиции рефлексия свободы сопрягает-

ся с «речевым действием», «языковой коммуникацией», «семантикой ключевых историко-социальных понятий».

В программе изучения «истории понятий» (Begriffsgeschichte) Райнхарта Козеллека тезис прежней философии истории трансформируется в методологическое утверждение, что «понятия» являются «индикаторами» и «факторами» изменений культурного опыта. В них фиксируются изменения, происходящие в социальном мире, становясь тем самым доступными рефлексии и анализу. Но понятия не просто репрезентируют действительность, они структурируют и оформляют культурный опыт людей, выступая в свою очередь генераторами изменений действительности. «История понятий» связывает тем самым социальную историю и историю сознания, предлагая в медиуме языка одновременно и предмет исторической рефлексии, и метод ее осуществления.

В своей основе программа Козеллека восходит к кантовской модели познания как синтеза чувственных данных с помощью понятий рассудка. Благодаря такому синтезу для сознания впервые и создается предмет, на который направляется его познавательная активность в опыте. Не случайно поэтому Козеллек говорит о «пространстве опыта» (Erfahrungsraum), которое формируется и преобразуется с помощью ключевых социальных понятий. Центральным для Begriffsgeschichte становится отношение «понятие–предмет», причем «предметом» является реальность

социальной истории лишь в той мере, в какой она сама выражается в понятии, а «понятием» выступает не всякое слово или языковое выражение, а конденсат знания, учреждающий реальность. Из этого динамического отношения выводится и основной сюжет «истории понятий», а именно динамика изменений культурного опыта, которая фиксируется в семантических трансформациях на протяжении всей европейской истории.

Такой глобальный подход необходим, чтобы обнаружить и определить характер и вектор изменений культурного опыта и понятий, его формирующих. История понятий в козеллековском варианте мыслится как общеевропейская история перехода от традиционного общества к современному и связанной с ним трансформации словаря основных политических и социальных понятий. Метафора «седлового времени» (Sattelzeit) обозначает при этом главный шарнир трансформаций – эпоху с 1750 по 1850 г., когда в Германии происходят наиболее радикальные изменения политического словаря. Козеллек фиксирует тот факт, что узус целого ряда философско-политических понятий изменяется от множественного числа к единственному в обобщенно-собирательном значении (Kollektivsingular) и это изменение представляет собой наиболее характерную репрезентацию «седлового времени». В этот период значительное число понятий немецкого языка изменяет свой характер и функцию – от обозначения множества разнородных феноменов

(«Geschichten»/«истории», «Freiheiten»/«вольности, привилегии») к обозначению собирательного единства всех этих феноменов («история», «свобода», «конституция» и др.), которое само становится самостоятельным субъектом высказывания («история рассудит», «история не стоит на месте», «время идет вперед» и т. п.).

Если Козеллек, в духе континентальной герменевтической традиции, обращает внимание на глобальные трансформации структур культурного опыта, фиксируемые в семантических изменениях понятий, то для К. Скиннера и его коллег по Кембриджской школе интеллектуальной истории работа в парадигме «языка» означает в первую очередь (вслед за аналитической философией) установку на анализ речевых действий (speech acts) в определенной коммуникативной ситуации. «Речевые акты» выражают интенции автора и используются им как инструмент, способный произвести намеренное действие в данном историческом контексте[10]. Чтобы понять смысл речевого действия и производящую его интенцию, необходимо реконструировать сеть взаимосвязей исторического контекста, в которых автор реагирует на обращенные к нему речевые действия и стремится вызвать в других определенный эффект с помощью собственных. Задача интеллектуальной истории как раз и состо-

---

[10] *Скиннер К.* Мотивы, намерения и интерпретации текстов // Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 123–141.

ит в детальном восстановлении локальных «словарей» или языковых контекстов, внутри которых понятия приобретают свое значение и функцию речевых действий, подчиняющихся определенным нормам и конвенциям, но при этом реализующих индивидуальный замысел их автора[11].

У Скиннера и Дж. Покока в центре внимания оказывается поэтому не общий процесс семантических изменений, как у Козеллека, а последовательность разнородных контекстов, далеко отстоящих от нашего словаря понятий и ставших ему чуждыми. Именно детальному изучению этих контекстов высказываний, взаимосвязей их субъектов, адресатов и языковых средств посвящены исследования Кембриджской школы. Борясь с «анахронизмом» традиционных историко-философских методов, выделяющих в истории сквозные проблемы и вопросы, на которые мыслители разных эпох дают различные ответы, ее представители утверждают радикальную гетерогенность самих вопросов. Они подчеркивают разрывы между разными историческими контекстами мысли, нарушения континуальности развития, разнородность интеллектуальных сред и эпох. А вместе с установкой на то, чтобы как можно точнее выяснить подлинные интенции автора высказывания, на чем снова и снова настаивает Скиннер, этот подход складывается в программу нового «историзма» в изучении интеллектуальной истории, под влия-

---

[11] *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа… С. 53–122.

нием которой интерес к исследованиям по истории философии и политических идей в Британии значительно возрос.

Несмотря на продуктивность и успешность критики Кембриджской школы в адрес философских подходов, конструирующих (как Артур Лавджой) некое единое сверхисторическое пространство «элементарных идей», ее собственные методологические установки тоже стали предметом многолетней интенсивной полемики. С одной стороны, вызывает возражения тезис о тождестве значения понятия с авторской интенцией, на котором настаивает Скиннер. Такая попытка восстановить аутентичные намерения автора представляется герменевтической утопией не только в силу невозможности проникнуть в круг мыслей автора (о чем спорила немецкая герменевтическая традиция со времен Шлейермахера и Дильтея), но и просто в силу того обстоятельства, что автор сам никогда не может полностью контролировать все аспекты значения, которые «высказываются» в его тексте помимо авторского намерения. Уже коллега Скиннера Дж. Покок, принимая во внимание аргументы против интенционализма значений, обратился к изучению «языков» или «словарей» эпохи, внутри которых понятия обретают стабильное значение. Но и он придерживается позиции историзма о возможности аутентичной реконструкции замкнутых интеллектуальных контекстов вне связей с современным контекстом исследования, чтобы не навлечь на себя подозрение в ана-

хронизме[12].

С другой стороны, тезис Кембриджской школы о несоизмеримости разнородных исторических контекстов ставит под сомнение возможность семантического трансфера понятий из одного контекста в другой. Если задача историка состоит в том, чтобы показать, что понятия имеют совсем разные значения и выступают в совершенно иных конфигурациях проблем, нежели те, с которыми работает современный исследователь, то тогда «история понятий» невозможна (возможна в лучшем случае «история слов»)[13]. Но какую функцию имеет тогда реконструкция интеллектуальной истории? Она только указывает на забытые и вытесненные из культурного опыта значения, как это показывает Скиннер на примере понятия «свободы до либерализма»?[14] Или все же включает в себя возможность нормативно утвердить новый смысл свободы, как этого добивается Ф. Петит, вводя республиканское понятие свободы в поле современного философского дискурса свободы?[15]

---

[12] *Pocock J. G. A.* Languages and their Implications: The Transformation of the Study of Political Thought // Id. Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. London, 1972. P. 3–41.

[13] См. обзор аргументов Кембриджской школы против подхода немецкой Begriffsgeschichte в кн.: *Müller E.*, *Schmieder F.* Begriffsgeschichte und historische Semantik. Ein kritisches Kompendium. Berlin, 2016. S. 370–372.

[14] *Skinner Q.* The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // R. Rorty, J. Schneewind, Q. Skinner (eds.). Philosophy in History: Essays in the Historiography of Philosophy. Cambridge, 1984. P. 193–222.

[15] *Петит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правле-

В этих дискуссиях о значении понятия свободы и его исторических модификаций вырисовываются контуры проблемы, которая напрямую относится к анализу этого понятия в российской интеллектуальной истории. Как соотносятся категории анализа и категории самого контекста? Возможно ли перенесение методов и понятий, разработанных на материале других интеллектуальных контекстов, в анализ российской истории?[16] И если возможно, то каким образом соотносятся свобода как аналитическая категория исследования и свобода как тема исторических дискурсов?

Картография свободы как проблема исследовательской оптики

Вопрос о том, есть ли в России «свобода» как специфическое понятие и опыт, выраженный этим понятием, в немалой степени зависит от выбора той исследовательской оптики, что определяет масштаб, размер и разрешение картины, ви-

---

ния. М., 2016. О связи понимания свободы и методологии интеллектуальной истории см.: *Павлов А.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 261–302.

[16] Ср.: *Павлов А.* Указ. соч. Автор высказывает обоснованные сомнения в возможности переноса методов Кембриджской школы на анализ российской традиции не только по причине тесной связи метода с контекстом его возникновения, но и в силу иного концептуального каркаса свободы, присутствующего в исследованиях Кембриджской школы. О поисках «русской свободы» как исторического феномена см.: *Hagen M.* Die russische Freiheit: Wege in ein paradoxes Thema. Stuttgart, 2002.

димой с ее помощью. И как раз в предметном поле, конструируемом оптиками Begriffsgeschichte и Кембриджской школы интеллектуальной истории, никакой специфически «русской свободы» не обнаруживается.

Оптика Begriffsgeschichte в «Словаре основных исторических понятий» знает «свободу» как универсальное понятие, видимые семантические трансформации которого маркируют смену исторических эпох от традиционного общества до современного. Для этой оптики не существует разных семантик свободы в разных культурных и политических ареалах, но лишь общеевропейский переход от «свобод» (привилегий) отдельных сословий и социальных групп к «свободе» как универсальному политическому императиву эпохи модерна. Переход этот может лишь варьироваться в хронологическом отношении как более ранний или более поздний, но у него не может быть иного направления и иной семантической конфигурации[17]. Поэтому говорить об «истории понятий в России» с точки зрения Begriffsgeschichte имеет смысл лишь как о проверке и подтверждении основной гипотезы

---

[17] Ср. споры по поводу хронологии «седлового времени» в Германии и во Франции между кругом авторов «Словаря основных исторических понятий» и группой участников «Компендиума основных социально-политических понятий во Франции 1680–1820», выходившего под редакцией Рольфа Рейхардта: *Reichardt R.* Einleitung // R. Reichardt, E. Schmitt (Hrsg.). Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. München, 1985. Heft 1/2. S. 39–148 (особенно S. 70–71).

«седлового времени» на русском языковом материале[18].

С оптикой «истории понятий» связано также убеждение, что «понятие свободы как ценности и цели является антропологически неустранимым»[19]. Таким утверждением немецкий историк Вернер Конце завершает статью «Свобода», в которой понятие свободы изображается как предмет исторических трансформаций, идеологических манипуляций, политических противоборств и борьбы философских мнений. Тем самым история понятия от Античности до современности упирается в собственный предел – в границу, за которой история устраняется антропологией. Утверждая в финале историко-семантического исследования понятие свободы в качестве антропологической константы, автор, ка-

---

[18] Характерно, что редакторы книги «Понятия о России», объединившей целый ряд исследований российских понятий в духе «Begriffsgeschichte», отказываются следовать за гипотезой Козеллека и связывать историю понятий в/о России с представлением о (как они переводят) «переломном времени». Они также нигде не дают обоснования контуров своего предмета – «России», принимая наличие имперской «петербургской России» (преимущественно XVIII в.) как факт и возводя этот факт в норму культурной идентичности «мы». Никаких лингвистических или методологических аргументов в пользу выбора этого периода и этого набора понятий они не приводят. В результате собирается весьма интересная подборка разных историй разных понятий, но никак не Begriffsgeschichte как целостная историческая концепция, в которой специальное обращение к «России» как предмету анализа было бы обоснованным. См.: *Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И.* Предисловие // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 5–46.

[19] «Anthropologisch nicht eliminierbar» (*Conze W.* Freiheit // Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1975. Bd. 2. S. 542).

залось бы, ставит под вопрос главный принцип всего методологического подхода Begriffsgeschichte. Он призван показать, в пику прежней истории идей, что ключевые понятия не имеют априорного надысторического статуса, а являются «индикаторами» и «факторами» культурного опыта, который они организуют, будучи сами его продуктами. Вместе с тем в этом утверждении обозначается и проблема границ историко-понятийной вариативности – в какой мере мы вправе говорить об истории *одного* понятия как *едином процессе* и есть ли какие-то иные способы конституировать единство этого процесса помимо его отнесения к одному словарному слову.

Гегель, отвечая на романтический культ исторических наций-индивидов, еще мог решать эту проблему с помощью диалектики общего и единичного, в силу которой конкретные исторические эпохи и отдельные народы выступали как спецификации универсального понятия, развивающегося в истории. «Всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы»[20] – так звучала итоговая формула этой диалектики идеи свободы как взаимосвязи всеобщего понятия и его индивидуальных исторических гештальтов.

Но уже для Ницше, отказавшегося от универсальной метафизической рамки истории, мнения о свободе представляются настолько индивидуальными и разнородными, что

---

[20] *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории // Он же. Соч.: В 14 т. М., 1935. Т. 8. С. 422.

о ней «нельзя установить общезначимого понятия»[21]. Радикальная контекстуализация понятий, производимая в исследованиях Кембриджской школы столетие спустя, проникнута тем же антиметафизическим импульсом, так что говорить о некоей единой «истории понятия» в ее оптике нет никаких оснований. Но в ней невозможно говорить и о «понятиях в России» – это было бы уже незаконной идеализацией, выходящей за пределы локальных контекстов вокруг речевого действия того или иного знаменитого автора. Можно было бы говорить о понимании свободы Екатериной II, А. И. Герценом или Н. А. Бердяевым, о «языках свободы» 1830–1840-х гг. и т. п., но не о «русской свободе» или «понятии свободы» в российской интеллектуальной истории[22].

А может быть, «русская свобода» – это историческая фикция или неуклюжая выдумка философов, вроде «русской идеи» или «русской ментальности»? И нет никакого специфического понятия свободы в России и опыта, выраженного в нем, а есть лишь свобода как универсалия – или, наоборот, лишь плюрализм совершенно разных понятий в разнородных контекстах? К тому же ведь существует устойчивая привычка видеть в России лишь традиции несвободы. Такой взгляд уже в середине XIX в. выразил А. де То-

---

[21] *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Он же. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 391.

[22] По поводу сложностей при перенесении республиканского понятия свободы на российскую тематику см.: *Павлов А.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах.

квиль, когда резюмировал свой анализ демократии противопоставлением Америки и России как двух полярных принципов – «свободы» и «рабства»[23]. И этому взгляду, не находящему в российском политическом пространстве отчетливых нарративов свободы, продолжает следовать до сегодняшнего дня немалое число аналитиков русской истории[24]. Но также и аналитический взгляд изнутри российской интеллектуальной традиции, отчетливо выраженный в тезисе Г. П. Федотова, что «слово „свобода“ до сих пор кажется переводом французского „liberté“»[25], не находит в ней самостоятельного дискурса свободы, а лишь историю его вытеснения.

Но, парадоксальным образом, если эта универсалистская модель, которая определяет свободу то как «антропологическую константу», то как всеобщий нормативный принцип, проецируется на историческую реальность и в ней связывается с какой-то одной культурной и политической формацией («Западом», «Европой», «Америкой» и т. п.) как образцовым ее воплощением, она сама начинает рассматриваться как *одна из* традиций, а не как масштаб для оценки реаль-

---

[23] *Tocqueville A. de.* De la Démocratie en Amérique. Bruxelles, 1835. T. 2. P. 435–436.

[24] *Wittram R.* Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte: Gedanken zu einigen Fragestellungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1954. Bd. 2. S. 369–386; *Geyer D.* Die Idee der Freiheit in der osteuropäischen Geschichte // Leviathan. 1990. № 18. S. 327–338. При этом локальные контексты использования понятия свободы могут учитываться и анализироваться.

[25] *Федотов Г. П.* Россия и свобода // Новый журнал. 1945. № 10. С. 189–213.

ности. Этот аргумент давно используют различные авторитарные, традиционалистские и консервативные идеологии, оспаривающие высшую ценность свободы и объявляющие ее сугубо «декларативной». Вся советская идеология была построена на критике и отрицании «так называемой свободы» западного мира как иллюзии и пустой декларации. И нынешние авторитарные режимы, легитимирующие себя посредством критики «Запада», лишь воспроизводят эту критику с незначительными вариациями.

Но об универсалистской идее свободы спорили и ее сторонники, которые обсуждали, на каких основаниях она объявляется «неустранимой». Критиками универсализма выступают здесь приверженцы различных форм культурной партикулярности, среди которых наиболее влиятельными являются при всех их различиях представители коммунитаризма (Ч. Тейлор, М. Сэндел) и неопрагматизма (Р. Рорти). Смысл их аргументации состоит в том, что декларирование свободы в качестве универсальной идеи опирается не на некую фундаментальную норму или рациональное обоснование (наподобие естественного права или «идеального дискурсивного сообщества»), а на исторически сложившийся фактический консенсус современных либерально-демократических обществ, признающих свободу индивида высшей ценностью. Иначе говоря, всякая попытка обоснования универсального принципа свободы опирается на культурные предпосылки и очевидности, сформировавшиеся в полити-

ческой культуре западных обществ в ходе ее исторического развития. Рорти специально подчеркивает исторически случайный характер такого консенсуса относительно приоритета прав человека, свободы, равноправия и солидарности, что, по его мнению, не препятствует «либеральной утопии», выражающей надежду на глобальное расширение этого консенсуса[26].

Вывод, который можно сделать из споров между представителями универсализма и культурного партикуляризма, заключается в признании *вариативности* и *плюрализма* исторических траекторий, по которым в разных культурных ареалах проходит процесс формирования и трансформаций семантик свободы. Такой вывод, однако, совсем не тривиален, поскольку он требует создания новой оптики в исследовании истории понятий и идей, которая фокусирует феномены в пространстве *между* глобальной историей одного понятия и атомизмом локальных контекстов речевых действий. А эта оптика требует, в свою очередь, фиксирования *культурных различий* в семантических процессах и сравнительного их исследования[27].

---

[26] *Rorty R.* The Priority of Democracy to Philosophy // M. Peterson, R. Vaughan (eds.). The Virginia Statute of Religious Freedom. Cambridge, 1988. P. 257–288.

[27] О конструкции культурных различий в философском дискурсе см. подробнее: *Plotnikov N.* Begriffsgeschichte und Übersetzung. Zur Bestimmung der kulturellen Unterschiede in der Philosophie am Beispiel der Geschichte des russischen Begriffs «Person» // G. Münnix (Hrsg.). Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik. Freiburg; München, 2017. S. 233–252.

Последовательный анализ этих культурных различий показывает, что уже сама традиция «западного понимания свободы» оказывается внутри себя далеко не однородной, а включающей целый конгломерат различных традиций, течений и направлений интерпретации, возникших в результате культурных, идеологических и политических противоборств по поводу семантики этого понятия. Уже в контексте британской консервативной критики Французской революции Э. Бёрк сформулировал представление об «английской свободе», основанной на традиции и вековой защите прав человека политическими институтами[28]. Эту «нашу свободу» Бёрк противопоставлял рационалистической конструкции свободы, которая восторжествовала во Французской революции и представляет собой лишь форму тирании. В период наполеоновских войн в начале XIX в. идеологическую остроту приобретает идея «немецкой свободы», которую И.-Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» не просто противопоставляет французской, но акцентирует в качестве «подлинной свободы» как органического единства народа в противоположность его механическому агрегату[29]. В совсем иной

---

[28] *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. Противопоставление «British liberty» и «French liberty» проникает даже в британские карикатуры эпохи Французской революции.

[29] См. об истории идеи «немецкой свободы»: *Schmidt H. J.* Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. Frankfurt a. M., 2010.

идейной и политической ситуации периода Первой мировой войны немецкие интеллектуалы (Э. Трёльч, А. Гарнак, Ф. Майнеке) возрождают эту идею «немецкой свободы», чтобы противопоставить ее английской и французской. Эта традиция хотя и связана с запоздалым развитием демократических институтов, но имеет свой центр тяжести – в духовном образовании индивида, сочетающемся с самоотдачей индивида государственному целому[30].

Если в полемиках периодов революций и войн культурные различия в семантиках свободы приобретали характер идеологической конфронтации, то в гуманитарно-научных исследованиях после культурологического поворота (cultural turn) конца XX в. указание на культурные различия подчеркивает, напротив, плюрализм и равноценность различных семантических традиций. Образы «английской, французской и немецкой свободы» призваны подчеркнуть взаимодействие этих традиций, трансфер семантик и общность их отдельных аспектов при существенном различии тех политических моделей и образов «свободного человека», которые лежат в их основе[31]. Общий горизонт понятия свободы

---

[30] *Трёльч Э.* Немецкая идея свободы // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.) / Под ред. М. А. Абрамова. М., 2000. С. 183–200.

[31] Ср., например, работу французского политолога Филипа д'Ирибарна, который предлагает различать три модели: «свободы собственника» в английской традиции, свободы члена товарищеского сообщества в немецкой и свободы «благородного человека» во французской (*d'Iribarne P.* Trois figures de la liberté //

складывается, таким образом, из процессов взаимодействия, взаимовлияния, трансфера, взаимного притяжения и отталкивания различных семантических моделей свободы, сформировавшихся в русле разных культурных традиций и традиций политического участия[32].

При этом необходимо учитывать, что культурные различия – это не историческая данность, которую можно было бы принять как факт, а следствие вписывания понятий в дискурсивную формацию, в рамках которой они только и конструируются как культурно специфические. Тот факт, что некий текст написан на территории России (Российской империи, Советского Союза), или на русском языке, или принадлежит автору, являющемуся подданным или гражданином страны, вовсе не делает его принадлежащим к дискурсу национальной культуры (контрпримеров тому достаточно). Лишь после того, как он был вписан в дискурсивную формацию культурного своеобразия, он приобретает функцию носителя культурных различий и конституируется как предмет

Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2003/05. 58e année. P. 953–978).

[32] В этом направлении движется ряд новых исследований в области Begriffsgeschichte по сравнительной семантике основных исторических понятий в разных политических культурах. Ср.: *Steinmetz W.* (Hrsg.). «Politik». Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit. Frankfurt a. M., 2007; *Leonhard J.* Grundbegriffe und Sattelzeiten – Languages and Discourses. Europäische und anglo-amerikanische Deutungen des Verhältnisses von Sprache und Geschichte // R. Habermas (Hrsg.). Interkultureller Transfer und nationaler Eigensinn: Europäische und anglo-amerikanische Positionen der Kulturwissenschaften. Göttingen, 2004. S. 71–86.

сравнительного исследования.

Хотя в России не сформировалась устойчивая идеологема «русской свободы», да и само это словосочетание встречается, пожалуй, лишь в названии выходившего несколько месяцев, с весны по осень 1917 г., еженедельника «Русская свобода» под редакцией П. Б. Струве и при ближайшем участии авторов сборника «Вехи» (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и др.) и ряда представителей кадетской партии, в российской интеллектуальной истории нетрудно найти такой дискурс культурных различий. Им является *противопоставление русской «воли» западной «свободе»*. Эта понятийная оппозиция все еще имеет конкретное «место прописки» в интеллектуальной истории, а именно авторскую формулировку в статье Г. П. Федотова «Россия и свобода» (1945). Но уже к моменту публикации статьи эта формула имела широкое хождение[33], да и вплоть до сегодняшнего дня кочует по публичным текстам о России, выполняя функцию «общего места» аргументации в дискуссиях о российской политической культуре.

Именно в таком смысле и следует рассматривать роль понятий в дискурсах культурных различий – они выполняют функцию *опорных точек аргументации*, будучи постоянно воспроизводимы в дискурсивном поле публичной полемики. Такие опорные точки аргументации со времен античной

---

[33] См., например: *Тэффи Н.* Воля // Возрождение. 1936. 24 мая. № 4008. С. 2. (За указание на источник благодарю Д. Д. Николаева.)

риторики и диалектики именуются «топосами» (tópoi). Уже у Аристотеля «топика» означает, с одной стороны, учение о формах и стратегиях аргументации в публичной дискуссии (в суде, политической речи, общественных собраниях), а с другой – систематический свод аргументов («топосов»), предназначенных для использования в типичных коммуникативных ситуациях.

Из-за своего двойного происхождения из риторики и философии понятие топоса как базового элемента аргументирующего дискурса сохраняет двоякий смысл вплоть до возрождения риторики и топики в XX в. в разных областях гуманитарно-научного знания (от философии и юриспруденции до литературоведения и лингвистики). Во-первых, топос имеет значение «общего места», т. е. некоей распространенной фигуры речи, которая используется в качестве рубрикатора для определенного класса содержаний, обычно не высказываемых и лишь подразумеваемых, но сразу узнаваемых по названию, и организует публичную речь в некую последовательность, имеющую целью обоснование сказанного и убеждение слушателей. Эти так называемые «материальные топосы» представляют собой стандартизированные элементы речи, которые применяются автором как уже готовые темы к обсуждаемому им сюжету, придавая убедительность его высказыванию. Это могут быть и фигуры аргументации типа «а у вас негров линчуют», устойчивые фигуры интерпретации, например «загнивание Запада» или «широта рус-

ской души», но также и темы, по поводу которых имеется согласие публики, или цитаты из известных литературных произведений и т. д.[34] Во-вторых, топос (в логике и теории аргументации со времен Аристотеля) имеет значение изобретения аргументов в публичной речи. В этом смысле топосы представляют собой правила умозаключения из лишь «правдоподобных» («вероятностных») посылок и нахождения того «места» в последовательности речи, благодаря которому аргументы приобретают наиболее убедительную силу и способствуют опровержению оппонента в споре («формальные топосы»)[35].

В современной теории аргументации (от Х. Перельмана до Й. Коппершмидта[36]) оба эти аспекта топики объединяют-

---

[34] Со времен работ Эрнста Роберта Курциуса анализ материальных топосов в литературе, поэзии и риторике стал в XX в. одним из популярных методов филологической интерпретации текстов (поэтических мотивов, элементов сюжета и проч.). См.: *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948; а также: *Baeumer M. L.* Toposforschung. Darmstadt, 1973. Примеры анализа российских литературно-публицистических топосов см. в кн.: *Долинин А.* «Гибель Запада» и другие мемы. Из истории расхожих идей и словесных формул. М., 2020, хотя автор говорит о «мемах», а не о «топосах».

[35] Примером формальной функции топоса, помогающей выстроить последовательность аргументов, является фигура «кому это выгодно». Формальную функцию топоса выполняет также и argumentum ad hominem. Ср. исследование истории этого аргумента от Античности до современного политического и философского дискурса в кн.: *Маяцкий М.* Ad hominem и обратно. М., 2020.

[36] *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. 2 vols. Paris, 1958; *Kopperschmidt J.* Methodik der Argumentationsanalyse. Stuttgart–Bad Canstatt, 1989; *Bornscheuer L.* Topik. Zur

ся в стратегию анализа аргументов, которая позволяет понять не только микроструктуру дискурса, его базовые элементы (топосы), строение аргументированной речи, правила и нормы обоснования и опровержения тезисов и др., но и его макроструктуру – коммуникативные функции и социальное (политическое) измерение аргументативных ситуаций и процессов, а также институциональную среду аргументации.

Исследование интеллектуальной истории, сконцентрированное на анализе материальных и формальных топосов, можно программно обозначить как *историю аргументации*[37]. Фокусирование исследования на структуре и процессах аргументации как основной материи анализа позволяет определить данный подход как самостоятельный уровень

Struktur der gesellschaftlichen Einbildungskraft. Frankfurt a. M., 1976.

[37] Формулировка «история аргументации» впервые была использована для обозначения методологического подхода Хайнером Шульцем в его критике Козеллека и программы Begriffsgeschichte: *Schultz H.* Begriffsgeschichte und Argumentationsgeschichte // R. Koselleck (Hrsg.). Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart, 1979. S. 43–74. Но она не получила дальнейшей разработки и применения в его трудах. Шульц не обращался к разработкам по теории аргументации от Аристотеля до Х. Перельмана. Эта программа была переформулирована Мартином Венгелером в контексте анализа дискурса: *Wengeler M.* Historische Diskurssemantik als Analyse von Argumentationstopoi // D. Busse, W. Teubert (Hrsg.). Linguistische Diskursanalyse: Neue Perspektiven. Wiesbaden, 2013. S. 189–215. Применение подхода «истории аргументации» к исследованию интеллектуальной истории, фокусирующее внимание на анализе философских топосов, связанных с понятием «личность», см. в работах: *Plotnikov N.* Begriffsgeschichte und Übersetzung; *Плотников Н. С.* От индивидуальности к идентичности. (История понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. С. 64–83.

между изучением глобальной истории одного понятия и локальных контекстов речевых действий[38].

В отличие от подхода кембриджских историков политической мысли, анализ интеллектуальных топик обращает внимание на коммуникативную ситуацию в целом, в которой значение высказывания лишь отчасти конституируется индивидуальной интенцией автора, но в большей степени создается в пространстве коммуникации, в котором собеседники или оппоненты по умолчанию разделяют некоторые предпосылки, тогда как другие делают предметом обсуждения или спора. Если воспользоваться формулировкой В. Н. Волошинова, разработанной в социолингвистических дискуссиях в кружке Бахтина, можно сказать, что «топос» – это «сценарий события» речевой коммуникации, в которой участники выдвигают аргументы, опровергают оппонентов, защищают свои тезисы и стремятся убедить слушателей в своей правоте и т. д.[39] «Сценарий» как раз и означает такую структурированную и формализованную последовательность коммуникативной ситуации, выраженную в крат-

---

[38] Сходную стратегию анализа развивает А. Бикбов: *Бикбов А. Т.* Грамматика понятий. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014. С. 9–38. Он разбирает подходы Скиннера и Козеллека и выделяет «средний» уровень анализа между глобальным и локальным.

[39] *Волошинов В. Н.* Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267 (С. 257: «Слово – это как бы „*сценарий*“ некоторого события»). Волошинова интересует прежде всего «поэтическое слово», которое, однако, играет роль, аналогичную философскому «понятию» и публичному «топосу».

кой словесной форме, которая содержит правила и предписания для «исполнения» процесса обмена аргументами как для участников, так и для реципиентов. А когда Волошинов называет «высказывание» в реальных коммуникативных ситуациях «объективно-социальной энтимемой», он явным образом обращается к наследию аристотелевской топики и риторики. В нем энтимема, или вывод из неполного числа посылок, рассматривается как важнейший тип риторического доказательства, когда оратор апеллирует к мнениям, которые разделяются большинством присутствующей публики и не нуждаются в том, чтобы быть высказанными. Так поступает, сознательно или нет, любой говорящий в определенной речевой ситуации, поскольку он обращается к собеседнику (оппоненту, публике), находящемуся также внутри нее и имеющему единый горизонт знания и понимания. В большинстве случаев речевая интеракция протекает беспрепятственно. И только в случае «непонимания», т. е. нарушения интеракции, требуется явным образом высказать все подразумеваемые посылки и условия коммуникации. Тогда слово из лишь подразумеваемого «сценария ситуации» переводится в план эксплицитной его формулировки, т. е. становится понятием и аргументом[40].

Такой взгляд на функцию понятий в интеллектуальной истории позволяет связать вместе в едином подходе аспек-

---

[40] Про «энтимему» см.: *Волошинов В. Н.* Слово в жизни и слово в поэзии. С. 251.

ты знания и интеракции при анализе дискурса. Понятия рассматриваются здесь не только в их когнитивной функции как единицы знания и синтезирования опыта, но также в их социальном измерении как средства убеждения, воздействия или господства. В этом ракурсе мы стремимся определить социальные группы, являющиеся субъектами публичного дискурса, приемы аргументации, ими используемые, а также институциональные условия и предпосылки, которые содействуют селекции и закреплению предложенных аргументов, а также их превращению в топосы, т. е. транслированию за пределы отдельного дискуссионного контекста.

Тем самым уже на уровне структурирования материи интеллектуальной истории мы имеем дело не с отдельными речевыми ситуациями, а с более или менее стабильными элементами дискурса – топосами, которые повторяются с вариациями из контекста в контекст и приобретают характер «общих мест», узнаваемых и признаваемых в качестве культурных «очевидностей» участниками дискурсивного сообщества. Из них и складывается континуум аргументации, который исследуется как самостоятельный исторический объект в диахронии. И именно в этом смысле можно говорить о преемственности и изменчивости значений – одни топосы не выходят за рамки ограниченного числа контекстов, другие, наоборот, сохраняют свою инвариантность на протяжении разных периодов интеллектуальной истории (например, противопоставление свободы и зависимости сохраня-

ется, несмотря на отмену специфических форм угнетения: рабства, крепостного состояния и проч.).

Рассмотрение интеллектуальной истории как «истории аргументации» отличается и от Begriffsgeschichte в ее традиционном формате «Словаря», поскольку фокусирует внимание не на изолированном слове-«понятии» и изменениях его семантики. Любой языковой элемент может приобрести функцию топоса в публичной дискуссии – от отдельной буквы алфавита (например, «ъ») и отдельного слова до словосочетания, фразы, лозунга, цитаты вплоть до целых текстов («Декларация прав человека и гражданина», «Манифест 17 октября» и т. п.)[41].

Конечно, и философские, и политические понятия фигурируют в качестве топосов, и более того, в силу своего генезиса из процессов аргументации они всегда сохраняют «полемический» характер, хотя и в стертом виде. Поэтому для реконструкции «истории понятия» всегда требуется значительная работа по прояснению понятийных различий и полемических противопоставлений, выступавших мотивом к формулированию или более точному определе-

[41] Такой подход использован Г. Ч. Гусейновым при исследовании советских «идеологем»: *Гусейнов Г. Ч.* Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе. М., 2004. Гусейнов исследует в первую очередь тоталитарный язык идеологии, выделяет, соответственно, как его элементарную единицу – «идеологему». В ситуации тотальной идеологизации советского языка огромное количество топосов публичной аргументации имеет характер именно таких идеологем. «Свобода как осознанная необходимость» – один из примеров «общих мест» советской идеологической аргументации.

нию понятия. Но в публичном дискурсе понятия никогда не выступают как изолированные когнитивные единицы философского словаря, а всегда как инструменты полемики, приобретая спецификацию в соответствии с контекстом или контекстами дискуссии[42]. Поэтому в публичных контекстах аргументации мы имеем дело с составными понятиями, которые разъясняют, уточняют, конкретизируют понятие, но вместе с тем подчеркивают лишь какой-то один его аспект, подчиняя логике «идеологизации» и «политизации», о которых уже Козеллек писал, что это основные тенденции, влияющие на изменение семантики понятий[43]. Можно наблюдать, что и в дискуссиях о понятии «свобода» играют роль не только лозунги «Liberté, egalité, fraternité» или «Свобода или смерть», но и составные понятия. Уже одна из первых влиятельных типологий понятий свободы, данная Б. Констаном в речи «О свободе у древних в сравнении со свободой современных людей» (1819), выделяет специфические семантики свободы для разных эпох и показывает, что «свобода древних» (la liberté des Anciens), т. е. античное понятие свободы

---

[42] О функции языка философии см.: *Плотников Н. С.* Язык русской философской традиции. «История понятий» как форма исторической и философской рефлексии // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 71–88.

[43] *Koselleck R.* Einleitung // O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck (Hrsg.). Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 1. Stuttgart, 1972. S. XIII–XXVII. А. Бикбов в своем исследовании также делает акцент на специфицированных понятиях: не «прогресс» вообще, а «научно-технический прогресс», не «личность», а «всесторонне развитая личность» и т. д., см.: *Бикбов А.* Грамматика понятий.

как коллективного политического участия во власти, не может быть без изменений перенесена в другие эпохи, поскольку она несовместима с понятием индивидуальной свободы современной эпохи (la liberté des Modernes). И этот топос разграничения (и противоположности) публичной и приватной свободы сохраняется вплоть до дискуссий о неоаристотелизме конца XX в. (школа Й. Риттера в Германии, А. Макинтайр и М. Нуссбаум в США)[44]. Таким же образом и современные дискуссии о свободе вращаются вокруг различения «негативной и позитивной свободы», популяризованного И. Берлином и ставшего уже топосом глобальной дискуссии о политической философии, вокруг которого выстраиваются линии аргументации защитников и противников «негативной свободы»[45].

Из этих примеров можно вывести еще одно заключение, касающееся подхода «истории аргументации». Формирование аргументов происходит не в стабильной речевой ситуации употребления слова, а в ситуации нарушения понимания в коммуникации, в ситуации спора, дискуссии, в широком смысле «дискурсивного конфликта», когда участникам коммуникации приходится явным образом артикулировать основания своих высказываний, использовать приемы

---

[44] *Gutschker Th.* Aristotelische Diskurse. Aristoteles in der politischen Philosophie des 20. Jahrhunderts. Stuttgart; Weimar, 2002.

[45] Ср. подборку ключевых текстов философской дискуссии по поводу «негативной свободы» в кн.: *Schink Ph.* Freiheit. Zeitgenössische Texte zu einer philosophischen Kontroverse. Berlin, 2017.

убеждения или опровержения, т. е. восстанавливать или даже заново создавать общий горизонт понимания между всеми участниками дискурса. Как раз в таких ситуациях неожиданно приобретает большое значение «спор о словах», хотя уже Аристотель предупреждал о тщетности и ненужности таких споров. Но не только в философских дебатах предметом спора являются «понятия» и их более точное определение. В политических дискуссиях также регулярно встречаются феномены борьбы за те или иные понятия и даже политики целенаправленной «оккупации понятий» (например, «справедливость» или «центризм») каким-то политическим направлением[46]. Стратегия аргументации и в том, и в другом случае заключается в достижении согласия по поводу семантики того или иного понятия и правил его использования в философских или политических дискурсах. И поэтому в анализе интеллектуальной истории наиболее красноречивые результаты дает рассмотрение истории полемик, дискуссий, споров о понятиях, в ходе которых формулируются и проходят свою проверку понятия-аргументы[47].

---

[46] См.: *Lübbe H.* Streit um Worte. Sprache und Politik // Id. Bewusstsein in Geschichten. Studien zur Phänomenologie der Subjektivität: Mach–Husserl–Schapp–Wittgenstein. Freiburg, 1972. S. 132–167. О роли дискурсивных конфликтов в изучении философской истории понятий см.: *Куренной В.* История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 197–239.

[47] О дискурсивных конфликтах по поводу понятия справедливости в российской интеллектуальной истории см.: *Plotnikov N.* (Hrsg.). Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken. München, 2019. S. 1–19 и др.

Итак, разбор различных подходов к интеллектуальной истории можно резюмировать тезисом, что если и существует «особое» представление о свободе в России, то это не отблеск какого-то эссенциалистского представления о «русской идее», «душе» или «российской ментальности» и не следствие из факта существования русского языка или русской культуры. Но это и не понятие с пустым денотатом. Точнее можно его описать как название для *комплекса взаимодействий* социальных практик и дискурсов, которые приписывают этим практикам качество свободных (или отрицают за ними это качество)[48]. В рамках дискурсов институционализированной публичной сферы как раз и складываются основные топосы свободы, позволяющие структурировать пространство политического и культурного опыта, а также сформировать горизонт ожиданий, выражаемых обществом в качестве образов будущего[49].

---

[48] В качестве практик свободы может описываться туризм или секс (как в приведенном ниже тексте Л. Г. Ионина), но более устойчивая традиция в России приписывает характер свободы в первую очередь практикам поэтического творчества.

[49] Ср. определение Козеллеком роли понятий как связи «пространства опыта» (Erfahrungsraum) и «горизонта ожиданий» (Erwartungshorizont): *Koselleck R.* «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» zwei historische Kategorien // Id. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M., 2010. S. 349–375.

«Свобода» в России: от слова к топосу

Определения свободы, даваемые в современных словарях, почти уже не содержат следов культурных различий и стерты до абстрактных универсальных атрибутов. Толковые словари русского, немецкого, английского и французского языка[50] приводят в качестве основных три значения слова, пусть даже и в разной последовательности и с разными уточнениями: 1) свобода как качество независимости или социальный статус, противоположный рабству; 2) свобода как возможность делать что-либо без ограничений и препятствий (что хочется, что считается нужным, что соответствует выбору и т. д.); 3) свобода как состояние, противоположное неволе, тюремному заключению и пр. При этом не играет существенной роли, выражаются ли эти основные значения «свободы» с помощью одного слова (liberté, Freiheit) или с помощью двух или более (liberty/freedom, свобода/воля). Конечно, при более подробной дифференциации аспектов значения (до 10 или 20), а также за пределами словаря в контекстах употребления семантические различия могут

---

[50] В качестве примера были взяты: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. 27-е изд. М., 2011; Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. in 10 Bänden. Mannheim, 1999; Concise Oxford English Dictionary / Ed. by A. Stevenson, M. Waite. Oxford, 2011; Larousse Dictionnaire de la langue française. Paris, 1992.

проявляться более отчетливо, но в целом оправданно обобщение, что семантическое ядро слова остается универсальным[51].

Дело обстоит совсем иначе, если рассмотреть семантическое поле «свободы» в диахроническом измерении. Динамика семантических трансформаций оказывается индикатором различий в линиях развития политического и культурного опыта, который находит свое выражение в слове и формирует основные элементы сознания свободы, в значительно большей степени, нежели синхронное сравнение отдельных аспектов словарного значения слова. Хотя подробная история русского слова «свобода» еще не написана, а есть только отдельные подступы к ней[52], можно установить по

---

[51] Нужно при этом отвлечься от бытующей в современных российских толковых словарях практики некритически заимствовать значение слова «свобода» из советского идеологического языка, где оно означало «осознанную необходимость» («возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества»), см.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1953, то же: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 704.

[52] В советских исследованиях общественно-политической лексики (В. В. Виноградова, Ю. С. Сорокина) анализ истории слова «свобода» за небольшими исключениями не предпринимался. Высказаны лишь разрозненные наблюдения об истории слова «вольность» в языке XVIII в.: История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Ред. Ф. П. Филин. М., 1981. С. 302–304; *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972. С. 273–274 (в сравнении со словом «свобода» в конце XVIII в.). Распространенная практика анализа «культурных концептов» в духе А. Вежбицкой уделяет мало внимания истории слов, сосредоточиваясь на синхронном изучении разных контекстов употребления. Исключение

крайней мере основные вехи истории понятия и его вхождение в пространство публичного дискурса. В русском языке, отмеченном в его средневековой фазе диглоссией церковнославянского и древнерусского языков, семантическое развитие проходит по двум основным лексическим траекториям – «свободный» и «вольный», аналогично английскому языку с его двойственностью «freedom» и «liberty», которые, однако, имеют иные семантические признаки[53]. Кристоф Шмидт в очерке истории русского понятия «свобода» подчеркивает в качестве основного значение слова «свобода» («свободити», «свободь» и др.) в религиозно-церковном контексте[54] (как перевод др.-греч. «ἐλευθερία») – «избавление от греха», «спасение», т. е. свойство, отличающее члена религиозной общины (древнейшее свидетельство в «Изборнике» Святослава 1076 г.). В мирском контексте «свобода» обозначает также особый статус или привилегию сво-

---

составляют: *Левонтина И.*, *Шмелев А.* Либеральный лексикон. М., 2019 (где анализ контекстов употребления дополняется экскурсами в историю слова «свобода»), а также более подробная работа: *Лисицын А. Г.* Анализ концепта «свобода-воля-вольность» в русском языке. Дисс. канд. филол. н. М., 1996.

[53] В целом ряде определений понятия (а не слова) на английском языке и в первую очередь в знаменитом эссе И. Берлина «Два понятия свободы» различие слов «freedom» и «liberty» не учитывается, а устанавливаются сугубо концептуальные различия в понимании свободы.

[54] *Schmidt Ch.* Freiheit in Russland. Eine begriffshistorische Spurensuche // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. S. 264–275. Эти данные подтверждаются в исследовании: *Коршаков В. В.* «Свобода» и «воля» древнерусского человека // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 3. С. 13–28.

бодного человека («свободь») в противоположность рабам и холопам. Наряду с этим значением тексты средневековой Руси говорят о свободе в третьем – юридическом – значении прав и привилегий городских и посадских общин («слобода», «слободской»), дарованных князем, и одновременно их территорий как привилегированных (в налоговом, хозяйственном и т. п. отношении) пространств.

Другой сектор семантического поля свободы – «вольный» – восходит, согласно Шмидту, к совсем иному древнегреческому источнику. Оно используется как перевод «ἑκούσιος» («произвольный», «добровольный» как характеристика поступков человека) и совершенно не встречается в религиозно-богословском контексте[55]. «Вольный» имеет прежде всего хозяйственно-юридическое значение (например, в новгородских грамотах XIII в.) «намеренного действия», а также разрешения на свободу торговли, свободу заключать договоры и пр. Существительное «вольность» появляется только в XVII в. после Смуты, вероятно, в силу польских влияний и достигает наиболее широкого распространения в XVIII в. в значении правового статуса и привилегий социальных групп и их членов.

Существует, однако, и третья линия семантического развития, связанная со второй, но отличающаяся по траектории изменения, – слово «воля». Его история протекает сначала параллельно с историей «вольности» в смыс-

---

[55] *Schmidt Ch.* Freiheit in Russland. S. 266–267.

ле «разрешения», «привилегии» и «права» на какие-либо действия, но осложняется омонимией со способностью желания («voluntas»/«Wille») и «произволом»/«свободной волей» («arbitrium»/«Willkühr»)[56]. Именно из сочетания этих двух значений возникает в XVIII в. то значение воли как «безграничной» свободы, которое согласно Г. П. Федотову наиболее явно маркирует его «русскость»[57]. Не в последнюю очередь оно связано с социальным статусом «вольного» казачества, имевшего свободу передвижения и ряд других привилегий («вольностей»), в частности добровольное несение воинской службы («вольница»). А казак Емельян Пугачев, используя ту же самую юридическую терминологию, превращает в своих «царских указах» слово «воля» в революционное требование восставшего крестьянства. Он обещает «дать волю» (вольность) всему закрепощенному населению, в силу чего «воля» становится обозначением состояния, свободного от всякой зависимости и принуждения[58].

Ко второй половине XVIII в. семантическое поле определяется с помощью трех слов: *свобода* – в общефилософском

---

[56] Ср.: Христофора Целлария краткий латинский лексикон с российским и немецким для употребления Санкт-Петербургской гимназии. СПб., 1746.

[57] *Федотов Г. П.* Россия и свобода. С. 198. Федотов относит понятие «воля» даже к Московской Руси, хотя значение «вольницы» оно приобретает значительно позднее.

[58] Ср.: Именные указы, повеления и манифесты Е. И. Пугачева // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. / Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1952. Т. 2. С. 89, 92 («воля»); 95, 96, 97, 98 («вольность»).

смысле и преимущественно в религиозном смысле «спасения души», «освобождения от греха» и внутренней независимости; *вольность* – в смысле пожалованных привилегий и льгот, освобождавших отдельные слои и группы населения от тех или иных ограничений и повинностей; *воля* — в смысле полного освобождения от рабства и крепостной зависимости. В этих значениях лексику свободы фиксируют и словари конца XVIII в.[59] Причем, как замечает Шмидт, все три слова имеют *неполитический* характер.

Частичный параллелизм значений слов «свобода» и «вольность» предопределяет в течение XVIII в. неустойчивость их употребления, они часто оказываются взаимозаменяемыми – «Вольное экономическое общество» и «свободные науки», манифест Петра III «О вольности и свободе дворянства» (1762) и т. п.[60] Ситуация изменяется во второй половине XVIII в. с рецепцией в России теорий естественного права и перевода соответствующей терминологии политических и правовых теорий. В ходе этого процесса происходит перераспределение значений: «вольность» приобретает правовое значение свободы, тогда как «свобода» обозначает «общую (часто физическую) возможность совершения

---

[59] Словарь Академии Российской. Т. 5. 1789; *Алексеев П. А.* Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних. Ч. 3. От Р до V. СПб., 1794.

[60] См. примеры: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в.

чего-либо»[61].

Сама императрица Екатерина II собственноручно содействовала упрочению этого естественно-правового значения «вольности» своим знаменитым «Наказом, данным Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» (1767), в котором она дословно заимствовала определения свободы из «Духа законов» Ш. Монтескье. Принимая за исходный пункт «естественную вольность» людей, Екатерина определяет условие, при котором эта вольность получает наименьшие ограничения и, кроме того, направляется «к получению самого большого ото всех добра» (ст. 13 и 14). Такое общественное состояние она называет «общественной или государственной вольностью» (ст. 39), отождествляя политическую свободу исключительно с государственной, каковая «есть право все то делать, что законы дозволяют» (ст. 38). Дух свободы («разум вольности», ст. 14), к которому взывает императрица, поэтому не противоречит в ее понимании принципу «единоначалия» и неограниченной самодержавной власти, ведь только она и печется об установлении «вольности», покоя и безопасности граждан (ср. ст. 39, 112 о равнозначности свободы и безопасности). Расширению узуса слова «вольность» способствует и то, что Екатерина использует его не только в этом естественно-правовом значении, но и в смысле прав и привилегий. Так, она пишет в «Наказе» о «вольности торговли», а позднее

[61] Там же. С. 273.

в особой жалованной грамоте закрепляет «вольности дворянства» («Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства», 1785). Говорит она и о «лишении вольности» (ст. 210, 212 о смертной казни). А в контраст такому расширению семантики слова «вольность» – нечастое использование слова «свобода»: слова «свобода», «свободный» употребляются 12 раз против 35 употреблений слова «вольность». «Свобода» сводится здесь к физической возможности передвижения и произвольного действия («свободный проезд», ст. 566; «лишение свободы», ст. 136, 212; «свобода действий», ст. 194 и т. п.) и никак не связана с естественно-правовыми категориями[62].

Таким образом, Екатерина II приложила руку к распространению слова «вольность» в значении политической свободы и независимости, которое потом подхватил А. Н. Радищев. Он сделал его лозунгом интеллектуальной оппозиции и тем заложил основы освободительного движения в России. Но, ссылаясь в «Путешествии из Петербурга в Москву» на определение вольности в «Наказе», Радищев намеренно радикализует его, провозглашая равенство перед законом условием свободы («вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам»)[63]. Он наполняет

---

[62] О дифференциации понятий свободы в XVIII в. см.: *Бугров К. Д.* «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 179–189.

[63] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Он же. Избранные

понятие «вольность» отчетливо республиканским смыслом, и его ода «Вольность» кажется изложением в стихах первых глав трактата Руссо «Об общественном договоре». Впрочем, естественно-правовое понимание свободы как «естественной вольности», которая необходимо должна трансформироваться в правовые рамки «гражданской» или «политической вольности», получает широкое распространение в последние десятилетия XVIII в. и помимо Радищева (в текстах Д.И Фонвизина, Я. П. Козельского, С. Е. Десницкого)[64]. Поэтому вполне последовательным выглядит в этом контексте то обстоятельство, что и основной лозунг Великой французской революции переводится в конце XVIII и еще в начале XIX в. (вопреки суждению Г. П. Федотова) как «Вольность, равенство, братство»[65].

Реакция российского общества на Французскую революцию, в основном негативная, порождает дискурсивный конфликт вокруг слова «вольность» и его семантики. В этой связи вполне оправданно говорить о «борьбе за слово»[66], в ходе

философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 162.

[64] Ср.: История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. С. 303.

[65] Ср.: С.-Петербургские ведомости. 1789. № 74. С. 1168; Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 79–83. С. 96; Санкт-Петербургский журнал. 1809. № 9. С. 93. См. также: *Шустов А. Н.* «Свобода, равенство, братство»: Из истории русской общественно-политической лексики // Русская речь. 2012. № 3. С. 96–101.

[66] Термин, используемый в работе: *Лисицын А. Г.* Анализ концепта «свобода-воля-вольность» в русском языке. С. 39 и др.

которой понимание свободы эпохи просвещенного абсолютизма вступает в конфликт с «безудержной» свободой революции. Иногда оно приобретает отчетливую форму противопоставления двух слов – «свобода» и «вольность», аналогично тому, как в Англии конца XVIII в. обсуждается контраст между «French liberty» и «British liberty». При этом оказывается, что нет никакой семантической предопределенности в понимании того, какое из слов обозначает «истинную», а какое – «ложную» свободу. Если масон И. В. Лопухин в специальном сочинении направляет всю силу своей критики против «буйства свободы»[67], то другой масон – А. Ф. Лабзин обрушивается на свободу, «превратно часто понимаемую под именем Вольности»[68]. Впрочем, о реальном «дискурсивном конфликте» в данном случае можно говорить лишь условно, поскольку в публичной сфере отсутствовали позиции, открыто защищавшие республиканскую свободу (за исключением Радищева). Хотя граф П. С. Потемкин (участник подавления восстания Пугачева и переводчик Руссо) и высказывал в 1794 г. опасение, «что последователи их [французов] учения, обоняющие слепые умы народные

---

[67] *Лопухин И. В.* Изображение мечты равенства и буйной свободы, с пагубными их плодами. М., 1794.

[68] [*Лабзин А. Ф.*] О философии // Сионский вестник на 1806 г. Ч. 1. С. 34. Иногда предпринимаются попытки связать эти два слова с разными понятиями. Ср.: «Оба сии синонима можно различать, относя *свободу* к гражданскому, а *вольность* к нравственному состоянию человека» (Опыт словаря русских синонимов, издан … Петром Калайдовичем. М., 1818. Ч. 1. С. 115–116).

мнимою вольностью, умножаются», имена этих последователей остались неизвестными[69]. В публичной сфере господствовала лишь критика «пагубной», «безудержной» и т. п. «вольности», которая не могла встретить возражения.

Вероятно, отчетливая связь между «вольностью» и идеями якобинства в российском антиреволюционном дискурсе и оказалась катализатором постепенного вытеснения этого слова в начале XIX в. из публичного узуса и замены его словом «свобода» как менее скомпрометированным революционной идеологией. «Свобода» все еще сохраняла связь с религиозным измерением «спасения» и «избавления от греха» и под влиянием масонского мистицизма и новой религиозности Александровской эпохи оказывалась более предпочтительным словом, сильнее акцентирующим значение так называемой «внутренней свободы» как духовного самосовершенствования, нежели стремительно политизирующаяся «вольность». Во всяком случае, частота использования слова «вольность» неуклонно снижается и оно постепенно вытесняется «свободой»[70]. Хотя Пушкин, отвечая Радищеву, выбирает старое слово для заглавия своей оды «Вольность»

---

[69] Цит. по: *Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794. М., 1956. С. 166. Штранге, однако, указывает на нелегальное хождение в России французских революционных карикатур (с. 160–172).

[70] Характерно, что известный указ Александра I 1803 г. говорит о «свободных хлебопашцах», хотя по аналогии с прежними дарованными привилегиями он должен был бы называться «о вольных хлебопашцах». Ср.: *Schmidt Ch.* Freiheit in Russland. S. 272.

в 1817 г., но и в его словаре «свобода» встречается чаще, чем «вольность», которая сохраняется лишь как элемент возвышенно-патетической риторики («святая», «священная вольность»). Окончательно «свобода» перенимает всю естественно-правовую семантику «вольности» в текстах декабристов, где она становится основным элементом политической программы. К середине XIX в. происходит стабилизация лексического поля, которое центрируется теперь на слове «свобода». Этот факт фиксируется и в словарях: «вольность» в «Настольном словаре» Толля появляется уже только в значении «поэтической вольности»[71].

Вместе со словом выходит из употребления и связанное с ним прежнее понятие свободы, которое отсылало прежде всего к сословным привилегиям и льготам для определенных социальных групп («вольностям»). На смену ему приходит универсальное понятие свободы как атрибута человеческого бытия и свойства каждого индивидуума. Это значение выходит на первое место и в словарях, тогда как значение «социального статуса» или состояния независимости («нерабства») оттесняется на второе место или вообще исчезает[72]. При этом меняется и идейная основа этого универ-

---

[71] *Толль Ф. Г.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). М., 1863. Т. 1. С. 520. См. сравнение словарных значений в XIX в.: *Варзин А. В.* Свобода в словарной фиксации XIX – начала XX века: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 206–212.

[72] В «Словаре Академии Российской» (2-е изд. СПб., 1806–1822) значение

сального понятия. Естественно-правовое понимание свободы, в конце XVIII в. еще выражавшееся в слове «вольность», постепенно сменяется универсалистской концепцией свободы, по-разному выражаемой в немецкой философии и западноевропейском политическом либерализме (Б. Констан, Дж. Ст. Милль). А от нее получает развитие и множественное число – «свободы» как спецификация общей идеи в отдельных сферах общественной жизни («права и свободы»)[73].

Но наряду с центральным словом «свобода», приобретающим теперь либеральный смысл, сохраняется и старое слово «воля» в значении «нерабство». И оно приобретает тем больший вес в публичном дискурсе оппозиционной интеллигенции, чем отчетливее выясняется, что надежды на официально провозглашенную «свободу» в процессе отмены крепостного права[74] не оправдались и долгожданная «воля», т. е. полное освобождение от зависимости, для основной массы

«независимости» в слове «свобода» единственное. А в словаре под редакцией Толля свобода – это «возможность действовать по своему усмотрению, одно из первых и необходимых условий человечества» (М., 1864. Т. 3. С. 411).

[73] Ср. в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу 8 октября 1820 г. в ответ на возражение, что слова «свободы» нет по-русски: «Для изъяснения мыслей несамодержавных слово *свободы* во множественном необходимо. Свобода – отвлеченное выражение; *свободы* – действие, плод, последствие» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. С. 85).

[74] Слово «свобода» и однокоренные слова встречаются десять раз в «Манифесте» Александра II от 18 февраля 1861 г., который официально переводил крестьян в статус «свободных сельских обывателей».

крестьянства так и не наступила. По этой линии происходит и дискурсивный разлом между «свободой» и «волей», который отчетливо заметен в текстах Герцена, Огарева, Чернышевского и других публицистов поднимающегося народничества, когда они выдвигают требования именно «воли» для крестьянства, хотя в других случаях совершенно естественно пользуются словом «свобода» во всех наличных значениях. Этот разлом характеризует весь дискурс оппозиционной интеллигенции, силовые линии которого складываются в конце XIX – начале XX в. вокруг конфликта двух понятий свободы: свободы как революционного освобождения от господства и радикального слома существующей системы и свободы как требования политического порядка, гарантирующего права и свободы индивидуума. С появлением организации «Земля и воля» в 1861 г. и ее позднего террористического крыла «Народная воля» начинается уже и политическая радикализация конфликта. Из литературно-публицистической сферы он переходит в область общественных движений. Они на рубеже веков причисляют себя к единому «освободительному движению», однако противоборствуют по вопросу о революционном или либерально-реформистском пути достижения свободы[75]. История слова в смысле динамики семантических изменений на этом заканчивается,

[75] Это противоборство заявляется на уровне лозунгов уже в названии партии кадетов «Партия народной свободы», в котором заметна параллель и контраст к названию общества «Народная воля». На перекличку названий указывают И. Левонтина и А. Шмелев (Либеральный лексикон. С. 51).

но история дискурса только начинает приобретать отчетливый публичный характер[76].

Чтобы охарактеризовать этот процесс с точки зрения социального субъекта, который является «законодателем» дискурса свободы на каждом этапе его развития, воспользуемся классическим анализом публичной сферы Ю. Хабермаса и предложенной им типологией фаз развития «публичности» (Öffentlichkeit)[77]. В понятии «публичности» соединяются три аспекта, характеризующие коммуникативную структуру обществ модерна. Эти три аспекта обозначаются в русском языке тремя разными словами, и в силу этого их взаимосвязь не бросается в глаза: «гласность» в смысле открытости и общедоступности, в противоположность практикам тайного принятия решений «за закрытыми дверями»; «общественность», коллективное действие и объединение частных индивидуумов; и «публичность» в смысле институционального пространства, противоположного сфере частной жизни индивидуумов. В совокупности они задают тип субъекта, институционализированной среды («фору-

---

[76] Во второй половине XIX в. под влиянием дискуссий о детерминизме и натурализме широкое распространение получает и словосочетание «свобода воли» (в смысле liberum arbitrium), которое, однако, почти не имеет политических коннотаций. Ср. сборник: О свободе воли: Опыт постановки и решения вопроса. М., 1889.

[77] *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1990. В рус. пер.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. М., 2016.

мов») и средств коммуникации, формирующих дискурсивное пространство общества и артикулируемого в нем дискурса свободы.

Первым типом публичности исторически является «представительная публичность» (repräsentative Öffentlichkeit). Таково «придворное общество», или «высший свет» общества периода абсолютизма, – люди, которые не «представляют» какие-то группы в смысле политической репрезентации, а «предстают перед очами» монарха, чтобы услышать и ретранслировать монаршью волю. Привилегия присутствия при государе, участия в придворных церемониях конституирует всю структуру коммуникации придворного общества – его вкус, манеры, поведение, ритуалы вплоть до стилей мышления и речи, создавая не только функциональное единство привилегированного социального статуса, но и однородную дискурсивную формацию[78].

В противоположность стилистической однородности придворного общества, «буржуазная публичность» (bürgerliche Öffentlichkeit) выглядит как разноголосица частных мнений. Таковой она по существу и является как система горизон-

[78] Язык в рамках придворной публичности подчинен вдобавок и жестким процедурам регламентирования. Ср. указ императора Павла I «Об улучшении русского языка» (1797). Согласно приведенному в указе списку, ряд слов подлежит полной отмене, другие следует заменить. Так, слово «общество» «повелено совсем не писать», слово «граждане» следует заменить на «жители или обыватели», а вместо слова «отечество» употреблять слово «государство» (Распоряжение императора Павла об улучшении русского языка // Русская старина. 1871. Т. III. С. 531–532).

тальной коммуникации частных индивидуумов, вовлеченных в непрерывный процесс рассуждения («резонерства») по поводу вопросов и проблем, которые затрагивают интересы большинства. Отличие «буржуазной» публичности от «дворянской» состоит в том, что культурная и политическая коммуникация перестает быть привилегией дворянской элиты, а охватывает все слои образованного общества, будучи освобождена от сословных ограничений на участие. Первая форма этой публичности – «литературная». Ее субъектом является «публика», т. е. сообщество отдельных лиц, каждое из которых, с его индивидуальным опытом, вовлечено в непрерывный процесс обсуждения каких-то общих тем, будь то решение правительства, новый роман известного писателя, театральная постановка или цены на зерно. Публичное рассуждение и спор – таков основной модус коммуникации литературной общественности, и ее разночинные участники уравнены в своем статусе как носители собственного мнения. Это сообщество принципиально незамкнуто, в противоположность придворной публике или масонским ложам, и его членом может стать любой индивид как «критически мыслящая» и «рассуждающая личность». Но и его границы определяются такими факторами, как наличие образования и доступ к участию в культурной коммуникации: участники литературных салонов, посетители театров, члены читательских кружков и подписчики толстых журналов оставались длительное время малочисленной группой даже в обра-

зованном классе.

В пространстве разговоров литературной публики также складываются типичные формы, стили и стратегии коммуникации – литературная критика, обсуждение общественных нравов, критика власти и церкви, требование публичного контроля над властными решениями и апелляция к универсальным правилам и моральным нормам как критерию оценки политических действий. На форумах литературной публичности возникает и поляризация мнений, кристаллизующихся в идейно-литературные направления. И на этих же форумах начинается трансформация литературной публичности в «политическую». Типичным проявлением и жанром в этот переходный период становятся литературно-философские манифесты интеллигенции, заявляющие в виде сборника текстов единомышленников свою общественную позицию – от славянофилов до сборника «Вехи» и манифестов анархистов и далее до советских диссидентов и деятелей перестройки[79].

«Политическая общественность» – третий этап развития публичной сферы. Она уже не ограничивается обсуждени-

[79] Впервые такие сборники обозначил как жанр и предпринял первую попытку их каталогизации на пике развития свободы слова в 1911 г. библиопсихолог Н. А. Рубакин в многотомном собрании рекомендательных списков литературы для народа: *Рубакин Н. А.* Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей развития научно-философских и литературно-общественных идей. М., 1911. Т. 2. С. 292. Более подробный список изданий до середины XX в. см. в кн.: *Колеров М. А.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887–1947. М., 2000.

ем литературных мнений и критикой институтов, но требует непосредственного участия всего общества, дифференцированного на политические партии, в процессах принятия властных решений и даже претендует на роль законодательницы в становлении политических систем парламентаризма.

Эта трехэтапная модель структурной трансформации публичной сферы, хотя она и была разработана Хабермасом на примере развития европейских парламентских демократий, позволяет отчетливо увидеть вектор развития публичной сферы в России XIX – начала XX в. При всех отличиях и модификациях, оно проходит стадии придворной и литературной публичности и останавливается в начале XX в. на формировании публичности политической (трансформации идейно-литературных направлений в партийные структуры). Для исследователей и знатоков российской истории более привычным при описании этого процесса является понятие «интеллигенции». И в самом деле, можно констатировать, что «русская интеллигенция», вопреки утверждениям о ее уникальности и самобытности, типологически представляет собой лишь одну из линий общеевропейского развития публичной сферы от придворной до политической[80]. Если

---

[80] Сравнительные исследования понятия и феномена интеллигенции явным образом подтверждают этот тезис. Ср.: *Müller O. W.* Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt a. M., 1971; *Sdvizkov D. A.* Das Zeitalter der Intelligenz. Zur vergleichenden Geschichte der Gebildeten in Europa bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2006. Специально о типе «политической публичности» в России с опорой на Хабермаса см.: *Hagen M.* Die Entfaltung

воспользоваться терминологией, примененной Г. Г. Шпетом в анализе российской интеллектуальной истории, то можно говорить о процессе, в котором «правительственная интеллигенция» (= придворная публичность) сменяется «оппозиционной интеллигенцией» (= литературная публичность, переходящая в политическую)[81]. Хронологически эта классификация Шпета коррелирует и с появлением самого слова «интеллигенция» в русском языке, первый случай употребления которого найден в дневниковых записях В. А. Жуковского за 1836 г., где он с возмущением высказывается о «петербургском дворянстве, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию» (т. е. придворное общество)[82]. А на другом конце этого процесса стоит печально знаменитая характеристика Лениным «мозга нации», которая лишает «литературную публичность» с ее функцией критики власти права на существование в условиях ком-

---

politischer Öffentlichkeit in Russland 1906–1914. Wiesbaden, 1982. Об интеллигенции и публичности см. также: *Плотников Н.* Появление русской интеллигенции (https://arzamas.academy/materials/1470).

[81] *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922. Шпет рассматривает данные типы диахронически как два этапа развития интеллигенции. Терминология Шпета имеет, однако, тот недостаток, что она кратоцентрична, т. е. описывает интеллигенцию преимущественно через ее отношение к власти, а не как самостоятельный социологический феномен.

[82] Цит. по: *Шмидт С. О.* «Интеллигенция» – слово пушкинского окружения // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2000. С. 90–108.

мунистической диктатуры[83]. Между этими полюсами – придворной публичности и публичности литературной, лишь начавшей переход в политическую, – тематически располагается весь российский дискурс свободы, который, хотя и охватывает почти два с половиной столетия, *был и остается дискурсом «русской интеллигенции»*[84]. Она была законодательницей этого дискурса, создательницей и медиатором всех основных его понятий и дискурсивных стратегий. Речь идет здесь исключительно о структурной характеристике данного дискурса, а не об оценках и осуждениях, весьма распространенных, когда речь заходит о «русской интеллигенции». Эта характеристика означает, что все основные понятия и топосы свободы, возникшие и циркулирующие в дискурсе до сегодняшнего дня, происходят из тех дискурсивных конфликтов и несут в себе их семантические следы, которые определяли и направляли его развитие в промежутке от В. А. Жуковского до Ленина.

Из трех фаз эволюции дискурса свободы – придворной, литературной и политической публичности – в словаре по-

---

[83] *Ленин В. И.* Письмо М. Горькому 8 сентября 1919 г. // Он же. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51. С. 48.

[84] О том, что дискурс свободы в России является преимущественно дискурсом русской интеллигенции, было написано уже неоднократно в русской эмиграции (и не только Г. П. Федотовым) и в советском самиздате. См. специально: *Лотман М. Ю.* Интеллигенция и свобода // Россия/Russia. М.; Венеция. 1999. № 2 (10). С. 122–151. Но до сих пор не было предпринято попыток концептуальной дифференциации дискурса свободы в связи с динамикой эволюции русской интеллигенции до 1917 г., а также ее трансформаций в советский период.

литических и философских понятий российской интеллектуальной истории отложились три основных понимания свободы, являющихся до сих пор резервуаром политической риторики и публичной аргументации. Эти три понятия как раз и выполняют функцию той недостающей посылки в «социальных энтимемах» публичной коммуникации по поводу свободы, которая не высказывается или высказывается лишь отчасти участниками дискурсов, но всегда подразумевается ими в стратегиях аргументации за или против свободы.

Первое понимание свободы определяет ее как *дарованную привилегию*, *которую необходимо заслужить*. Это свобода не для всех, но для избранных. Ее нельзя дать всему «народу», который, как предостерегала Е. Р. Дашкова в письмах к Д. Дидро, требует еще долгого «просвещения», прежде чем он сможет правильно распорядиться своей «вольностью», не в ущерб другим и себе, а в интересах общего блага и с соблюдением порядка[85]. Никто же не хочет, чтобы было так, как в Париже!

Свобода во втором понимании – это *свобода литературной публики, требующей для себя свободы мысли, мнения и слова*. Как требование она, с одной стороны, имеет уни-

---

[85] См. высказывания на этот счет Е. Р. Дашковой, А. П. Сумарокова и др. в кн.: *Марасинова Е.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII в.: Очерки истории общественного сознания. М., 2017. С. 377–384. О связи понятий «свобода» и «просвещение» в начале XIX в. см.: *Тимофеев Д. В.* Инструментализация понятия «свобода» в России первой четверти XIX в. // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2016. № 4 (35). С. 44–52.

версальный характер, поскольку свойственна каждому индивидууму, наделенному разумом и способному рассуждать. Но с другой стороны, это свобода, учреждающая лишь духовную, а не политическую власть. Ее истоки лежат во «внутренней свободе» христианства, которая соединяется в эпоху литературной публичности с идеей гениальной творческой «личности», способной конвертировать свой эстетический авторитет в общественный и утвердить свою власть в публичном пространстве журнальных полемик. Здесь находятся истоки представления о свободе как изначально неполитическом свойстве человека, находящемся внутри самой личности, а не в структурах социальной коммуникации. Даже если эта свобода и используется для публичного выражения мнения и критики политической власти, она остается частным делом индивидуума, по своей воле выносящего мнение на суд «общественности».

Наконец, третье понимание свободы – как *освобождения* – напрямую связано с трансформацией литературной публичности в политическую и определяет ее как устремленный в будущее «процесс», в который вовлечено уже все общество, сбрасывающее с себя вековые ограничения и притеснения. Утопизм и радикализм универсальной идеи освобождения, выдающей ее литературно-философские корни, становится террористическим, как только превращается в императив прямого политического действия[86]. Ему недо-

---

[86] Гегель уже в начале XIX в. развил в «Феноменологии духа» диалектику

стает сознания политического компромисса, ограничивающего тотальность идеала освобождения границами политически возможного.

Но это уже совсем другая фаза развития публичной сферы и совсем иное понимание свободы, которое соответствовало бы практикам политической публичности. Ее история на российской почве слишком кратковременна, чтобы в ней могло сложиться самостоятельное понимание свободы. Лишь в период от основания «Союза освобождения» в 1903 г. до роспуска Учредительного собрания в 1918 г. в России стали возникать структуры политической публичности, в которых осуществлялось превращение «оппозиционной интеллигенции» в «политическую общественность» парламентского типа. По степени интенсивности дискуссий о свободе, по количеству циркулировавших в публичном пространстве текстов о свободе, наконец, просто по частоте употребления слова «свобода»[87] данный период является безусловным и никогда более не превзойденным пиком развития дискурса свободы в России. Здесь формулируются представления о конституционных гарантиях основных прав

«Просвещения» и террора, которая с некоторыми вариациями изображена в конце XIX в. в «Бесах» Достоевского. По поводу этой диалектики в современную эпоху см.: *Lübbe H.* Freiheit und Terror // J. Simon (Hrsg.). Freiheit. Theoretische und praktische Aspekte des Problems. Freiburg; München, 1970. S. 115–135.

[87] Согласно статистике Google Ngram по слову «свобода», самая высокая частота употребления в России с 1800 по 2000 г. приходится на период около 1910 г. После 1920 г. кривая частоты резко идет вниз (это подтверждается и графиками Национального корпуса русского языка).

и свобод и об организации политической системы, устанавливающей такие гарантии, здесь обсуждаются и сами принципы политической и социальной свободы как «общего дела» большинства.

В развитой Хабермасом типологии форм публичности, характеризующих становление либерального правового государства, отсутствует по понятным причинам представление о форме мобилизованной публичности, что была создана в рамках советской системы. Советская «общественность» лишь по внешним признакам напоминала политическую публичность буржуазных демократий. Она являла собой организованную инсценировку «публичного дискурса» в виде идеологических кампаний и всеобщего одобрения решений партии и правительства, альтернативой которым была лишь непубличная культура разговоров на советских кухнях. В стране отсутствовали плюрализм партий и автономность форумов общественного мнения, а независимое от власти рассуждение было в принципе недопустимым[88]. Советское понятие свободы – это ее до сих пор застрявшее в толковых словарях определение как «осознанной необходимости» и «деятельности народных масс, основанной на знании законов общественного развития»[89]. Кор-

---

[88] Рассмотрение сфер «советской публичности» см. в кн.: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten / Hrsg. von G. T. Rittersporn. Frankfurt a. M., 2003.

[89] Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина.

релятом этого определения выступает понятие «свободы народов», доминировавшее в советском идеологическом дискурсе вплоть до перестройки, когда оно начинает сменяться концептом «прав и свобод» человека[90]. Но еще раньше советские правозащитники артикулируют свободу как правовую идею, хотя представления диссидентов, за немногими исключениями, оставались в горизонте неполитического понимания свободы[91]. Лишь в период перестройки в Советском Союзе начался новый виток перехода от литературной общественности к политической, и он молниеносно привел к политизации интеллектуального пространства и реактуализации идеи «освобождения», теперь уже от «командно-административной» системы советского режима.

В пространстве публичного дискурса мы встречаем все эти понимания свободы. Но они, как правило, фрагментированы на элементы в рамках тех или иных аргументативных стратегий участников дискурса и в зависимости от их статуса и роли в нем, от когнитивных и социальных целей,

---

М., 1955. С. 423, 424.

[90] В магистерской диссертации Марка Швиндта с помощью методов Digital Humanities на основе базы данных газеты «Правда» с 1912 по 2009 г. прослеживается динамика семантических изменений понятия «свобода» в советский период. Автор выделяет три основных семантических аспекта, доминирующих на разных этапах эволюции идеологического языка: «лишение свободы» до конца 1920-х гг., «свобода» и «освобождение» народов до середины 1980-х гг. и «права и свободы», начиная с перестройки. См.: *Schwindt M.* Historisch-semantische Analyse des sowjetischen Freiheitsbegriffes. MA-Arbeit. Bochum, 2018.

[91] Ср. примеры в кн.: *Морев Г.* Диссиденты. Двадцать разговоров. М., 2017.

а также представления об адресатах сообщения. Иными словами, понятия свободы мы встречаем в виде топосов, выступающих средствами структурирования аргументов и уточнения их «места» в конкретном дискурсе.

К числу наиболее распространенных топосов в российской интеллектуальной истории принадлежит противопоставление «свободы» и «воли», часто встречающееся в форме оппозиции свободы и «вседозволенности», «анархии», «беспредела» и т. п. Генеалогию топоса «воли» как «неправильной свободы» можно проследить уже в реакции на Французскую революцию, с одной стороны, и на восстание Пугачева, с другой, придававшей убедительность тезису, что «народ еще не готов к свободе». Но этот топос аккумулирует в себе также и связь с представлением о «русской свободе» в противоположность свободе «западной». «Воля» как «русское» стремление к безграничности и преодолению всяких ограничений и стеснений противопоставляется «западной» «свободе» как «порядку», «законным границам» и «разумной мере». В XX в. этот топос воспроизводится в текстах разных авторов от Н. Тэффи и Г. Федотова до А. Амальрика, Л. Копелева и А. Вежбицкой столь регулярно, что давно уже стал «общим местом» разговора о свободе в России.

Парадоксальность этого «общего места» состоит, однако, в том, что представление о «воле» как об отсутствии препятствий и ограничений – *это и есть «западное» понимание свободы*, если вообще позволено пользоваться насквозь

идеологизированными категориями «западного» и «русского». Начиная с тезиса Гоббса «свободный человек – это тот, кому не препятствуют делать то, что он желает» и вплоть до убежденной защиты «негативной свободы» в эссе И. Берлина («я свободен в той степени, в которой ни один человек или никакие люди не вмешиваются в то, что я делаю»)[92] главным катализатором дискуссий о свободе в европейской философии было именно это либеральное понятие «негативной свободы»[93]. И оно как раз ничем не отличается от тех дефиниций «воли» как безграничности и отсутствии стеснений, которые то и дело встречаются в российских спорах. «Воля, это значит: живу, как хочу, – говорит персонаж М. Горького. – Но – везде начальство, и все мешают жить»[94]. Такое определение «воли» можно встретить и у Гоббса в его «Левиафане», с тем лишь отличием, что он более основательно выясняет происхождение, функции и пределы власти такого «начальства». Но, как показывает И. Берлин, вопрос о «пределах свободы» – вопрос вторичный, касающийся не определения свободы как такового, а лишь субъекта, определяющего характер и линию ее границ.

Скорее уж можно было бы назвать «русским» (в кавыч-

---

[92] *Берлин И.* Философия свободы. М., 2001. С. 125–126 (цит. из Гоббса: С. 127).

[93] Основные дискуссии о политической свободе в последние полвека так или иначе апеллируют к концепции негативной свободы И. Берлина. См. также прим. 2 на с. 26.

[94] *Горький М.* Мои университеты // Он же. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 16. С. 95.

ках) противоположное понимание свободы – как «позитивной», которое в своей основе есть стремление обставить свободу разными моральными и религиозными ограничениями. Впрочем, сама затея найти какой-то один специфический национальный концепт свободы или какое-то отдельное «непереводимое» слово, его называющее, является бесперспективной, учитывая многовековой трансфер понятий в европейском интеллектуальном пространстве. Но можно констатировать, что само понятие «негативной свободы», или «свободы от», имеет в российских философских и публицистических дебатах, как правило, сугубо отрицательную окраску[95] и связывается с представлением о «безграничности» и «анархии», тогда как «позитивная», т. е. «правильная», свобода рассматривается как подчинение своей воли какому-то высшему принципу, будь то моральный закон, понятие Бога или объективно-исторической необходимости.

Конечно, и топос «позитивной свободы» вовсе не является принадлежностью какой-то одной национально-культурной традиции, хотя и варьируется от концепции к концепции и от одного дискуссионного контекста к другому (у Канта, Шеллинга, Ч. Тейлора или А. Макинтайра). Специфическими могут быть его генеалогия и функция в дискурсе. И как раз в этом отношении можно констатировать, что оппози-

---

[95] Ср.: «Это понятие свободы есть отрицательное и потому для постижения ее сущности бесплодное» (*Соловьев В. С.* Оправдание добра // Он же. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 571. (Философское наследие. Т. 104)).

ция «воли» и «свободы» и вытеснение «воли» как «анархии» и «беспредела» скрывает и переозначивает совсем другое понятие, игравшее значительную роль в освободительном движении, но оказавшееся вычеркнутым из философского и политического словаря. Это понятие *социальной свободы*, возникшее в противоборстве вокруг вопроса о юридических гарантиях свободы и возможности ее реального осуществления для тех, кто не обладает ресурсами и средствами, чтобы воспользоваться этими гарантированными свободами. Начиная с полемики Н. Г. Чернышевского с Б. Н. Чичериным и народнической критики буржуазного понятия свободы как «пустого» и «обманчивого»[96] и до попыток синтеза социализма и либерализма в освободительном движении начала XX в. в идее «права на достойное человеческое существование»[97], эта дискуссия приходила к утверждению неразрывной связи свободы и справедливости, которая лежала в основе современного понимания социального правового государства, но была вычеркнута большевиками и заменена «диктатурой пролетариата». А вместе с идеей юридических гарантий основных социальных прав, которая была одной из ключевых в программе подготовки Учредительного собрания 1917–1918 гг.[98], под большевистские лозунги об «осво-

---

[96] *Чернышевский Н. Г.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 480–483.

[97] См.: *Плотников Н. С.* «Право на достойное существование». К истории дискурса справедливости в русской мысли // Логос. 2007. № 5. С. 111–133.

[98] *Вишняк М. В.* Всероссийское учредительное собрание. М., 2010; там же: *Ме-*

бождении труда» была похоронена и сама идея политической свободы в ее социал-либеральном модусе как дискурс и практика.

Устранению политического из публичной сферы путем однопартийной диктатуры парадоксальным образом не только не противоречил, но в известном смысле его дополнял весь дискурс литературной общественности. При всей своей оппозиционности, он отводил политическому подчиненное место по сравнению с «духовным», определяя его как область борьбы за узкие партийные интересы, а не как сферу свободы. Этот габитус интеллигенции отчетливо зафиксирован в еще одном «общем месте» споров о свободе в России – *топосе «внутренней свободы»*. «Свобода – это то, что у нас внутри», – поет рок-кумир современной российской публики. И он отчасти воспроизводит давний, встречающийся уже у русских масонов XVIII в. христианский топос свободы как свойства одинокой «души». Но в сочетании с эстетикой гениальности, царящей в эпоху литературной публичности, он складывается в формулу делегитимации социального, которая актуализируется всякий раз, когда волны реакции, ужесточения цензуры и репрессий против «вольнодумства» делают уже само наличие самостоятельной мысли и слова свидетельством свободы индивидуума. От «тайной свободы» Пушкина до «свобода – это когда забываешь отчество у тирана» Бродского литературно-фи-

---

душевский А. Н. Марк Вениаминович Вишняк. С. 25–28.

лософские и религиозные вариации на тему внутренней свободы неизменно подчеркивают суверенитет творческой воли личности и ее право не считаться с внешними ограничениями и запретами в силу присущего ей духовного авторитета[99]. «Свобода» в этом виде приобретает снова элитарный характер для немногих избранных. Конечно, с этим же топосом связано и представление о силе индивидуального сопротивления всякой деспотии, которое охраняет последний оплот человеческого достоинства – «внутреннее пространство» души. Но и оно, устанавливая приоритет духовного над социальным, возводит в принцип идею частной свободы атомизированного индивидуума[100]. А такая свобода оказывается вполне совместимой и с деспотизмом[101]. И она чужда политической свободе как солидарному делу всех, как отношению с Другими, как участию в совместном освобожде-

---

[99] Мысль о том, что внутренняя свобода важнее внешней, составляет одну из главных идей А. И. Солженицына, особенно в его Гарвардской речи.

[100] Ср.: *Синявский А. Д.* Диссидентство как личный опыт // Он же. Литературный процесс в России. М., 2003. С. 20–34. Этот манифест Синявского служит свидетельством активной дискуссии в диссидентской среде о том, является ли свобода политическим «движением» или нравственной установкой отдельных личностей. Об этом см.: *Буббайер Ф.* Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010.

[101] Об этом: *Берлин И.* Два понимания свободы. С. 140–147. Столетием ранее Берлина немецкий поэт Иоганн Готфрид Зойме назвал такую внутреннюю свободу или «свободу лишь в мысли» «выдумкой деспотизма» (*Goos Ch.* Innere Freiheit. Eine Rekonstruktion des grundgesetzlichen Würdebegriffs. Bonn, 2011. S. 97).

нии не только на уровне идей, но и на практике. Впрочем, и этот топос «внутренней свободы» и ее противопоставления «внешней» тоже не уникальный продукт российского или советского дискурса, а результат восприятия и трансформации концептов, идущих от античного стоицизма, вполне допускавшего совмещение рабства и духовной свободы.

В чем же тогда «русская» идея свободы? В утверждении сословных вольностей придворного общества? В свободе мысли и слова творческой личности, выходящей на форум литературной публичности? В безграничной «воле» казацкого протеста? В идее социального освобождения, от петрашевцев до эсеров? В правовой свободе российских либералов и советских диссидентов? Ни одна из идей не является принадлежностью отдельных наций. Но в их конфигурациях, в сочетании идей и практик, в традициях проговаривания и интерпретации выстраиваются исторические траектории дискурса свободы, который до сегодняшнего дня остается резервуаром аргументов, цитат, исторических образцов и контрпримеров, а из них формируется самосознание свободы в совокупности его культурных и политических общностей и различий. И современная герменевтика свободы должна ответственно и беспристрастно осмыслять все изгибы этой траектории, чтобы дать ответ на вопрос, что значит свобода для современного политического сознания.

Свобода есть

Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода

Это стихотворение Всеволода Некрасова 1964 г. иллюстрирует средствами минималистской поэзии весь драматизм перехода от факта к знанию свободы, когда от пустого заверения «свобода есть» только после серии бесплодных и бессмысленных повторений удается перейти к форме суждения, пусть еще и тавтологического, но уже открывающего перспективу понимания – «свобода есть свобода». В этом переходе развертывается дискурс, в котором люди уясняют себе, что же такое «есть свобода», и могут сообщить и поделиться с другими знанием о ней. А дискурс становится необходимым (хотя и недостаточным) условием существования их совместной свободы.

ДЕКЛАРАЦИИ СВОБОДЫ

ВВЕДЕНИЕ

Авторы текстов, представленных в рубрике «Декларации свободы», рассматривают свободу как учреждающий принцип государственного устройства. Но какой им представляется свобода?

Екатерина II в «Наказе», обращенном к кодификационной комиссии, объясняет, что такое «общественная или государственная вольность», и определяет ее вслед за Монтескьё как право «все то делати, что законы дозволяют». Разделяя идеи Просвещения о всеобщем благе и рациональном законодательстве, Екатерина игнорирует основополагающий просвещенческий концепт «естественное право», а в результате действие в согласии с рациональными законами вовсе не означает признания индивидуальных свобод. Абсолютная монархия представлена в «Наказе» как единственно возможная форма правления для России. Не нарушая «естественной вольности» так называемых граждан (на деле же подданных), монарх (источник закона) ограждает их благополучие и безопасность от произвола и беззакония. «Слава граждан, государства и Государя» – цель самодержавного правления, вызывающая в народе «разум вольности», который

в той же степени способствует «великим делам», как и сама вольность.

М. М. Сперанский делает первые шаги от екатерининской патерналистской концепции просвещенного абсолютизма к ограничению монархии законом. Он не довольствуется пассивной ролью народа как подданных, указывая на необходимость его участия в политической и законодательной власти, т. е. необходимость «свободы политической». «Политическую свободу» Сперанский отличает от «свободы гражданской» (сословных привилегий и сословной независимости), дальше которой не пошла Екатерина II. Для Сперанского, так же как для А. Н. Радищева, наличие свободы доказывает зрелость общества, свидетельствует о привычке, получаемой через «единообразное устремление <…> воли [всего народа] к свободе в продолжение многих лет». Таким образом, свобода у Сперанского – определенная модель поведения и воспитания, продукт политической культуры. Для установления политической свободы, которая, по его мнению, гарантирует свободу гражданскую, необходимо формирование общественного мнения. Равенство для Сперанского – уже не только равенство перед законом. Выступая против крепостного права, Сперанский объявляет основанием свободы и равенства свободный труд, который «составляет неотъемлемую каждого собственность».

Н. М. Муравьев тоже заимствует определение свободы у французских просветителей, определяя ее как «жизнь

по воле», т. е. право «делать все то, что не вредно другому», но обращается уже напрямую к принципам «Декларации прав человека и гражданина» (1789). Свобода обеспечивается тем, что устанавливаются равные для всех законы, но ее гарантом выступает не самодержавие, а «народное вече». В конечном счете свобода имеет божественное происхождение, поскольку именно Бог даровал «природные права человеческие». Муравьев считает, что отказ от своих природных прав и привычка к рабству мешают установлению свободы, т. е. участию народа в политической жизни.

В противоположность Муравьеву **К. С. Аксаков** объясняет аполитичность русского народа не привычкой к рабству, а, напротив, сознательным отказом от участия в политике. Такой отказ – результат волевого решения народа, который сам «отделил государство от себя и государствовать не хочет». Таковы «истинные начала русского гражданского устройства». Вследствие специфического «общественного договора» правительство обладает неограниченной государственной властью, а народ сохраняет за собой неограниченную «нравственную свободу, свободу жизни и духа». Для Аксакова неограниченная монархия – единственно возможная форма власти в России. Народу остается право беспрепятственно выражать свое мнение, которое, однако, вовсе не обязательно будет принято к сведению. Внутренняя (духовная) свобода народа является полноценной заменой его политической (внешней) свободы. Стремление к политической

свободе, полагает Аксаков, равносильно революции, ограничение же свободы мнения со стороны монархии – деспотизму.

Возводя «свободу слова» в принцип русской гражданственности, К. С. Аксаков подчеркивает важность формирования общественного мнения для нормального функционирования государства. Неограниченная монархия должна сочетаться с элементом политической свободы, «свободой слова». Неожиданным образом здесь возникает аналогия с концепцией публичного и частного разума у Канта («Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»), в которой также безусловное повиновение монарху сочетается с неограниченной свободой высказывания на публичном «форуме разума». При этом Аксаков вписывается и в российский устойчивый дискурс противопоставления внутренней и внешней свободы, который можно найти и в масонстве, и у Солженицына.

Один из главных представителей российского либерализма **Б. Н. Чичерин** критикует «распространенное мнение» об особом историческом пути России, которое оправдывает существующий порядок вещей как единственно возможный. «Особостью» России называют, как правило, то, что «выгодно для властей». Поэтому для Чичерина всемогущество русского самодержавия является следствием пассивного характера самого народа, а не результатом договоренности между властью и народом. Пассивность русского народа не поз-

волила возникнуть интересу к «общему делу» или «общему благу», добиваться которого может только сам народ, не оставляя заботу о нем монарху.

Как и К. Аксаков, Чичерин определяет общественное мнение как необходимую основу справедливого политического устройства, «краеугольный камень либеральной политики». Чичерин считает, что народ вполне созрел для политической жизни, поскольку может мыслить и действовать самостоятельно. Либерализм – объединяющий лозунг для всех направлений: «Нам нужны не сословные права, не ограничение царской власти, о котором никто в России и не думает. Нам нужна свобода!» Но если сочетание неограниченной царской власти и сословных вольностей, понятых как гарантии безопасности подданных, в текстах Екатерины II выглядит вполне логично, то из уст «либерала» утверждение, что свобода и неограниченная царская власть не исключают друг друга, звучит весьма парадоксально. Парадокс объяснится, если учесть, что либеральные требования Чичерина включают лишь ограниченный набор свобод (свободу совести, свободу от крепостного состояния, свободу общественного мнения, свободу книгопечатания, свободу преподавания, публичность всех правительственных действий, публичность и гласность судопроизводства), которые он обосновывает к тому же их пользой для правительства, а его концепция просвещенного государства приравнивает политическую жизнь народа к возможности получать и обсуждать ин-

формацию. В результате оказывается, что взгляды западника Чичерина не слишком далеки от идей славянофила Аксакова.

Напротив, **М. А. Бакунин** провозглашает свободу как «абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин <… > определяться в своих действиях только своей собственной волей». Условием действительной социальной свободы является свобода всех, а рабство хотя бы одного человека означает отрицание свободы всех. Эту декларацию Бакунин уточняет и конкретизирует. Так, он провозглашает свободу любой пропаганды, а также свободу союзов и соглашений, «не исключая тех, которые по своей цели будут неморальны или казаться таковыми, и даже тех, целью которых было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы». Судьей в разрешении этих вопросов является исключительно общественное мнение, которое приобретает тем самым отчетливо политическое измерение.

Апология позитивного закона была подвергнута критике в дискуссиях начала XX в. **С. Л. Франк** замечает, что от произвола и деспотизма не могут оградить ни конституция, ни даже самая демократическая и либеральная форма государственного устройства. В основе позитивного законодательства лежит исключительно воля (произвол) суверена, будь то абсолютный или конституционный монарх или же республиканское собрание. Поэтому для Франка гарант свободы – не закон, а «нормы отношений между людьми, опира-

ющиеся на общее правосознание и обязательные независимо от того, внесены ли они в собрание узаконений или нет». Права, таким образом, крепче закона.

Если Аксаков разделяет внешнюю и внутреннюю свободу, то **А. А. Мейер** полагает, что они неразрывно связаны между собой. Без внутренней свободы человек – раб, в каком бы свободном государстве он ни жил. Но вместе с тем свобода личности, как и свобода народа, заключается в способности самостоятельно устраивать свою жизнь, не дожидаясь действий правительства. Полноценная свобода возможна лишь тогда, когда ею обладают все граждане одинаково, к каким бы партиям или социальным классам они ни принадлежали. Поэтому важно не лишать свободы слова «даже врагов свободы, даже тех, кто стал бы говорить против новых порядков». Говоря об экономической свободе, Мейер подчеркивает, что она должна быть завоевана, а не дарована в качестве привилегии, ведь только в этом случае она будет действительной свободой и человек сможет ее сохранить.

Проект конституции, который написал **А. Д. Сахаров**, интересен не только как документ, демонстрирующий первые шаги к идеологическому и экономическому плюрализму в рамках советской системы, «стремление к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем». И не только как историческое свидетельство ре-

прессивного характера советской системы: к числу гарантированных индивидуальных свобод в проекте добавляются «свобода поездок за рубеж» и свобода от «не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации». Этот проект, написанный в контексте хаотического законотворчества периода перестройки и критиковавшийся прагматиками как «утопический», напоминает о том, что реформа политического устройства должна начинаться с учреждения свободы.

С. В. Киршбаум

ОБ АВТОРАХ

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), философ, историк, языковед, критик, поэт. Один из интеллектуальных лидеров славянофильства. Окончил словесное отделение Московского университета (1832–1835). Магистерская диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1845; защищена 1847) была приостановлена цензурой из-за «резких» выражений о Петре I.

Драма «Освобождение Москвы в 1612 году» была запрещена (1850; могла «возбудить в простом народе враждебное расположение против высших сословий»). С цензурой столкнулся «Московский литературный и ученый сборник» с его статьями «Несколько слов о нашем правописании» (1846), «Три критические статьи» (1847), «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности» (1852). Был запрещен сборник (1853) с его статьей «Богатыри времен великого князя Владимира, по русским песням» («Русская беседа», 1856).

Передал Александру II записку «О внутреннем состоянии России» (1855). В первой своей статье в газете «Молва» (1857) писал о свободе слова. Недовольство цензуры вызвала его статья «Опыт синонимов: Публика – народ».

Осн. соч.: Освобождение Москвы в 1612 году. Драма. М., 1848; О русских глаголах. М., 1855; Опыт русской грам-

матики. Ч. 1. М., 1860; Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861; О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности. [Б. м., 19–?]; Полн. собр. соч. Т. 1–3. М., 1861–1880.

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), философ, публицист, революционер. Теоретик анархизма, народничества и панславизма. Учился в Петербургском артиллерийском училище (1829–1833), служил в армии (до 1835); после отставки увлекся немецкой философией. В Берлине слушал лекции учеников Гегеля и Шеллинга (1840). К 1842 г. идеалистическое мировоззрение сменилось революционно-демократическим (статья «Реакция в Германии», 1842). В 1840–1851 гг. находился в Европе, сблизился с деятелями социалистического движения (А. Руге, К. Марксом, В. Вейтлингом, П. Прудоном и др.). Участвовал в событиях революций 1848 г. как организатор восстаний (был приговорен к смертной казни саксонскими и австрийскими властями. 1850, 1851). Разрабатывал концепцию славянской федерации. Был выдан австрийским правительством России (1851). По предложению Николая I написал «Исповедь» (о революционном движении и славянском вопросе). После заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях (1851–1857) был отправлен на поселение в Сибирь. Бежал через Японию и США в Лондон (1861).

Создал Альянс социалистической демократии (1868).

Пытался организовывать анархистские восстания с целью разрушения существующих государств и устройства новых форм общежития, федералистских организаций, основанных на свободе и объединении «снизу» (в Польше, Франции, Италии). Участвовал в I Интернационале (1868–1872; был исключен за раскольническую деятельность).

Осн. соч.: Интернациональный союз социальных революционеров // Историческое развитие Интернационала. [Сборник]. Цюрих, 1873; Государственность и анархия. Цюрих, 1873; Dieu et l'État. Genéve, 1882; Собр. соч. и писем. 1828–1876. Т. 1–4. М., 1934–1935; Избр. филос. соч. и письма. М., 1987; Философия, социология, политика. М., 1989.

Екатерина II (1729–1796), российская императрица (1762–1796). Создательница системы просвещенного абсолютизма. Восприняла идеи французского Просвещения. Боролась с распространением политических учений просветителей и преследовала свободомыслие (А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и др.).

Осуществила реформы управления государством, правосудия и государственных финансов. Принимала меры к укреплению прав собственности дворян путем усиления крепостного права. Поддерживала свободу экономической деятельности.

Способствовала развитию системы школьного и высшего образования. При ней были созданы сеть городских школ

(1768) и Российская академия наук (1783).

Осн. соч.: Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. СПб., 1901–1907.

Мейер Александр Александрович (1874–1939), философ, переводчик. Окончил гимназию в Одессе (1894). Учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1894–1895, 1902). За революционную пропагандистскую работу среди рабочих в марксистском духе подвергался арестам и высылкам, высшее образование не закончил.

Участник Петербургского религиозно-философского общества (1907–1918). Читал лекции по философии (с 1908). Служил в Публичной библиотеке в Петербурге (1909–1928).

В 1917 г. призывал к продолжению войны и созыву Учредительного собрания. Написал брошюры «Народ не толпа», «Что такое свобода?» (1917). Отстаивал необходимость отделения церкви от государства ради независимой духовной жизни личности (Церковь и государство. 1917).

Основал (вместе с Г. П. Федотовым) религиозно-философский кружок «Воскресение» (1917). После ареста за «контрреволюционную деятельность» находился в лагерях (1929–1934). По выходе работал гидрологом на строительстве канала Москва – Волга (Дмитров). По заказу А. Ф. Лосева переводил с древнегреческого сочинения Аристотеля,

Теофраста, Порфирия, Прокла.

Осн. соч.: Религия и культура (По поводу современных религиозных исканий). СПб., 1909; Введение в философию религии. СПб., 1911; Во что сегодня верит Германия? Пг., 1916; Философские сочинения. Париж, 1982.

Муравьев Никита Михайлович (1795–1843), капитан Гвардейского генерального штаба, идеолог декабристов. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1812). Служил в Министерстве юстиции (1812). Во время Отечественной войны находился в армии (1812), был прапорщиком в свите императора (1813); до 1825 г. оставался на военной службе. Участвовал в заграничных походах русской армии (1813–1814).

Участвовал в объединениях декабристов: один из основателей Союза спасения (1816), член Коренного совета Союза благоденствия, основатель Верховной думы Северного общества. Избегал тактики вооруженного восстания. Составил несколько проектов конституции (1821–1826) с учетом Декларации прав человека и гражданина и конституций ряда стран. К 1821 г. отошел от республиканских идей, склонившись к конституционной монархии. В восстании на Сенатской площади (1825) не участвовал. Был приговорен к 20 (позднее – 10) годам каторги. Отбывал наказание в Сибири.

Осн. соч.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов / Под ред. И. Я. Щипа-

нова. М., 1951. Т. 1. С. 295–343. (Проект конституции; Любопытный разговор; Об «Истории» Карамзина; Рассуждение о жизнеописаниях Суворова; Мысли о свободе, богатстве и пр.; Из показаний.)

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989), физик, общественный деятель, правозащитник. Окончил физический факультет Московского университета (1942) и аспирантуру Физического института АН СССР (1944), где стал работать. Защитил кандидатскую диссертацию (1947). Преподавал физику в Московском энергетическом институте (с 1947). Сотрудник группы по разработке термоядерного оружия (1948–1968), создатель первой советской водородной бомбы. Доктор физико-математических наук, действительный член АН СССР (1953).

С конца 1950-х гг. выступал за прекращение испытаний ядерного оружия. В 1960-х гг. примкнул к правозащитному движению. После публикации на Западе брошюры «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) был отстранен от работы на секретном объекте. Выступал за повсеместную отмену смертной казни. Протестовал против ввода войск в Афганистан. Был сослан в г. Горький (1980–1986). Участвовал в I Съезде народных депутатов СССР делегатом от Академии наук СССР (1989). Представил проект новой конституции СССР (1989). Лауреат Нобелевской премии мира (1975).

Осн. соч.: Меморандум академика А. Сахарова: Текст, отклики, дискуссия. Франкфурт, 1970; О стране и мире. Нью-Йорк, 1976; Тревога и надежда. Нью-Йорк, 1978; Воспоминания (1978–1989). Нью-Йорк, 1990; Мир, прогресс, права человека. 1990; Воспоминания: В 3 т. М., 2006.

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), государственный деятель, правовед. Учился во Владимирской епархиальной семинарии (1780–1789), Александро-Невской семинарии в Петербурге (1790–1792). Преподавал в последней (1792–1796).

С 1797 г. находился на государственной службе, был государственным секретарем и руководителем Комиссии составления законов. Разрабатывал концепции преобразования государства в конституционном духе (1809). По его проектам проводились реформы, обеспечивающие целесообразность и эффективность политической, финансовой и духовной сфер государства и общества. Заложил основы упорядочения государственных законов, инициировал систему юридического образования. Организовал подготовку и издание «Полного собрания законов Российской империи» (1826–1830) и «Свода законов» (1830–1833), проделав своими силами значительную часть этой работы.

Был репрессирован, находился под надзором в ссылке (1812–1816). Губернатор Пензы (1816–1819) и Сибири (1819–1821). Участвовал в Верховном уголовном суде по де-

лу декабристов.

Осн. соч.: Руководство к познанию законов. СПб., 1845; Проект уложения государственных законов. СПб., [1899]; Записка М. М. Сперанского об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. [СПб., 1901]; План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905; Проекты и записки. М.; Л., 1961.

Франк Семен Людвигович (1877–1950), философ. Учился на юридическом факультете Московского университета (1894–1899). Увлекся марксизмом, был арестован за участие в социал-демократической организации; исключен из университета, приговорен к ссылке. Получил разрешение на выезд за границу, учился в Берлине. Экстерном сдал экзамены в Казанском университете (1901). В книге «Теория ценности Маркса и ее значение» (1900) критиковал теорию стоимости Маркса. Участвовал в «Союзе освобождения», либеральном движении. Вместе с П. Б. Струве редактировал политические еженедельники «Полярная звезда» (1905–1906) и «Свобода и культура» (1906). В 1907–1917 гг. был сотрудником редакции журнала «Русская мысль».

Защитил магистерскую диссертацию (Предмет знания. 1916). Приват-доцент философии Петербургского университета. Член учредитель «Лиги русской культуры» (1917). Профессор и декан историко-философского факультета Са-

ратовского университета (1917–1921). Профессор философии Московского университета (избран в 1921), член Российской академии художественных наук. Участвовал в сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918).

Был выслан из России (1922). В Берлине участвовал в создании и работе Религиозно-философской академии и Русского научного института. Читал лекции в Берлинском университете (1931–1933), в отделениях Кантовского общества в Европе.

Осн. соч.: Предмет знания. 1915; Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. М., 1917; Духовные основы общества: Введение в социальную философию. Париж, 1930; Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. Париж, 1939; Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. Париж, 1956; Полн. собр. соч. Т. 1–2–. М., 2018–2019–.

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), философ, историк, теоретик права и политики. Окончил юридический факультет Московского университета (1849). Магистерская диссертация «Областные учреждения России в XVII веке» (1853, опубл. и защищена 1856) столкнулась с цензурными мерами.

В Европе знакомился с европейскими философско-политическими учениями и посещал лекции ведущих правове-

дов (1858–1861). Преподавал государственное право наследнику престола Николаю Александровичу (1863–1865). Профессор юридического факультета Московского университета (1861–1867). Защитил докторскую диссертацию «О народном представительстве» (1866), где рассмотрел становление институтов парламентаризма у европейских народов. Декан юридического факультета (1866–1868); ушел в отставку в знак протеста против нарушения университетского устава 1863 г. в части процедуры выбора деканов Советом университета. Московский городской голова (1882–1883).

Осн. соч.: Опыты по истории русского права. М., 1858; Наука и религия. М., 1879; Собственность и государство. 2 ч. М., 1882–1883; Основания логики и метафизики. М., 1894; Курс государственной науки. Ч. 1–3. М., 1894–1898; Философия права. М., 1900; История политических учений. Т. 1–5. М., 1869–1902; Вопросы политики. М., 1903; Вопросы философии. М., 1904.

И. В. Борисова

НАКАЗ <...> ДАННЫЙ КОМИССИИ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ[102] (1770)

Екатерина II

Глава II

8. Российского государства владения простираются на тридцать две степени широты и на сто шестьдесят пять степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

10. Пространное *государство* предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит,

---

[102] [Печатается по изданию: Наказ Ее Императорского Величества Екатерины Вторые, самодержицы всероссийские, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1770. [8], 403 с. Публикуемый фрагмент: с. 8, 10, 18, 20, 22. На указанных страницах находится текст на русском и латинском языках. На «пропущенных» страницах – тот же текст на немецком и французском языках. – *Здесь и далее сноски в квадратных скобках принадлежат редакторам настоящего издания. Все остальные сноски являются авторскими или сделаны редакторами предыдущих публикаций.*]

чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.

13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра.

14. И так правление, к сему концу достигающее лучше прочих и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно.

15. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя.

16. Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность.

Глава V

31. *О состоянии всех в государстве живущих.*

32. Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что, когда страсти его вперяют в него мысли быть злым, он, однако, считает себе за полезнее не быть злым.

33. Надлежит, чтоб законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина.

34. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам.

35. Сие равенство требует хорошего установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания, порученные им только как правительствующим особам государства.

36. Общественная или государственная вольность не в том состоит, чтоб делать все, что кому угодно.

37. В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно.

38. Надобно в уме себе точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то делать, что законы

дозволяют; и, ежели бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было; ибо и другие имели бы равным образом сию власть.

39. Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностию; и, чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов.

ЕЩЕ НЕЧТО О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ[103] (1802)

М. М. Сперанский

Есть два рода свободы в обществе: свобода политическая и гражданская (politique et civil). *Свобода политическая* есть, когда классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляется законом, общею волею принятым или охраняемым.

Свобода гражданская или, лучше сказать, земская есть независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных.

Рабство политическое есть, когда воля одного или многих составляет закон всех.

Рабство гражданское есть, когда один класс народа в повинностях личных или вещественных зависит от воли другого.

Были и теперь есть государства, кои обладают политическою свободою в верховной степени.

---

[103] [Черновой автограф, перепечатывается по первой публикации: *Сперанский М. М.* Еще нечто о свободе и рабстве // Он же. Проекты и записки. Подготовили к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 83–85.]

Но не было ни одного государства, которое бы имело совершенную гражданскую свободу, в коем бы все состояния были равны, то есть ни одно не зависело бы от произвола другого.

Но каким образом можно достигнуть сей степени? Зависит ли свобода гражданская от свободы политической? Может ли первая существовать без последней?

В государствах деспотических даже не чувствуют и цены свободы гражданской. «L'esclavage politique, – говорит Монтеский, – établi dans le corps de l'état fait que l'on sent peu l'esclavage civil. Ceux que l'on appelle hommes libres ne le sont guère plus que ceux qui n'y ont pas ce titre; la condition d'un homme libre et celle d'un esclave s'y touchent de fort près» (De l'esprit de loix, livre XV, cap. XIII)[104].

В государстве, где утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собою, если только не будет какого-либо особенного правила к поддержанию его, как то было в Спарте. Рабы переходят в отпущенники, дети отпущенников делаются свободны.

Но никакая сила не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы политической. Это бы

---

[104] [«[И]з-за политического рабства, установленного при этом государственном строе, гражданское рабство ощущается слабо. Те, кого там называют свободными людьми, не более свободны, чем те, кто не имеет этого почетного наименования <…> разница между состоянием свободного человека и раба очень невелика» (*Монтескье Ш. Л.* О духе законов / Пер. с фр. А. В. Матешук. М., 1999. С. 217).]

было переменить отношения рабства и силу многих деспотов соединить воедино. Но один деспот не может управлять всеми лично; ему необходимо нужны помощники, и, следовательно, политическое рабство не может стоять без рабства гражданского.

Отчего в Европе рабство гражданское изгладилось? Оттого, что по разрушении Рима все почти государства учредились на правилах политической свободы. Таков был разум феодальных установлений, вредных по многим отношениям, но весьма полезных для будущего раскрытия свободы.

Хотите ли уменьшить в государстве число рабов и деспотов? Начните с себя – введите закон на место произвола. Утвердите политическую свободу. Желать, чтоб государство было составлено из рабов, друг от друга независимых и покоренных воле одного под именем деспота, – есть желать невозможного.

Каким образом установляется политическая свобода в государстве?

Воли одного государя к сему недостаточно. Нужно единообразное устремление сей воли к свободе в продолжение многих лет. Нужно, чтобы народ столько привык к сему единообразному действию, чтобы не представлял себе и возможным другой образ управления. Уверенность сия производит, наконец, общее мнение, а общее мнение служит оплотом закону и свободе.

«Il est des institutions qui sont faits pour accélérer

l'établissement de l'opinion publique. Telles sont les institutions des senats, d'un corps de noblesse et cet.

Les institutions ne garantissent pas la liberté par elle même, mais en présentent au peuple des images de la liberté et de… elles entretiennent l'opinion publique et lui font prendre des accroissements nécessaires jusqu'à ce qu'elle soit parvenue à ce degré de matûrité qui fait la force de la liberté et des loix»[105].

Причины сему есть следующие.

Великие политические пользы разных классов народа удобно могут быть определены законами, утверждены силою равновесия или поддержаны действием общего мнения. Но какими законами можно определить все частные отношения слабого к сильному, бедного к богатому, земледельца к помещику? Какая полиция может обнять все мелкие и несметные в сих отношениях перемены? Какой суд разберет меру злоупотребления и положит справедливое возмездие? Свобода таковая слишком дорога бы стала государству и была бы хуже всякого рабства.

Таким образом, в государствах самых свободных в политическом смысле всегда было и по необходимости должно

---

[105] [«Существуют учреждения, которые установлены для того, чтобы поспешествовать формированию общественного мнения. Таковыми являются сенаты, дворянские собрания и т. д. Эти учреждения не гарантируют свободы сами по себе, но, являя в глазах народа образы свободы и… они поддерживают общественное мнение и дают ему возможность возрасти до той необходимой степени зрелости, которая составляет силу свободы и законов». Источник не установлен. Пер. с фр. приводится по книге: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 238.]

быть великое множество рабов в смысле гражданском.

Есть, однако же, степени в сем роде рабства. Наименьшая из них есть та, в коей никто не может быть принужден к труду единым произволом другого и в коей труд составляет неотъемлемую каждого собственность. Сия есть величайшая степень свободы и равенства, какую только можно иметь в обществе.

ЛЮБОПЫТНЫЙ РАЗГОВОР[106] (1822)

Н. М. Муравьев

Вопрос: Что есть свобода?

Ответ: Жизнь по воле.

В. Откуда проистекает свобода?

О. Всякое благо от Бога. Создав человека *по подобию своему* и определив добрым делать вечные награды, а злым вечные муки – он даровал человеку *свободу*! – Иначе несправедливо было бы награждать *за доброе*, по принуждению сделанное, или наказывать за невольное *зло*.

В. Все ли я свободен делать?

О. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое *право*.

В. А если кто будет меня притеснять?

О. Это будет тебе *насилие*, противу коего ты имеешь право сопротивляться.

В. Стало быть все люди должны быть свободными?

---

[106] [Печатается по первому изданию рукописного текста: Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов / Центрархив; под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. Т. 1: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии, касающиеся государственных преступников: Следственные дела о преступниках, принадлежащих к Северному тайному обществу. М.; Л., 1925. С. 321–322. В данной публикации архивная фолиация не воспроизводится.]

О. Без сомнения.

В. А все ли люди свободны?

О. Нет. Малое число людей поработило большее.

В. Почему же малое число поработило большее?

О. Одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим подлая мысль отказаться от природных прав человеческих, дарованных самим Богом.

В. Надобно ли добывать свободы?

О. Надобно.

В. Каким образом?

О. Надлежит утвердить постоянные правила или *законы*, как бывало в старину на Руси.

В. Как же бывало в старину?

О. Не было самодержавных государей!

В. Что значит государь самодержавный?

О. Государь *самодержавный* или *самовластный* тот, который сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов Божьих и человеческих; сам от себя, то есть без причины, по прихоти своей властвует.

В. Кто же установили государей самовластных?

О. Никто. Отцы наши говорили: «*Пощем себе князя, который бы рядил по праву, а не самовластью*, [по] своевольству и прихотям». Но государи мало-помалу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому.

В. Не сам ли Бог учредил самодержавие?

О. Бог во благости своей никогда не учреждал *зла*.

В. Отчего же говорят: «*Несть бо власть аще не от Бога*»?

О. Злая власть не может быть от Бога. *Всякое древо доброе добры плоды творит*… всякое же древо, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огнь. Хищным волкам в одеждах овчьих, пророчествующим во имя Господне, мы напомним слова Спасителя: «*Николи же знах вас*: *отыдите от меня*, *делающие беззакония*».

В. Есть ли государи самодержавные в других землях?

О. Нет. Везде самодержавие считают безумием, беззаконием, везде постановлены непременные правила или законы.

В. Не могут ли быть постоянные законы при самодержавии?

О. Самодержавие или самовластие их не терпит; для него нужен беспорядок и всегдашние перемены.

В. Почему же самовластие не терпит законов?

О. Потому что государь властен делать все, что захочет. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дела мало, оттого и пословица: «*Близ царя*, *близ смерти*».

В. Какое было на Руси управление без самодержавия?

О. Всегда были народные *вечи*.

В. Что значит *вечи*?

О. Собрание народа. В каждом городе при звуке вечевого колокола собирался народ или выборные, они совещались об *общих* всем делах; предлагали требования, постановляли

законы, назначали, сколько где брать ратников; установляли сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новгороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

В. Почему же сии вечи прекратились и когда?

О. Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти.

В. Что было причиною побед и торжества татар?

О. Размножение князей дома Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества.

В. Почему же зло сие не кончилось с владычеством татар?

О. Предания рабства и понятия восточные покорили их оружию и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя и Сортана, сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всем сим тиранам.

ДОПОЛНЕНИЕ К «ЗАПИСКЕ О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ»[107] (1855)

К. С. Аксаков

В «Записке о внутреннем состоянии России» я указал на *основные начала русские*, на то, что эти начала *были нарушены* – вследствие чего и произошло великое зло – и наконец на то, что эти начала *должны быть восстановлены* для исцеления от этого великого зла и для блага России.

Но, скажут, кроме общих начал, нужно их применение в жизни, нужна *практическая* сторона дела.

Цель этого дополнения к «Записке» – сказать о том, какого рода практические указания возможны в настоящую минуту.

---

[107] [Печатается по первому изданию, подготовленному И. С. Аксаковым: Русь. 1881. 23 мая. № 28. С. 12–14. «Записка о внутреннем состоянии России» (впервые: Русь. 1881. № 26–27) была написана в 1855 г. и тогда же передана Александру II. Дата написания «Дополнения к „Записке о внутреннем состоянии России представленной Государю Императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым“» (1855) устанавливается по свидетельству И. С. Аксакова в передовой статье «Руси» (№ 28): «Мы заканчиваем в нынешнем № печатание „Записки и Дополнения к ней“, представленных двадцать пять лет тому назад покойному Императору Константином Сергеевичем Аксаковым» (Русь. 1881. № 28. С. 1).]

На это дает ответ самая «Записка», если извлечь из нее основной смысл.

Христианину, имеющему веру истинную, истинные общие начала христианские, можно указать на те или другие его действия, несогласные с его собственною верою, можно дать частные, *практические* (чтоб употребить любимое многими слово) советы – и этого будет довольно.

Но что скажу я ренегату, отступившему от истинной веры? Одно: обратись к истинной вере, начни вновь исповедовать истину. Это первый и единственно возможный совет для ренегата. Ужели упрекнут, что в этом совете нет практической стороны? Между тем в нем лежит высший смысл жизни. Жизнь не называется же практикой, но что же существеннее и действительнее жизни? Она источник всего и объемлет собою все.

Россия в таком точно положении, как ренегат: она отступила от основных истинных русских начал. Ей, как ренегату, один совет: обратиться вновь к русским началам. Вот первый и единственно существенный совет для России; ибо при удержании теперешней системы никакое улучшение, никакая польза и никакие советы невозможны.

Ужели упрекнут опять, что в этом совете нет практической стороны? Но опять: в нем лежит высший смысл жизни. Страна, народ движется нравственною силою, верует, молится, слабеет и крепнет в вере, падает и возвышается духом, следовательно *живет,* и, следовательно, вопрос *жизни* есть

для народа первый всеобъемлющий вопрос.

Если же под практическою стороною разуметь осуществление чего бы то ни было на деле, то этот жизненный совет: *обратиться к истинным русским началам* – имеет, бесспорно, свою практическую сторону, и эта практическая сторона должна быть указана.

Итак, дело в том теперь, какие же основные истинные русские начала. Об этом говорит моя «Записка о внутреннем состоянии России». Но «Записке» недостает сосредоточенного вывода, извлеченного из общих указаний и необходимого для надлежащей ясности и для ощутительного показания действительного, жизненного и в этом смысле практического значения.

Вот этот вывод, оправдание которого находится в самой «Записке о внутреннем состоянии России».

I. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет.

II. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамен того русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть без вмешательства в нее народа может быть только неограниченная монархия.

V. На основании таких начал зиждется русское граждан-

ское устройство: правительству (необходимо монархическому) – неограниченная власть государственная, политическая; народу – полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что самостоятельно может и должен предлагать безвластный народ полновластному правительству – это *мнение* (следовательно, сила чисто нравственная), мнение, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинные начала могут быть нарушены и с той, и с другой стороны.

VII. При нарушении их со стороны народа, при ограничении власти правительства, следовательно, при вмешательстве народа в правительство – не может быть нравственной свободы народной. Вмешиваясь в правительство, народ прибегает к внешней, принудительной силе, изменяет своему пути внутренней, духовной свободы и силы – и непременно портится нравственно.

VIII. При нарушении этих начал со стороны правительства, при стеснении правительством в народе свободы нравственной, свободы жизни и духа – неограниченная монархия обращается в деспотизм, в правительство безнравственное, гнетущее все нравственные силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русского гражданского устройства не были нарушены в России со стороны народа (ибо это его коренные, народные начала), но были нарушены со стороны правитель-

ства. То есть: правительство вмешалось в нравственную свободу народа, стеснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло таким образом в душевредный деспотизм, гнетущий духовный мир и человеческое достоинство народа и, наконец, обозначившийся упадком нравственных сил в России и общественным развращением. Впереди же этот деспотизм угрожает или совершенным расслаблением и падением России на радость врагов ее, или же искажением русских начал в самом народе, который, не находя свободы нравственной, захочет наконец свободы политической, прибегнет к революции и оставит свой истинный путь. И тот, и другой исход ужасны, ибо и тот, и другой гибельны: один в материальном и нравственном, другой в одном нравственном отношении.

X. Итак, нарушение со стороны правительства русского гражданского устройства, похищение у народа нравственной его свободы, одним словом, отступление правительства от истинных русских начал – вот источник всякого зла в России.

XI. Поправление дела, очевидно, зависит от правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнет на Россию; оно должно снять этот гнет. Правительство отступило от истинных начал русского гражданского устройства; оно должно воротиться к этим началам, а именно:

Правительству – неограниченная власть государственная; *народу – полная свобода нравственная*, *свобода жизни*

и духа. *Правительству – право действия и*, *следовательно*, *закона*; *народу – право мнения и*, *следовательно*, *слова*.

Вот единственный существенно жизненный совет для России в настоящее время.

XIII. Но как же его привести в исполнение?

Ответ на это находится в самом указании общих начал: Дух живет и выражается в слове. Свобода духовная или нравственная народа есть *свобода слова*.

XIV. Итак, *свобода слова*: вот что нужно России, вот прямое приложение общего начала к делу, до того с ним нераздельное, что свобода слова есть и начало (принцип), и явление (факт).

XV. Но и не удовлетворяясь тем, что свобода слова, а поэтому и общественное мнение, существует, правительство чувствует иногда нужду само вызывать общественное мнение. Каким образом может правительство вызвать это мнение?

Древняя Русь указывает нам и на дело самое, и на способ. Цари наши вызывали в важных случаях общественное мнение всей России и созывали для того *Земские соборы*, на которых были выборные от всех сословий и со всех концов России. Такой Земский собор имеет значение *только мнения*, которое государь может принять и не принять.

Итак, из всего сказанного в моей «Записке» и объясненного в этом «Дополнении» вытекает ясное, определенное, прилагаемое к делу и в этом смысле *практическое* указание, что́

нужно для внутреннего состояния России, от которого зависит и внешнее ее состояние.

Именно:

полная *свобода слова* устного, письменного и печатного – всегда и постоянно; и *Земский собор* – в тех случаях, когда правительство захочет спросить мнения страны.

Внутренний общий союз жизни, сказал я в своей «Записке», до того ослабел в России, сословия в ней до того отдалились друг от друга вследствие полуторастолетней деспотической системы правительства, что Земский собор в настоящую минуту не мог бы принести своей пользы. Я говорю: в *настоящую минуту*, то есть немедленно. Земский собор непременно полезен для государства и земли, и нужно пройти некоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрым указанием древней Руси и созвать Земский собор.

Открыто возвещаемое общественное мнение – вот чем в настоящую минуту может быть заменен для правительства Земский собор; но для того необходима свобода слова, которая дает правительству возможность созвать вскоре с полною пользою для себя и народа Земский собор.

В «Записке» своей признал я нужным некоторый переход к полной свободе слова – переход через наибольшее смягчение цензуры относительно всякой мысли и всякого мнения и чрез удержание цензуры покуда как ограждения личности. Переход этот должен быть непродолжителен и приве-

сти к полной свободе слова.

В «Записке» своей я показываю неосновательность страха тех, которые боятся свободы слова. Этот страх есть неверие в истину, в ее победоносную силу, есть безбожие своего рода, ибо Бог есть истина. Христианская проповедь имела против себя всю свободу языческого слова и победила. Ужели мы неверною, малодушною душою смутимся за Божию истину (ибо нет другой)? Не знаем ли мы, что Господь наш с нами до скончания века?

При нравственной свободе и нераздельной с нею свободе слова только и возможна неограниченная благодетельная монархия; без нее она – губительный, душевредный и недолговечный деспотизм, конец которого – или падение государства, или революция. Свобода слова есть верная опора неограниченной монархии: без нее она (монархия) непрочна.

Времена и события мчатся с необычайною быстротою. Настала строгая минута для России. России нужна правда. Медлить некогда. Не обинуясь скажу я, что, по моему мнению, свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользою может созвать Земский собор.

Итак, еще раз.

Свобода слова необходима.

Земский собор нужен и полезен.

Вот практический вывод моей «Записки о внутреннем состоянии России» и «Дополнения» к ней.

Считаю должным еще прибавить два примечания.

1. Какую же пользу принесет свобода слова, спросят, быть может, некоторые.

Это объяснить, кажется, нетрудно.

Откуда происходят внутренний разврат, взяточничество, грабительство и ложь, переполнившие Россию? От общего унижения нравственного. Следовательно, надобно нравственно возвысить Россию. Как же возвысить нравственно? Признать и уважать в человеке человека; а это иначе быть не может, как тогда, когда признают за человеком право слова, свободного слова, неразлучного с нравственной, духовной свободой, которая есть неотъемлемая принадлежность высокого духовного существа человеческого.

В самом деле, как иначе избавиться от взяточничества и других неправд? Вы устраните одних взяточников, на место их явятся другие, еще хуже, порождаемые беспрерывно испорченною нравственною почвою, образующиеся из унижения человеческого достоинства. Одно средство против этого зла – возвысить нравственно человека; а без свободы слова это невозможно. Итак, свобода слова уже сама по себе непременно возвысит нравственно человека. Конечно, воры всегда будут встречаться, но это уже будет частный, личный грех; тогда как теперь взяточничество и другие подобные гнусные дела – грех общественный. Кроме того, когда по всей России грянет один общий открытый голос на взятки и грабеж, когда вся Россия укажет всенародно на

пиявиц, сосущих ее лучшую кровь, тогда поневоле придут в ужас самые отчаянные воры и взяточники. Правда любит день и свет, а неправда – ночь и темноту. Стеснение общественного слова распространяло в России столь благоприятную для неправды ночь. Со свободою слова взойдет день, которого так боится неправда; свет вдруг озарит безбожные дела в обществе напоказ всему миру; им негде будет укрыться, и они должны будут бежать из общества. К тому же все станет видно и для правительства, праведный гром которого грянет верно. Наконец, при свободе слова общественное мнение укажет на многие полезные меры, на многих достойных людей, равно как на многие ошибки и на многих людей недостойных.

2. Нравственная свобода человека, признанная правительством в свободе слова, будет, само собою разумеется, признана им и в других, хотя бы мелких ее проявлениях в жизни. Одно из таких проявлений, например, есть частная (партикулярная) одежда. Я разумею здесь не одно платье, но способ носить волосы, бороду, одним словом, я разумею здесь *костюм* (наряд) человека. Частная одежда есть прямое проявление жизни, быта, вкуса и государственного в себе не имеет. Но доселе так еще стеснена свобода жизни, что даже одежда частного человека подлежит у нас запрещению. Одежда не важна сама по себе, но как скоро правительство даже вмешивается в одежду народа, то одежда, именно по своей незначительности, становится тогда важ-

ным указателем, до какой степени стеснена свобода жизни в народе. Доселе русский дворянин даже вне службы не может носить русской одежды. С некоторых дворян русских, надевших было русскую одежду, взята через полицию подписка: *бороды не носить*, отчего они и принуждены были снять русское платье, ибо борода есть часть русского наряда[108]. Итак, даже в этом пустом проявлении жизни, в одежде, правительство наше продолжает стеснять свободу жизни, свободу вкуса, свободу народного чувства – одним словом, свободу нравственную.

Говорю с совершенной откровенностью свои мысли как в своей «Записке», так и в «Дополнении» – и исполняю тем долг свой к Отечеству и Государю.

---

[108] Таковая подписка взята была с Хомякова. Отец автора записки, больной старик, почти не выезжавший из дому и отпустивший себе бороду, также был обязан подпискою у себя на дому «бороду сбрить и впредь оную не отпускать». [Прим. И. С. Аксакова.]

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОЙ ЖИЗНИ[109] (1857)

Б. Н. Чичерин

Россия достигла критической минуты в исторической своей жизни. Путь, по которому она шла в продолжение нескольких веков, оказывается недостаточным, направление, которому она следовала, дошло до крайних своих пределов и привело к самым гибельным результатам. Таков исторический закон. Народ (а с ним и правительство) долго идет по одной дороге, занятый исключительно одною мыслью, составляющею его необходимую и насущную потребность. Но когда он совершит свое дело, когда он разовьет его во всех его последствиях, тогда он видит, что прежнее направление недостаточно, что оно не исчерпывает еще всей глубины народной жизни. Последовательное развитие крайности непременно доводит ее до нелепых результатов. Крайность сама собою обличает свою несостоятельность и показывает необходимость идти по другому пути, для достижения другой цели, более полной и разумной. Тогда наступает время перелома. Везде чувствуются разлад и бессилие, чувствуется, что есть существенные элементы в государстве,

---

[109] [Печатается по изданию: Голоса из России / Ред. А. И. Герцен и др. Кн. 4. Лондон, 1857. С. 51–129. Публикуемый фрагмент: с. 108–127.]

которые дотоле были в пренебрежении и которые, однако, необходимы для полноты жизни. И счастлив народ, у которого есть правительство довольно благоразумное, чтобы сознать этот недостаток, почувствовать свою ошибку и повести его по новому пути. От скольких это избавит его бедствий и междоусобий!

Такой перелом наступил теперь для России. До сих пор развивалась у нас одна форма государственного тела; теперь эту форму надобно одушевить общественною жизнью. До сих пор на сцене был один правительственный элемент; теперь следует допустить к деятельности и оставленный в пренебрежении элемент народный. Веками покорности он искупил свои прежние анархические стремления. Он подчинился государственному порядку, он воспитался для политической жизни. Теперь с ним должно обращаться уже не как с ребенком, которого закутывают в пеленки, а как с мужем, мыслящим и действующим самостоятельно. Но мы остаемся благодарны своему воспитателю и готовы любить его попрежнему, лишь бы он понял наши потребности и удовлетворил справедливым нашим желаниям. Нам нужны не сословные права, не ограничение царской власти, о котором никто в России и не думает. Нам нужна свобода! Мы хотим, чтобы все, что есть внутри нас, могло свободно высказываться и развиваться, чтобы царь знал, что думает и что делает Россия, и мог править нами с ясным сознанием дела и с разумной любовью к своему народу.

Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только стряхнем с себя губящую нас лень и равнодушие к общему делу. Это слово, которое излечит глубоко проникнувшие язвы, которое изгонит из нас всю внутреннюю порчу, которое даст нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа. В либерализме вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство, и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели.

Но что должно разуметь под именем либерализма? Свобода – слово неопределенное. Она может быть и безграничная, и ограниченная; и если безграничной свободы допустить нельзя, то в чем же должна состоять свобода ограниченная? Одним словом, какие меры должно принять либеральное правительство и чего должна желать либеральная партия в обществе?

Постараемся исчислить главные начала, которые вытекают из понятия о либерализме, и те меры, которые, по нашему мнению, необходимы для благоденствия России.

1. *Свобода совести.* Это первое и священнейшее право гражданина, ибо если власть станет углубляться и в совесть,

то что же останется для нее неприкосновенным? Религиозные убеждения человека – святилище, в которое никто не имеет права проникать. Они составляют внутренний мир души его, не подлежащий действиям гражданского закона, ибо закон как установление общественное распространяется на одни общественные отношения граждан. Им определяются их права и обязанности к другим людям и к государственной власти, но отношения к Божеству остаются делом совести. Какой способ человек считает лучшим для спасения души – это до государства не касается. Здесь можно действовать только убеждением, а отнюдь не силою; убеждение же есть дело церкви, которой и должно быть предоставлено напутствие душ к спасению. Закон не имеет здесь никакой власти. Он не может заставить человека веровать так, а не иначе; он может произвести только лицемерие, а отнюдь не искреннее поклонение. Принудительными действиями он достигает только того, что мирные граждане, строго исполняющие общественные обязанности, превращаются для него в врагов, оскорбляемых в самых заветных своих чувствах, а это, без сомнения, столь же вредно для государства, сколько бесполезно для религии.

Само законодательство сознает это и провозглашает свободу совести как основное право всех граждан русской империи. Но, к несчастью, на деле эта свобода ограничена. Несколько миллионов раскольников, составляющих, может быть, самую трудолюбивую и развитую часть русского кре-

стьянства, не только не имеют свободного вероисповедания, но подвергаются всякого рода гонениям и притеснениям. Тогда как язычникам дозволено беспрепятственно поклоняться своим идолам, ближайшие к православию верования преследуются всеми способами. Такое несправедливое противоречие в учреждениях должно быть уничтожено. Чтобы провозглашенное законом начало стало действительностью, необходимо дать раскольникам свободу вероисповедания. Надобно, кроме того, уничтожить и гражданские наказания, установленные как за неисполнение церковных обязанностей, так и за переход из православия в другие вероисповедания. Это опять дело совести, в которое гражданский закон не имеет права вмешиваться. Наконец справедливость требует, чтобы и с евреев сняты были те притеснительные ограничения, которым они подвержены в настоящее время, ибо свобода совести есть право, из которого не должен быть исключен ни один подданный русской империи; ни один не должен страдать за свои религиозные убеждения.

2. *Свобода от крепостного состояния*, одно<го> из величайших зол, которыми страдает ныне Россия. Это отражение в меньшем, но еще худшем виде той же системы, которая господствует в целом. Помещик есть почти такой же полноправный и безответственный владыка над своими крестьянами, как государь над своими подданными. Он не имеет только права жизни и смерти; в остальном же ни лицо, ни имущество крепостного человека нисколько не ограждены от по-

мещичьего произвола. Положение властей одинаково, злоупотребления одинаковы, и самые доказательства, которыми они стараются оправдать себя, одни и те же. Правительство стоит за права державные, помещики стоят за право собственности. Правительство говорит, что допущение свободы и оппозиции в государстве есть разрушение патриархального союза любви в пользу искусственных отношений, основанных на политических расчетах; помещики говорят, что уничтожение их власти есть заменение патриархального попечения (!) меркантильной системою найма. Правительство утверждает, что народ, которому предоставляется свобода, предается внутренней анархии; помещики утверждают, что освобожденный крестьянин спивается с круга[110] и делается никуда не годным. Правительство говорит, что всякая уступка ведет к революции; помещики говорят, что освобождение крестьян будет знаком для всеобщей резни господ. Правительство хочет действовать паллиативными мерами, уничтожением злоупотреблений, и сохраняет самую систему, их порождающую; помещики точно так же не хотят слышать об уничтожении самого корня зла, а допускают только наказание за нарушение никого не ограждающих законных постановлений. Правительство красноречиво описывает блаженство, вкушаемое подданными под его державою; помещики так же красноречиво доказывают, что их крестьяне лучше и счастливее всех свободных людей в мире. Правительство

---

[110] [В смысле «спившись, совсем опускается» (нар. разг.).]

указывает на западные народы как на пример несчастных последствий свободного правления; помещики указывают на состояние государственных крестьян как на такое бедствие, от которого избавлены их крепостные люди. Впрочем, ни та, ни другая власть не хочет видеть, что собственные ее подданные сочли бы за величайшее счастье, если бы их положение хотя несколько уподобилось тому, которое должно служить им уроком и предостережением от пагубных замыслов. Но как правительство, так и помещики равно утверждают, что либеральные стремления не что иное, как подражание Западу, нисколько не приложимое к России. Россия, по их мнению, страна совершенно не похожая на другие, имеющая такие особенности, которые делают существующий порядок единственно для нее возможным. Никто, впрочем, до сих пор не потрудился объяснить, что это за странные особенности. Кажется, это обыкновенно то, что выгодно для властей.

Аргументы, следственно, одинаки: это аргументы всех притеснителей. Но вот в чем различие: правительство есть представитель общества, имеющий необходимую и законную власть, которою оно только пользуется односторонним образом. Помещик же есть частное лицо, облеченное властью, которая не имеет решительно никакого справедливого и законного основания. Власть над лицом может принадлежать только к государству, а всякое частное подданство есть нарушение государственных прав. Оно противно и нравственному чувству, и справедливости, и обществен-

ной пользе. Это отдача одного сословия на жертву другому, между тем как все граждане должны одинаково пользоваться благами общественной жизни. Нет поэтому ничего страннее, как слышать помещика, толкующего о либерализме, о притеснениях правительства, тогда как сам он виновник и защитник величайшего притеснения. Помещик не имеет даже права жаловаться на существующий порядок, ибо злоупотребления помещичьей власти гораздо хуже злоупотреблений консервативной администрации, и вред, проистекающий из правительственной системы, ничто в сравнении с вредом, происходящим от крепостного права, которое связывает руки всем сословиям, искажает все общественные отношения, препятствует всякому улучшению учреждений, изъемлет из законного порядка целую треть народонаселения, портит народный характер, убивает в нем человеческое достоинство и водворяет в государстве безнравственность, беззаконие и разврат. Если правительство подвергается ответственности за нынешнее печальное положение государства, то, без сомнения, тяжесть вины должна падать и на дворянство, первого сподвижника престола, ибо оно могло бы хоть отчасти помочь бедственному порядку вещей и этого не делает. Среди всеобщего бессилия к добру если есть сословие, которое может еще оказать истинную услугу отечеству, то это дворянство. Освободивши своих крестьян, оно принесет ему дань гораздо более полезную и благородную, нежели все тщетные жалобы и бесплодные воздыхания, ко-

торые раздаются ныне со всех сторон.

Каким образом можно совершить освобождение, здесь не место рассматривать; это завлекло бы нас слишком далеко. Достаточно было указать на необходимость этой меры.

3. *Свобода общественного мнения*. Все наше изложение клонилось к тому, чтобы показать ее необходимость в государстве. Поэтому мы должны поставить ее на первом плане, как краеугольный камень либеральной политики. Пусть каждый русский сознает себя гражданином своего отечества, призванным содействовать общему делу. Правительство не только не должно подавлять в народе политической жизни, но обязано всеми способами стараться, чтобы каждый мог по возможности иметь ясное понятие о законах своего отечества, о внутреннем его состоянии и о политической системе управления. А этого иначе нельзя достигнуть, как предоставив всем право свободно высказывать свои мнения и убеждения. Человек, который за каждое оппозиционное слово, за каждую смело высказанную мысль может всегда быть схвачен и подвергнут произвольному наказанию, есть раб, а не гражданин. Он не может употреблять свои силы и способности согласно своим убеждениям, а может только безмолвно покоряться чужой воле. Но мы видели, к чему привела нас безмолвная покорность. Пора отложить ее в сторону и на место этого страдательного орудия воздвигнуть общественное мнение, которое может сделаться лучшим и надежнейшим помощником правительства, имеющего в виду народ-

ное благо. Одно только общественное мнение способно раскрыть истину, обличить злоупотребления, отыскать способных людей, возбудить деятельность в народе и, наконец, самое правительство побудить к необходимым преобразованиям. Общественное мнение есть выражение народной мысли. Пускай оно сначала будет шатко, незрело, разрознено; все это не может быть иначе после векового безмолвия. Но свобода воспитает его и укрепит, и тогда правительство найдет в нем лучшего своего сподвижника.

4. *Свобода книгопечатания*, необходимое последствие свободы общественного мнения. Недостаточно иметь возможность высказать свои мысли в разговорах; разговоры – дело частное. Если народное мнение должно иметь общественное значение, то оно должно быть гласно и известно, а это возможно только посредством книгопечатания. Пока существует цензура, подвергающая всякое выражение мысли предварительному разрешению правительства, до тех пор существует только мнение правительства, а народ должен безмолвствовать. Отменение цензуры есть основание всякой либеральной системы, желающей опереться на общественное мнение и дать народу некоторую самостоятельность. Только уничтожением цензуры правительство может доказать, что оно не намерено отделаться одними громкими фразами, а хочет совершить искреннее преобразование в управлении. Нечего бояться ему оппозиционных выходок. Оппозиция не только не ослабит его, а укрепит, если

оно будет вести себя благоразумно. Она вызовет и защитников правительства, которым в настоящее время никто не верит, ибо никто не смеет им противоречить, но которые тогда получат силу и значение. Оппозиция даст правильный и законный исход всем подавленным ныне стремлениям народа, ибо высказанное неудовольствие теряет половину своей силы. Вместо тайного и всеобщего раздражения, хватающегося за все правильно и неправильно, она разовьет в народе истинные понятия о вещах, воспитает в нем политический смысл и самому правительству откроет правду, укажет на его недостатки, выскажет различные потребности народа. Оппозиция есть именно выражение этих разнородных потребностей; в их столкновении и борьбе состоит вся политическая жизнь народа. Нужно только, чтобы борьба была мирная и законная, а этого можно достигнуть только предоставлением ей свободного исхода. Пускай высказываются даже нелепые мнения; они обличатся сами собой. Чем оппозиция будет менее разумна, тем менее она найдет поддержки в общественном мнении и тем правительство будет сильнее. Ибо нравственная сила правительства состоит не в том, чтобы все явно безмолвствовали и тайно ему недоброжелательствовали, но в том, чтобы большинство примыкало к нему с доверием и любовью, когда существует возможность противоречия. Только через это становится ясным, что оно имеет истину на своей стороне; теперь же оно на своей стороне имеет только физическую силу. Противоречия правитель-

ство не должно бояться, если оно высказывается благоразумно; только воззвание к нарушению законного порядка, только стремление опрокинуть общественные учреждения не должно быть допускаемо. Но для этого у правительства есть закон, карающий виновного. Оно всегда может писателя предать суду и запретить журнал, занимающийся разрушительной пропагандой. Закон должен пресекать зло, а не предупреждать его запрещением самого действия, могущего подать повод к злоупотреблениям. Злоупотребления могут быть всегда и во всем, но из этого не следует, чтобы все надобно было запрещать.

5. *Свобода преподавания*. Наука должна иметь самостоятельное развитие, и правительство не может налагать на нее своих мнений. Оно должно ограничиться надзором, чтобы кафедры не превратились в центры политической и религиозной пропаганды вместо того, чтобы служить орудием для научного преподавания. Разумеется, при этом должны быть отменены все меры, стесняющие ныне общественное воспитание, которое должно быть основано на либеральных началах, а не на военной дисциплине.

6. *Публичность всех правительственных действий*, которых обнаружение не может быть вредно для государства, и прежде всего бюджета государственных доходов и расходов. Народ должен знать, что происходит в верховном управлении, общественное дело есть его собственное, и правительство, которое искренно заботится о его пользе, не может

бояться гласности своих действий.

7. *Публичность и гласность судопроизводства*. Для правильности суда, для ускорения хода дел, для уничтожения бесчисленных злоупотреблений, скрывающихся под покровом тьмы, это – мера самая благодетельная. Тяжущийся и подсудимый найдут в ней ограждение от притеснений, судьи – побуждение к правосудию, правительство и народ – познание истинного положения судопроизводства, одной из важнейших отраслей управления. Кроме того, вечное зрелище суда и наказания разовьет в гражданах чувство права и законности, составляющее первое основание всякой разумной общественной жизни, но которое, к несчастью, заглохло у нас совершенно. Каким образом осуществить это преобразование, об этом здесь опять не место говорить.

Вот главные меры, которые должны быть предметом попечения просвещенного правительства и желанием либеральной партии в России. В либерализме, как мы сказали, будущность нашего отечества; он один может пробудить его к новой жизни и дать ему возможность развить все дремлющие в нем силы. Потому каждый искренне любящий свою родину, каждый просвещенный гражданин должен примкнуть к этому знамени. Всеми доступными нам законными средствами, стряхнув с себя губящее нас равнодушие к общему делу, мы должны стремиться к поддержанию великого и благотворного начала свободы. Выскажем его громко, ибо это убеждение внушено нам не пустым и беспокойным стремле-

нием к своеволию, а истинной любовью к отечеству и желанием вывести его из печального состояния, в котором оно находится. Может быть, некоторым придется и пострадать за свою откровенность, но страдать за правое дело не тяжело. Пора нам отвыкнуть от раболепного и унизительного страха перед властью и понять, что благородная твердость убеждений – одна достойна великого народа. Гражданское мужество – такая добродетель, которая у нас почти исчезла, но которая необходима для всякого, желающего совершить что-нибудь полезное. Мы должны действовать сами, не ожидая всего от правительства и не сваливая на него всю вину в наших бедствиях. Мы сами много и много виноваты в нынешнем положении России. Только наша собственная недеятельность, наше бессловесное равнодушие к общественному благу, наша непростительная робость могли допустить правительство до такой степени ослепления. Не видя себе нигде ни преграды, ни увещания, оно вообразило, что идет по настоящему пути, и считало народ совершенно довольным его правлением. Надобно нам наконец возвысить голос и показать, что в нас есть и мысль, и желание добра. Тогда только, когда мы станем смело говорить правду, не опасаясь ни ссылки, ни наказания, когда мы сами подвинемся к деятельности, не дожидаясь правительственного толчка, тогда мы вправе будем сказать, что мы народ, имеющий в себе залог великой будущности. А кто из нас не желает этого для России?

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС[111] (1866)

М. А. Бакунин

<…> 3. *Свобода* есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чьего-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях толь-

---

[111] [Печатается по изданию: *Бакунин М. А.* Революционный катехизис // Материалы для биографии М. Бакунина / Ред. и примеч. В. Полонского. М.; Л., 1928. Т. 3: Бакунин в первом Интернационале. С. 39–113. Публикуемый фрагмент: с. 39–43.«Революционный катехизис» составляет часть более обширного проекта Бакунина, опубликованного под общим заглавием «Принципы и организация Интернационального революционного общества».Французский оригинал «Революционного катехизиса» в сокращенном виде впервые опубликовал Макс Неттлау: *Nettlau M.* Michael Bakunin: Eine Biographie. 3 Bde. London, 1898–1900. S. 209–233 (литографированная книга с единой пагинацией); как и впервые полностью в переводе на немецкий: *Bakunin M.* Gesammelte Werke / Vorw. M. Nettlau. Berlin, 1924. S. 8–29. Вяч. Полонский подготовил публикацию на русском языке по изданию 1924 г. (см.: Материалы для биографии Бакунина. С. 555; прим. 33). Упомянутый обширный проект был планом устроения тайного общества, о котором Бакунин писал: «Общество имеет целью победу на земле принципа революции, следовательно, радикальное упразднение всех существующих в настоящее время религиозных, политических, экономических и социальных организаций и учреждений и новообразование сначала европейского, а затем и всемирного общества на основах свободы, разума, справедливости и труда» (Материалы для биографии… Т. 3. С. 39).]

ко своей собственной волей и, следовательно, быть ответственными лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают свое свободное согласие принадлежать к таковому.

4. Неправда, что свобода одного гражданина ограничивается свободой всех остальных. Человек действительно свободен лишь в той мере, в какой его свободно признанная свободной совестью всех остальных и как в зеркале в нем отражающаяся и излучающаяся из него свобода находит в свободе других подтверждение и расширение в бесконечность. Человек действительно свободен только среди равным образом свободных людей, и так как он свободен лишь в своем качестве человека, то рабство хотя бы одного-единственного человека на земле является, как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех.

5. *Свобода* каждого может, таким образом, найти осуществление только при равенстве всех. Осуществление свободы в правовом и фактическом равенстве является *справедливостью*.

6. Существует только один-единственный догмат, один-единственный закон, одна-единственная моральная основа для людей – *свобода*. Уважать свободу ближнего есть *обязанность*; любить его, служить ему есть *добродетель*. <…>

9. <…> Невозможно установить конкретное, всеобщее и обязательное правило для внутреннего развития и полити-

ческой организации наций, ибо существование каждой отдельной нации подчинено множеству различных исторических, географических и экономических условий, которые не позволяют установить образец организации, равно подходящий и приемлемый для всех. Такое безусловно лишенное всякой практической полезности предприятие было бы, впрочем, вторжением в богатство и непосредственность жизни, которая любит бесконечное разнообразие, и, что имеет еще большее значение, стало бы в противоречие с самим принципом свободы. <…>

3) Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и безусловной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое свое мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным, одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчета; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплуатацией благотворительности или личного доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом. 4) Неограниченная свобода всякого рода пропаганды путем речей, печати, в общественных и частных собраниях, без всякой другой узды, налагаемой на эту свободу, кроме благотворной естественной мощи общественного мнения. Безусловная свобода союзов и соглашений, не исключая тех, которые по своей цели будут неморальны или казаться таковыми, и даже тех, целью которых

было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы. 5) Свобода может и должна обороняться только свободой, и опасным противоречием и бессмыслицей является посягать на нее под вводящим в заблуждение своей кажущейся истинностью предлогом защиты ее, ибо мораль не имеет другого источника, другого побуждения, другой причины и другой цели, кроме свободы, а так как она сама не что иное, как свобода, то все налагаемые на свободу в защиту морали ограничения обращаются во вред морали. Психология, статистика и вся история доказывают нам, что индивидуальная и социальная имморальность всегда была следствием дурного общественного и домашнего воспитания и отсутствия или извращения общественного мнения, которое существует, развивается и морализуется только благодаря свободе, и прежде всего была следствием ошибочной организации общества. <…>

ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ[112] (1906)

С. Л. Франк

На очереди дня стоит выработка конституционного акта, определяющего начала нового государственного устройства России. Все понимают, что первая полномочная государственная дума[113], какой бы характер она ни носила официально, по существу необходимо должна выполнить задачу учредительного собрания, т. е. установить основной закон и определить условия осуществления государственной власти. Вот почему общественное мнение, печать и политические партии должны немедленно же выработать и обсудить проекты основного закона, которые могут быть предложены на рассмотрение собранию народных представителей. В этом отношении многое уже сделано. Мы имеем проект основного закона, выработанный еще прошлой зимой группой «освобожденцев»[114] и напечатанный сперва за границей, а потом в России (в журнале «Право» и в приложении

---

[112] [Печатается по изданию: *Франк С. Л.* Проект декларации прав // Полярная звезда. 1906. 5 янв. № 4. С. 243–254.]

[113] [27 апреля (10 мая) – 9 (22) июля 1906 г.]

[114] [Группа представителей социал-либеральной оппозиции, объединившихся в «Союз освобождения» (1903–1905).]

к сборнику «Конституционное государство»[115]). В несколько измененном виде тот же проект в редакции проф. Муромцева был напечатан в «Русских ведомостях»[116]. Конституционно-демократическая партия в своей программе довольно детально определила юридические принципы, на которых должно быть основано конституционное устройство российского государства. Таким образом, некоторый законодательный материал для выработки основного закона уже налицо. Тем не менее один принципиальный вопрос существенного значения остался еще совсем не затронутым. Это вопрос об общем *формальном* характере конституционного акта. Должен ли он свестись к простой совокупности положительных юридических норм, регулирующих государственное устройство, или, наряду с этим, в него должно быть внесено *торжественное провозглашение общих принципов политического правосознания*, лежащих в основе конституционного и демократического строя? Короче, нужна ли нам, наряду с конституционным законом, особая *декларация прав*?

Вопрос о необходимости декларации прав у нас до сих пор не поднимался; составители проектов основного закона мол-

---

[115] [См.: Проект Основного закона Российской империи: Выработан Комиссией Бюро общеземских съездов / Редакция «Освобождения». Paris, 1905. 20 с. (Материалы по выработке русской конституции; Вып. 3). Проект конституции см. также в еженедельной юридической газете «Право»: Право. 1905. 29 мая (воскресенье). № 21. Стлб. 1735–1746; Конституционное государство. Сб. ст. / Изд. И. В. Гессен, А. И. Каминка. 2-е изд. СПб., 1905. С. 527–551.]

[116] [Русские ведомости. 1905. 6 окт.]

чаливо отвергли эту идею и ограничились включением в самый текст норм некоторых общих политических принципов. По-видимому, общественное мнение или не видит особой надобности в декларации прав, или же еще не обратило достаточно внимания на самый вопрос. И это нетрудно объяснить: идея декларации прав мало популярна как потому, что для нее нет близких исторических прецедентов (последняя декларация прав содержалась в французской конституции 1848 года), так и потому, что она до известной степени противоречит господствующим взглядам на право и государство и исторически тесно связана с теорией «естественного права», потерявшей популярность в наш «положительный» век.

Согласно господствующему мнению государственная власть, какова бы ни была ее форма, юридически всемогуща, т. е. не допускает никаких ограничений. Всякое право есть продукт государства, зависит от государственной власти и подчинено ей. Так называемое правовое государство отличается в этом отношении от государства полицейского или деспотического только тем, что оно *само себя ограничивает* рядом постоянных норм, которые оно в своих собственных интересах решается соблюдать. Тем не менее и правовое государство остается неограниченным властелином в сфере права, так как оно во всякое время может отменить или изменить наложенные им на себя правовые ограничения. С этой точки зрения лишено всякого смысла провозглаше-

ние каких-либо вечных и неотъемлемых принципов и прав. Все, что не есть закон, юридическая норма, лишено вообще всякой силы, а закон по самому существу дела исходит от государственной власти и потому не может сам ограничивать ее суверенитет. Правда, большинство правовых государств знает различие между конституционным и обычным законом, между учредительной и законодательной функцией государственной власти. Но это различие – с точки зрения неограниченности суверенитета – в сущности говоря, лишено принципиального значения. Текущая законодательная деятельность должна протекать в рамках, установленных конституционным учредительным законом, отмена или изменение которого обставлены особыми условиями и могут осуществляться либо иными органами, либо в иных, более сложных формах, чем обычное движение законодательства. Но в конце концов, если воля суверена ясна и решительна, он может изменить и подчинить себе все право без всяких исключений[117]. Суверен всемогущ; он не знает над собой ничего неприкосновенного, никаких принципов или норм, которые служили бы непреодолимой преградой для его державной воли. Естественно, что для такого мировоззрения декларация вечных и священных принципов права представляется в лучшем случае какой-то ненужной и бессмысленной рисовкой, детской затеей, основанной на архаических реми-

---

[117] Как известно, Англия, это правовое государство *par excellence*, не знает даже и этого различия между конституционным и простым законами.

нисценциях «естественного права» и не выдерживающей серьезной и логической юридической критики.

Это всемогущество суверена, перенесенное сперва с римского народа на римского императора, перешедшее затем, по учениям Бодэна и Гоббса, на королевскую власть и, наконец, теорией Руссо вновь возвращенное самодержавному народу, стало какой-то почти логической аксиомой юридической науки. Странным образом не замечается, что это учение широко раскрывает двери всякому произволу и деспотизму, от которого принципиально не может огородить никакая конституция, никакая даже самая демократическая и либеральная форма государственного устройства. Сегодня суверен «признал за благо» дать неприкосновенность личности, обеспечить свободу мысли и совести – завтра он может признать эти права неудобными или опасными и отнять их, «car tel est notre bon plaisir»[118]. И это может в одинаковой мере сделать и абсолютный монарх, и «монарх в парламенте», и республиканское национальное собрание. В известном смысле можно сказать, что с точки зрения этой теории единственной логически и юридически мыслимой формой государственного устройства является *самодержавие*, т. е. неограниченность государственной власти. Допускается только различие в *субъекте* власти, но никак не в самом ее *характере*. Са-

---

[118] [«Ибо таково наше желание» (*фр.*) – традиционная формула в ордонансах и других актах французских монархов с конца XV до XVIII в., указывающая на абсолютный характер королевской власти.]

модержавная власть может быть перенесена с монарха на народное представительство или *разделена* между ними, но, кто бы ею ни владел, она остается самодержавной. Социал-демократическая партия в своей программе открыто говорит о замене «царского самодержавия» «самодержавием народа»[119] – и нельзя не признать, что она поступает по крайней мере логично.

Но независимо от политических и моральных доводов, говорящих против этого учения, его несостоятельность может быть доказана и чисто теоретически. Право и закон – не одно и то же; нельзя согласиться с исходной точкой рассуждения абсолютистов, согласно которой все право есть продукт государственной власти, истекает из нее или по крайней мере заимствует свою юридическую силу из ее санкции. Наоборот, можно сказать, что лишь наименее прочная и относительно несущественная часть права закреплена в законе и определена государственной властью. Существо и основу права образуют нормы отношений между людьми, опирающиеся на *общее правосознание* и обязательные независимо от того, внесены ли они в собрание узаконений или нет. Только уз-

---

[119] [Ср.: «Российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы: 1) Самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа» (Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на втором съезде Партии // Сборник программ политических партий в России. Вып. 1 / С предисл. В. В. Водовозова. [СПб., 1905.] С. 27–28).]

кие специалисты-юристы могут за юридическими нормами просмотреть *право*; только они могут забывать, что фундамент правовой жизни образуют не те сложные и запутанные юридические формулы, с которыми они имеют дело и которые регулируют только *спорную*, не укрепившуюся в общем сознании и нередко ему даже недоступную часть права, а те немногие ясные и простые правовые принципы, которые известны всем и определяют непосредственный уклад отношений между людьми. Что рабство недопустимо, что нельзя убивать и грабить – эти нормы ужели определяются только статьями закона и могут быть ими отменены? Ясно, что они крепче всякого закона и всякого государственного строя: они коренятся в *душах* людей, образуют моральные, но юридически обязательные принципы, которые внушены людям всем их воспитанием, господствующим в обществе образом мысли и чувствования. Эти принципы никакой закон фактически не в состоянии отменить, и они составляют ту прочную правовую атмосферу, которая окружает всякую законодательную деятельность и ставит произволу устойчивую преграду.

Такие же принципы существуют и в политической жизни, хотя здесь они часто оказываются менее устойчивыми. Но из этого не следует, что ими можно пренебрегать в этой области; наоборот, из этого следует нечто совершенно иное – именно необходимость путем особых воспитательных средств укрепить их и прочно привить общественному

правосознанию. Такова была задача всех деклараций прав, и в наши дни общей смуты и шатания с особенной настойчивостью ощущается необходимость подобной декларации, которая формулировала бы основные принципы политической жизни, имеющие морально-правовое значение и потому могущие претендовать на значение вечных и ненарушимых норм.

К чему же должна сводиться эта декларация? Мы полагаем, что было бы бесконечно трудно пытаться на манер прежних «деклараций» охватить в подобном акте целиком основные принципы господствующего правосознания. Вместе с тем это было бы в значительной мере бесплодно, так как по отношению к некоторым из этих принципов пришлось бы ограничиться простым провозглашением морально-политического *верования*, не способным облечься в живую плоть *правовой нормы*. А в этом отношении мы действительно должны считаться с трезвым и суровым настроением времени, требующим не слов – хотя бы искренних и содержательных – а серьезного практического дела. В наши дни декларация прав не может быть одним возвещением политической веры; она должна, не теряя своего характера как признания вечных, «метаюридических»[120] принципов, иметь все же значение положительного юридического акта и включать в себя только то, что может уложиться в эту реальную правовую форму. Декларация прав должна быть

[120] Выражение Иеллинека.

учредительным законом о вечных и неотъемлемых правах граждан. Реалистически настроенного юриста, быть может, смутит это словосочетание: «закон о вечных правах»; оно покажется ему нелепым противоречием. Мы не имеем здесь возможности детально обосновать конструкцию этого понятия. Нам думается, однако, что действительного противоречия тут нет: смысл такого закона состоит, конечно, не в *создании* этих вечных прав – иначе они от него зависели бы и не были бы «вечными и неотъемлемыми» – а в их констатировании и санкционировании. Но если бы даже такое понятие действительно содержало юридические трудности и шероховатости, живое *общественно-педагогическое значение* подобного акта, укрепляющего принципы правосознания, настолько велико, что ради него можно смело рискнуть этими трудностями. Творчество права всегда богаче и сложнее его научных формулировок и по необходимости должно обгонять их.

Такая декларация прав, являющаяся одновременно и возвещением принципов и установлением положительных норм, может иметь лишь одну задачу: определение отношения между государственной властью и правами личности, обеспечение прав личности путем отграничения их от законных прав власти. Она должна установить тот минимум прав граждан, который современное правосознание признает абсолютно неприкосновенным для государственной власти. Таким образом, содержание подобной декларации долж-

но совпадать с содержанием отдела «об основных правах граждан» в конституционных актах, с той только разницей, что конкретные юридические нормы «декларация» должна закреплять и обосновывать торжественным возвещением общих принципов, на которых они покоятся[121].

Ниже следует текст предлагаемого нами проекта декларации прав. При его составлении мы пользовались проектом основного закона, выработанным «освобожденцами», отделом «о правах граждан» программы конституционно-демократической партии и тем же отделом западноевропейских конституций (преимущественно бельгийской). В принципиальном отношении ново по сравнению с этими материалами в нашем проекте – помимо общего его характера как «декларации» – во-первых, провозглашение принципа неприкосновенности для государства человеческой жизни, с вытекающими из него требованиями недопустимости смертной казни и строгого ограничения вооруженных репрессий, и, во-вторых, признание на основании принципа свободы совести необязательности военной службы для лиц, уклоняющихся

---

[121] В силу всех приведенных выше соображений мы не сочли возможным включить в декларацию прав *право на достойное человеческое существование*, на которое обратил внимание П. И. Новгородцев в № 3 «Полярной звезды». Это не мешает нам безусловно признать необходимость и плодотворность укрепления этой основной социалистической идеи в общественном правосознании. [См.: *Новгородцев П. И.* Два этюда // Полярная звезда. 1905. 30 дек. № 3. С. 210–222. Разд.: I. Перед завесой. II. Право на достойное человеческое существование. См. об этом: *Плотников Н. С.* «Право на достойное существование». К истории дискурса справедливости в русской мысли // Логос. 2007. № 5 (62). С. 111–133.]

от нее по религиозным мотивам. Обоснованием этих, как и всех остальных пунктов нашего проекта, мы, быть может, займемся впоследствии, если идея «декларации прав» обратит на себя внимание печати и политических кругов и будет в принципе принята сочувственно. Само собою разумеется, что и для нас важнее всего не те или иные детали в содержании этого проекта, а его общая идея.

Учредительный закон о вечных и неотъемлемых правах российских граждан

1. Государственная власть действует в интересах общего блага и ограничена в своем верховенстве вечными и неотъемлемыми правами российских граждан. Эти права суть гражданское равенство и личная свобода.

2. Все русские граждане равны перед законом и властью. Сословные различия отменяются. Различие происхождения, национальности и вероисповедания не может иметь своим последствием неравенство гражданских или политических прав и обязанностей.

3. Личная свобода означает неприкосновенность жизни, личности и жилища, свободу совести и мысли, свободу устного и печатного слова, свободу преподавания, свободу собраний и союзов, свободу передвижения и право петиций.

4. Человеческая жизнь священна и неприкосновенна. Лишение жизни допустимо только в состоянии необходимой

самообороны. Государственная власть в отношении посягательства на человеческую жизнь приравнивается частному лицу.

В силу этого:

а) Смертная казнь отменяется навсегда и не допускается ни по какому суду и ни за какие преступления.

б) Применение вооруженной силы против граждан допускается только в случаях насильственных действий или открытого вооруженного восстания и лишь в качестве крайнего средства обороны. Всякая власть, злоупотребившая вооруженной силой, карается на тех же основаниях, как и частное лицо.

5. Свобода и неприкосновенность прав каждого обеспечены законом.

В силу этого:

а) Никто не может быть подвергнут преследованию или наказанию иначе как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения проступка. Никакие кары, взыскания или ограничения прав не могут быть налагаемы на частных лиц какою-либо властью, кроме судебной. Никакие чрезвычайные суды не допускаются.

б) Никто, за исключением случаев захвата на месте преступления, не может быть задержан или лишен свободы иначе как по мотивированному постановлению судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточных оснований или продолженное сверх законного срока, дает пра-

во пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

6. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище без согласия хозяина допускается лишь в случаях, предусмотренных законом и, за исключением случаев необходимости немедленной помощи, не иначе как по постановлению судебной власти. Равным образом обыск, выемка и вскрытие частной переписки допускаются только в случаях, указанных законом, и не иначе как по постановлению судебной власти.

7. Совесть, мысль и вера составляют неотъемлемое свободное достояние личности и не подчинены государственной власти, которая распространяется только на действия граждан. Государственная власть не вправе объявлять вредными или опасными никакие верования, убеждения и политические или религиозные учения.

8. Не допускаются никакие преследования, наказания и умаления прав отдельных лиц или групп населения за их верования, убеждения и принадлежность к политическим или религиозным союзам и партиям, равно как за перемену и отказ от вероучения. Всякий волен свободно избирать церковь, в которой он желает участвовать, основывать новые вероисповедные союзы и общины или не принадлежать ни к какому вероисповедному обществу.

9. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совер-

шаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

10. Никакая церковь не может находиться под опекой или контролем государственной власти.

11. Никакие вероисповедные акты не могут влиять на гражданское состояние; бракосочетания и рождения регистрируются гражданскими властями на основании гражданских законов и только из этой регистрации почерпают законную силу.

12. Лицам, уклоняющимся от несения военной службы по мотивам религиозным или нравственным, должна быть предоставлена возможность замены военной службы какой-либо иной государственной повинностью.

13. Человеческое слово свободно. Каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она ни называлась, упраздняется и не может быть восстановлена; равным образом не допускаются никакие иные предупредительные меры по отношению к печати. Никто не подлежит ответственности за самое содержание высказываемых им мнений, если только этим не совершается какого-либо общего преступления, предусмотренного уголовным законом; за таковое преступление виновные отвечают только перед судом.

14. Преподавание свободно; каждое лицо, общество

и учреждение вольно обучать как детей, так и взрослых и основывать школы всякого типа. Никакие предупредительные меры и ограничения свободы преподавания не допускаются.

15. Все российские граждане имеют право устраивать публичные собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом для обсуждения всякого рода вопросов, не испрашивая на то разрешения.

16. Все российские граждане имеют право составлять союзы и общества для целей, не противных уголовным законам, не испрашивая на то разрешения; это право не подлежит никаким предупредительным мерам.

17. Каждое частное лицо пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется, и никакой вообще принудительный контроль государства за местожительством и передвижением граждан не допускается. Никакое частное лицо не может быть ограничено в свободе передвижения и выбора местожительства иначе как по судебному приговору.

18. Право петиций принадлежит как каждому отдельному гражданину, так и всякого рода группам, союзам и собраниям.

19. Должностные лица за нарушения прав граждан, совершенные при отправлении должности, подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласие их начальства.

20. Всеми означенными правами пользуются также иностранные подданные, проживающие на территории российского государства.

21. Все означенные права обеспечиваются судебной защитой. Суд не вправе руководиться законом, нарушающим или ограничивающим эти неотъемлемые права, и должен освобождать от следствия и наказания лиц, обвиняемых в неисполнении законов и административных распоряжений, противоречащих означенным правам граждан.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?[122] (1917)

А. А. Мейер

Народ, завоевавший свободу, конечно, знает, что такое свобода.

Однако же то, что знает народная душа, далеко не всегда знают и понимают отдельные группы лиц и отдельные лица.

Мы сплошь и рядом видим, как плохо, как превратно понимается свобода людьми, которые готовы говорить о свободе очень красивые слова.

В чем же заключается истинный смысл *свободы*?

Народ свободен, когда он *сам устраивает свою жизнь*, т. е. когда нет над ним никаких хозяев, предписывающих ему жить так, а не иначе.

Верховная власть должна принадлежать всему народу.

Никто в отдельности – ни царь, ни диктатор, ни какая-либо часть народа или какая-либо группа лиц – не может быть верховной властью.

Народ в целом, *весь народ* должен избрать себе своих представителей, которые создавали бы и применяли законы и по указаниям которых действовали бы именем народа министры.

---

[122] [Печатается по изданию: *Мейер А. А.* Что такое свобода? Пг., 1917. 16 с.]

Если же власть находится не в руках *всего народа*, а в руках какого-либо одного класса, какой-либо одной части народа или в руках одного лица, свободы нет.

Только правительство, назначаемое самим народом, не будет мешать ему свободно развиваться и двигаться вперед, потому что оно зависит от народа и вынуждено считаться с общими нуждами, а не с интересами какой-либо части народа.

Не было в России более свободного класса людей, чем та клика предателей и глупцов, которая правила Россией при старом порядке. Им все было позволено, для них не писан был никакой закон. Но эта свобода одного класса создавала *несвободу народа*.

И всякая диктатура – кто бы ни стал диктатором, какой бы класс ни присвоил себе всю власть в стране – нарушает свободу народа, потому именно, что предоставляет всю свободу хозяйничающему классу диктатору.

Свобода народа требует, чтобы *воле всего народа подчинялась* каждая группа лиц и каждое отдельное лицо. Воля же народа выражается в тех *законах*, которые создают избранные всем народом представители его и за исполнением которых наблюдает ответственное перед народом правительство.

Поэтому для всякого сознательного человека ясно, что свобода народа связана с обязанностью каждого гражданина подчиняться закону.

Мы добивались и добились *свободы народа*, а не свободы

каких-либо отдельных групп населения. Мы отменили свободу помещиков, попиравших свободу народа, и народ не допустит, чтобы полная свобода перешла снова к какому-либо *одному классу* в ущерб свободе народа – будет ли это класс капиталистов, или банкиров, или землевладельцев, или даже одних только промышленных рабочих.

Для того чтобы никакой отдельный класс не захватывал свободы для себя одного и не попирал свободы народа, все должны подчиняться закону. Для всех классов и для всех граждан должен существовать *один закон*, перед которым *все должны быть равны*.

Без *равенства всех перед законом нет свободы народа*.

Народу нужна свобода для того, чтобы *развивать свои силы и способности*, чтобы становиться более просвещенным, более зрелым духовно. Свобода сделает творчество народа более богатым, и вклад его в общую сокровищницу человечества будет при свободе гораздо более значительным.

Стремясь к свободе, мы должны стремиться к тому, чтобы народ исполнял свои обязанности *пред человечеством*, чтобы он не угнетал другие народы и противодействовал угнетению одними других, чтобы он нес миру свет и свободу, а не рабство и насилие.

Каждый гражданин свободного народа должен ставить себе эти задачи и подчинять им свои личные и классовые интересы.

В свободном народе *интерес* должен отступать на второй план пред требованием всего народа и пред теми задачами, которые стоят перед народом.

Достоин быть гражданином свободного государства только тот, кто умеет *отказываться от своих выгод*, жертвовать своими интересами *для свободы народной*.

Жертвуя своими выгодами, свободные граждане должны в то же время и охранять свои права и свои интересы от покушений на них с чьей-либо стороны.

Необходимо каждому отдельному лицу и каждому классу следить за тем, чтобы никто не нарушал его прав, чтобы никто не присваивал себе незаконной власти.

И, конечно, сопротивляясь всякому нарушению своих прав, мы обязаны и сами следить за собой, следить за тем, не нарушаем ли мы прав других.

Граждане свободного народа не могут говорить: думай каждый о себе, до другого мне нет дела. Так говорят и так поступают только рабы, так учило нас поступать старое правительство, которому была выгодна наша бессознательность, наша бессовестность и наше рабство.

Свободный народ требует от каждого, чтобы он думал обо всех других и прежде всего думал о самом народе, о его задачах и о его свободе.

Для того чтобы развитие народа шло без задержек, необходимо, чтобы каждому гражданину и каждой группе граж-

дан были предоставлены:

1) свобода совести,
2) свобода слова,
3) свобода собраний, союзов и стачек.

Самое важное и самое драгоценное благо – *свобода совести*.

Каждому должно быть предоставлено право верить так, как того требует его совесть. Каждый вправе исповедовать религию, какую он найдет для себя наиболее приемлемой, или совсем не исповедовать никакой религии, если его совесть это позволяет.

Ни государственная власть, ни отдельные организации, ни частные лица не имеют права вмешиваться в дела совести, не имеют права насильственно заставлять кого-либо верить так, а не иначе или совсем не верить, не имеют права навязывать другим исполнение каких-либо религиозных обрядов или мешать исполнять обряды.

Бывают вероучения, которые связаны с суеверными обрядами, выражающимися в насилии над другими людьми.

Например, у некоторых диких народов до сих пор существуют человеческие жертвоприношения, а по правилам некоторых религий за кражу чужой собственности полагается отрезать руку. У нас в России есть секта (скопцов), иногда допускающая насильственное изувечение людей.

Государство, охраняющее граждан от всякого насилия, не может допускать подобных действий. За совершение их оно должно подвергать виновных суду. Суд должен в каждом отдельном случае решать, совершено ли действительно насилие или нет.

Но судить можно *только за насилие*, а не за веру, хотя бы и изуверскую, и не за проповедь веры.

Совершивший насилие должен быть привлечен к суду – но государству нет дела до того, как верует совершивший насилие человек.

Свободный народ не может также допустить никакого нарушения *свободы слова*, как *устного* (речи, разговоры, проповеди, преподавание), так и *письменного* (в газетах, книгах, письмах, воззваниях).

Право каждого высказываться свободно помогает раскрывать злоупотребления и непорядки, которые при несвободе слова остаются замолчанными, скрытыми.

Свободное высказывание помогает гражданам сговариваться между собою для общей работы на пользу народа и для борьбы с врагами народа.

Наконец, самое важное, без свободы слова немыслимо свободное *развитие науки*, *искусства*, *философии*, *религии*, немыслимо, следовательно, духовное и нравственное развитие народа.

Свободой слова должны пользоваться совершенно одинаково *все граждане*, к каким бы партиям они ни принадлежали.

При старом порядке тоже была свобода слова – только не для всех, а для одних лишь защитников старого порядка. Кто защищал помещиков и царя, тому давалась свобода слова (а иногда еще в придачу и денежная мзда), а кто стоял за улучшение порядков, за свободу и за демократический строй, тем зажимали рот и за всякое слово ссылали и сажали в тюрьмы.

Свободный народ не допустит, чтобы одни пользовались свободой слова, а другие нет.

Поэтому он не повторит той несправедливости, какую совершала старая власть, не станет лишать свободы слова даже врагов свободы, даже тех, кто стал бы говорить против новых порядков.

Свобода слова – *всем.*

Пусть и те партии, которые раньше сами зажимали нам рот, пишут и говорят свободно.

Они *боялись* нашего свободного слова, потому что знали свою неправоту. Нечистые дела всегда боятся света. Мы же *не боимся* их свободного слова, потому что нечего нам прятать и укрывать.

Им нечего было возразить сторонникам свободы, и потому они предпочитали насильно заставить их молчать.

Нам же есть чем ответить на все злые слова защитников

старого. Мы заставим их замолчать не насилием, а нашим свободным словом, словом правды.

Пусть все говорят свободно: народ услышит, кто говорит правду, кто неправду.

Демократия твердо стоит на том, что свобода должна быть *полная и равная для всех*.

Наши слова иногда причиняют вред другим людям.

Это бывает тогда, когда мы позволяем себе клеветать на кого-либо, распускать ложные слухи, оскорблять словами или когда пользуемся словом для призыва к какому-либо преступному, злому, насильственному действию.

В этих случаях, как и в случаях насилия, совершаемого изуверами, государство обязано вмешаться: закон, создаваемый свободным народом, потребует от граждан, чтоб они не совершали подобных преступлений – а кто ослушается этого закона, тот должен быть привлечен к суду.

Точно так же должен быть привлечен к суду и всякий, кто разглашает какие-либо военные тайны, если разглашение их вредно для народа.

Но и в тех, и в других случаях должно преследоваться по суду не свободное слово, не выражение мысли, а только клевета, оскорбление, предательство.

Свобода слова не означает свободы клеветать и совершать всякого рода злые дела. Суд должен в каждом отдельном случае разобраться, было ли совершено злое деяние, заклю-

чалась ли в словах клевета или оскорбление или они были только искренним выражением взглядов, было ли совершено предательство, выдача тайн врагу или безвредное сообщение о каких-либо фактах. Само же по себе *слово – суду не подлежит*.

Государственная власть сама по себе еще не в состоянии была бы устроить жизнь народа и поддерживать правильный порядок, если бы сам народ, все граждане сами всюду на местах не участвовали в устроении жизни.

Недостаточно передать власть в руки избранного народом правительства и на том успокоиться, будто вся жизнь во всех ее мелочах может быть устроена государственной властью.

Есть много забот, которые должно взять на себя само население, не ожидая, что все сделает правительство.

В каждой отдельной местности, у каждого отдельного класса, у каждой профессии есть свои интересы, свои нужды и свои обязанности перед народом. Поэтому граждане должны устраивать особые организации, союзы, общества, партии для защиты своих интересов и для исполнения своих обязанностей.

Кроме того, само развитие народа, его образование, успешная работа его в области искусства, науки, вообще культурного творчества, а также религиозная жизнь народа – все это требует весьма часто соединения граждан в союзы, общества, партии.

Свобода народа может быть достигнута только при том условии, что гражданам предоставлена полная свобода *образовывать союзы* всякого рода.

Союзы же и общества могут действовать только при *свободе собраний*, совещаний, съездов. Поэтому *свобода союзов* должна быть соединена со *свободой собраний*.

В нынешней экономической жизни огромную роль играют временные сговоры большого числа людей о прекращении совместно какой-либо работы, если условия оказываются невыгодными.

Отдельный человек не может изменить условий работы, сколько бы он ни заявлял об их невыгодности: ему всегда скажут, что на его место найдется много желающих.

Только общее дружное заявление многих и отказ их от работы в случае неисполнения требования может заставить тех, от кого это зависит, изменить условия работы.

Такой отказ от работы, такая забастовка, стачка работников есть вполне законное их право.

Вот почему наряду со свободой союзов и собраний должна быть обеспечена гражданам также и *свобода стачек*.

Само собою разумеется, что и свобода союзов не должна пониматься как свобода устраивать общества, преследующие преступные цели.

Свобода союзов не означает того, что можно устраивать,

напр., воровские организации, разбойничьи шайки и т. п.

Всякое преступление и подготовка к преступлению должны быть преследуемы законом. И если общество образуется для подготовки какого-либо *преступления*, оно, конечно, *не может быть допущено*.

Но все организации, все союзы и партии, служащие народу и делу его развития, должны пользоваться полной свободой, как бы ни понимали тот или иной союз, та или иная партия благо народа.

Кроме указанных трех условий – свободы совести, слова, союзов и стачек – для успешного развития народных сил, как материальных, так и духовных, необходима еще *неприкосновенность личности*.

Никто в свободном государстве не должен быть лишаем свободы (арестовываем) иначе, как по распоряжению законного суда.

Только в том государстве, где исполняется это требование, нет произвола.

Если же какая-либо власть без суда, по своему усмотрению, может арестовывать граждан, то это создает возможность самого вопиющего *произвола*. А там, где царит произвол, где никто не может быть уверен в своей безопасности, где всякому могут поставить в вину его деятельность, ничего преступного не представляющую, где человека незаслуженно подвергают лишению свободы – там никакая искренняя,

честная работа на пользу народа не может идти с достаточным успехом.

Итак, народ может быть свободным только тогда, когда отдельным лицам обеспечена свобода.

Но, конечно, для свободного развития личности *недостаточно* свободы слова, совести, собраний и т. д.

Как бы прочны ни были эти свободы, но, если судьба заставляет человека жить впроголодь, трудно ожидать от него больших успехов в науках, искусствах, в проявлении всякого рода талантов, трудно даже надеяться на то, чтобы у него было достаточное понимание и умение оценить блага культуры.

Для того чтобы человеческая личность развивалась беспрепятственно, ей необходимо быть свободной от тисков нужды. Все смогут подниматься все выше и выше в своем творчестве, когда прекратится та эксплуатация труда, благодаря которой большинство людей живет, перебиваясь со дня на день.

Все перечисленные выше свободы – это так называемые *политические свободы*. Для свободного совершенствования личности одних только политических свобод мало: необходимо еще добиться и *освобождения экономического*.

Если бы какой-либо благодетель взялся за такое устроение жизни, при котором уже не было бы нужды и голода,

и если бы ему удалось уничтожить эксплуатацию и подарить трудящимся благополучие – этим еще не была бы достигнута действительная свобода.

Благополучие, которое люди получили бы из чужих рук, без всякой с их стороны борьбы, не делало бы их свободными.

Свобода личности, как и свобода народа, заключается в самостоятельном устройстве своей жизни (самоопределении).

Эксплуатируемые должны *сами себя освободить* от эксплуатации: они должны добиваться лучшего материального положения *путем борьбы*. Свобода экономическая должна быть завоевана ими, а не дарована им – только при этом условии она будет действительной свободой, только при этом условии человек не потеряет своей свободы.

Политические свободы еще не делают человека вполне свободным. Но без них немыслима была бы борьба за экономическое освобождение.

Без свободы слова и особенно без свободы союзов и собраний никакое освобождение от эксплуатации невозможно, потому что для борьбы за это освобождение необходимо трудящимся организоваться в союзы, совещаться о совместных выступлениях, агитировать и вести пропаганду борьбы за свободу труда, устраивать стачки.

Завоевание политической свободы необходимо поэтому

для самой борьбы за полное освобождение человека.

Однако жестоко ошибаются те, которые думают, что свобода будет уже полностью осуществлена, если человек будет только экономически и политически свободен.

Истинно свободен не тот, кто пользуется только внешними свободами и кто не терпит нужды, а тот, кто, кроме того, *свободен и внутренне*. Без внутренней свободы человек – раб, в каком бы свободном государстве он ни жил.

Внутренне несвободная человеческая личность не сумеет даже и воспользоваться благом внешней свободы.

Поэтому все, стремящиеся к свободе, должны не только бороться за экономическую и политическую свободу, но *одновременно* с этим работать также и над повышением *свободы внутренней*.

Внутренняя свобода человеческой личности заключается в *господстве человека над самим собой*.

Мы сказали выше, что народ свободен тогда, когда он сам собою управляет, сам устраивает свою жизнь. Точно так же и отдельный человек свободен только в том случае, если он сам хозяин над своими действиями и над своими чувствами, сам управляет собою.

Человек, душа которого подчиняется страсти, живет только от минуты к минуте, не умеет себя сдерживать, не умеет владеть своими пожеланиями – такой человек не может быть

свободным.

Внутренне свободен тот, кто подчиняет всю свою жизнь, все свои чувства и волю великой цели *собственного облагорожения*, *совершенствования*. Посвящая себя этой цели, он уже не допускает, чтобы им владело какое-либо отдельное, *случайное* его *пожелание*, которое может идти вразрез с его *общим*, *основным стремлением*.

Указывает же пути к этой цели – *разум*, твердая, верная себе самой мысль, и потому внутренне свободен человек, если во всех своих действиях он соображается с разумом, подчиняет ему чувства и желания свои.

Внутренне свободный человек, стремящийся к поднятию себя на большую духовную высоту, уже не может думать только *о своих интересах*. Он знает долг перед другими людьми и перед целым народом.

Сознание своего *долга*, а не только своих интересов, есть первый и самый главный признак свободного человека.

Раб повинуется только *внешней силе*, только внешнему господину, и если и совершает полезные и нужные дела, то не по своей воле, не по сознанию обязанности, а из покорства господину. Поэтому раба могут занимать только его интересы, только его собственная выгода. О своих интересах он думает много, обязанность же ему известна только как исполнение чужой воли, и обязанностей своих он не любит.

Свободный человек, управляющий сам собой, сам знает свои обязанности и не нуждается в палке. Поэтому он и оза-

бочен тем, чтобы действительно выполнить свой долг, он *сам*, не ожидая приказания, *умеет заставить себя* делать то, чего требует его разум во имя его собственного облагорожения. Он умеет отстоять и свои интересы и отстаивает их не ради своего только благополучия, а ради того, чтобы успешнее исполнять свои обязанности пред собой самим, перед народом и перед людьми вообще.

Внутренне свободный человек не остановится иногда и перед тем, чтобы *пожертвовать* своими *интересами* ради исполнения своего долга.

Такая жертва не страшна тому, кто сам управляет собой, кто сам решает, что жертва необходима.

Только раб боится поступиться своими выгодами, потому что трепещет от одной мысли, что господин воспользуется его слабостью, его уступкой и крепче затянет на нем петлю.

Внутренняя свобода уничтожает в корне этот рабский страх, и она же – и только она – дает человеку силы отстоять, когда нужно, свои права.

Люди, любящие свободу и служащие ей, должны твердо помнить, что *свободная личность может быть только в свободном народе*, *а свободный народ может состоять только из свободных личностей.*

КОНСТИТУЦИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ЕВРОПЫ И АЗИИ. ПРОЕКТ[123] (1989)

А. Д. Сахаров

1. Союз Советских Республик Европы и Азии (сокращенно – Европейско-Азиатский Союз, Советский Союз) – добровольное объединение суверенных республик Европы и Азии.

2. Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии и его органов власти – счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения.

3. Европейско-Азиатский Союз опирается в своем разви-

---

[123] [Печатается по изданию: *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда [2]: Статьи. Письма. Выступления. Интервью. 1986–1989 (после возвращения из горьковской ссылки) / Сост. Е. Г. Боннэр. М., 2006. (Собрание сочинений). Публикуемая работа: с. 591–607. Заглавие в описываемой публикации: Проект конституции. В данном издании написание текста датируется «не позднее 27 ноября 1989 г.». Дата написания на сайте «Архив Сахарова» (Региональной общественной организации «Общественная комиссия по сохранению наследия академика Сахарова» – Сахаровский центр): 28 авг. – 24 окт. 1989 г.; заглавие публикации: Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии. Проект. См.: https://www.sakharov-archive.ru. Раздел на сайте: Работы А. Д. Сахарова. Тексты в названных публикациях тождественны.]

тии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов.

4. Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом, к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире. Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением конвергенции в перспективе должно быть создание Мирового правительства.

5. Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье. Целью и обязанностью граждан и государства является обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом. Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с законами Союза и республик и принципами Всеобщей декларации прав человека ООН. Международные законы и со-

глашения, подписанные СССР и Союзом, в том числе Пакты о правах человека ООН и Конституция Союза, имеют на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик.

6. Конституция Союза гарантирует гражданские права человека – свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены.

7. В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости.

8. Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. На территории Союза в мирное время полностью запрещена смертная казнь.

9. Принципы презумпции невиновности являются основополагающими при судебном рассмотрении любых обвинений каждого гражданина. Никто не может быть лишен какого-либо звания и членства в какой-либо организации или

публично обвинен в совершении преступления до вступления в законную силу приговора суда.

10. На территории Союза запрещена какая-либо дискриминация в вопросах работы, оплаты труда и трудоустройства, поступления в учебные заведения и получения образования по признакам национальности, религиозных и политических убеждений, наличия в прошлом судимости, при условии ее снятия, а также (при отсутствии прямых противопоказаний) по признакам пола, возраста и состояния здоровья.

11. На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах предоставления жилья, медицинской помощи и в других социальных вопросах по признакам пола, национальности, религиозных и политических убеждений, возраста и состояния здоровья, наличия в прошлом судимости.

12. Никто не должен жить в нищете. Пенсии по старости для лиц, достигших пенсионного возраста, пенсии для инвалидов войны, труда и детства не могут быть ниже прожиточного уровня. Пособия и другие виды социальной помощи должны гарантировать уровень жизни всех членов общества не ниже прожиточного минимума. Медицинское обслуживание граждан и система образования строятся на основе принципов социальной справедливости, доступности минимально-достаточного медицинского обслуживания (бесплатного и платного), отдыха и образования для каждого вне зависимости от имущественного положения, места прожива-

ния и работы.

Вместе с тем должны существовать платные системы повышенного типа медицинского обслуживания и конкурсные системы образования, обеспечивающие более высокий общий уровень на основе конкуренции.

13. Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма. Вооруженные силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности.

14. Союз подтверждает принципиальный отказ от применения первым ядерного оружия. Ядерное оружие любого типа и назначения может быть применено лишь с санкции Главнокомандующего Вооруженными силами страны при наличии достоверных данных об умышленном применении ядерного оружия противником и при исчерпании иных способов разрешения конфликта. Главнокомандующий имеет право отменить ядерную атаку, предпринятую по ошибке, в частности, уничтожить находящиеся в полете запущенные по ошибке межконтинентальные ракеты.

Ядерное оружие является лишь средством предотвращения ядерного нападения противника. Долгосрочной целью политики Союза являются полная ликвидация и запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, при условии равновесия в обычных вооружениях, при разрешении региональных конфликтов и при общем смягчении всех факторов, вызывающих недоверие и напряженность.

15. В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка. Тайная деятельность за пределами страны ограничивается задачами разведки и контрразведки. Тайная политическая, подрывная, дезинформационная деятельность, поддержка террористической деятельности и участие в ней, участие в контрабанде, в торговле наркотиками и в других незаконных действиях запрещаются.

16. Основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение.

17. Вступление республики в Союз Советских Республик Европы и Азии осуществляется на основе Союзного договора в соответствии с волей населения республики по решению высшего законодательного органа республики.

Дополнительные условия вхождения в Союз данной республики оформляются Специальным протоколом в соответствии с волей населения республики. Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик, Конституция Союза не предусматривает, но республика может быть разделена на отдельные административно-экономические районы.

Решение о вхождении республики в Союз принимается на Учредительном Съезде Союза или на Съезде народных депутатов Союза.

18. Республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе республики из Союза должно быть принято выс-

шим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее чем через год после вступления республики в Союз. Республика может быть исключена из Союза. Исключение республики из Союза осуществляется решением Съезда народных депутатов Союза большинством не менее ⅔ голосов, в соответствии с волей населения Союза, не ранее чем через три года после вступления республики в Союз.

19. Входящие в Союз республики принимают Конституцию Союза в качестве Основного закона, действующего на территории республики наряду с Конституциями республик. Республики передают Центральному Правительству осуществление основных задач внешней политики и обороны страны. На всей территории Союза действует единая денежная система. Республики передают в ведение Центрального Правительства транспорт и связь союзного значения. Кроме перечисленных общих для всех республик условий вхождения в Союз, отдельные республики могут передать Центральному Правительству другие функции, а также полностью или частично объединять органы управления с другими республиками. Эти дополнительные условия членства в Союзе данной республики должны быть зафиксированы в протоколе к Союзному договору и основываться на референдуме на территории республики.

20. Оборона страны от внешнего нападения возлагается на Вооруженные силы, которые формируются на основе Со-

юзного закона. В соответствии со Специальным протоколом республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на территории республики. Республиканские Вооруженные силы и подразделения входят в Союзные Вооруженные силы и подчиняются единому командованию. Все снабжение Вооруженных сил вооружением, обмундированием и продовольствием осуществляется централизованно на средства союзного бюджета.

21. Республика может иметь республиканскую денежную систему наряду с союзной денежной системой. В этом случае республиканские денежные знаки обязательны к приему повсеместно на территории республики. Союзные денежные знаки обязательны во всех учреждениях союзного подчинения и допускаются во всех остальных учреждениях. Только Центральный банк Союза имеет право выпуска и аннулирования союзных и республиканских денежных знаков.

22. Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью. Все решения, относящиеся к хозяйственной деятельности и строительству, за исключением деятельности и строительства, имеющих отношение к функциям, переданным Центральному Правительству, принимаются соответствующими органами республики. Никакое строительство союзного значения не может быть предпринято без решения республиканских органов управления. Все налоги и дру-

гие денежные поступления от предприятий и населения на территории республики поступают в бюджет республики. Из этого бюджета для поддержания функций, переданных Центральному Правительству, в Союзный бюджет вносится сумма, определяемая бюджетным Комитетом Союза на условиях, указанных в Специальном протоколе.

Остальная часть денежных поступлений в бюджет находится в полном распоряжении Правительства республики.

Республика обладает правом прямых международных экономических контактов, включая прямые торговые отношения и организацию совместных предприятий с зарубежными партнерами.

23. Республика имеет собственную, независимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система). Однако судебные решения и приговоры по уголовным и гражданским делам, принятые в республике, могут быть обжалованы в кассационном порядке в Верховном Суде Союза. Приговоры по уголовным делам могут быть отменены в порядке помилования Президентом Союза или Президиумом Съезда народных депутатов Союза. На территории республики действуют союзные законы, при условии утверждения их Верховным законодательным органом республики, и республиканские законы.

24. На территории республики государственным являет-

ся язык национальности, указанной в наименовании республики. Если в наименовании республики указаны две или более национальности, то в республике действуют два или более государственных языка. Во всех республиках Союза официальным языком межреспубликанских отношений является русский язык. Русский язык является равноправным с государственным языком республики во всех учреждениях и предприятиях союзного подчинения. Язык межнационального общения не определяется конституционно. В республике Россия русский язык является одновременно республиканским государственным языком и языком межреспубликанских отношений.

25. Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района – Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций в соответствии со Специальным протоколом.

26. Границы между республиками являются незыблемыми первые 10 лет после Учредительного съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение

республик, разделение республик на меньшие части осуществляются в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального Правительства.

27. Центральное Правительство Союза располагается в столице (главном городе) Союза. Столица какой-либо республики, в том числе столица России, не может быть одновременно столицей Союза.

28. Центральное Правительство Союза включает:

1) Съезд народных депутатов Союза;

2) Совет Министров Союза;

3) Верховный Суд Союза.

Глава Центрального Правительства Союза – Президент Союза Советских Республик Европы и Азии. Центральное Правительство обладает всей полнотой высшей власти в стране, не разделяя ее с руководящими органами какой-либо партии.

29. Съезд народных депутатов Союза имеет две палаты. 1-я Палата, или Палата Республик [1000 (750?) депутатов], избирается по территориальному принципу по одному депутату от избирательного территориального округа с приблизительно равным числом избирателей. 2-я Палата, или Палата Национальностей, избирается по национальному признаку. Избиратели каждой национальности, имеющей свой язык, избирают определенное число депутатов, а именно – по одному депутату от 600 тыс. (500 тыс.?) избирателей данной

национальности и дополнительно еще два депутата данной национальности. Выборы в обе палаты – всеобщие и прямые на альтернативной основе – сроком на пять лет.

Обе палаты заседают совместно, но по ряду вопросов, определенных регламентом Съезда, голосуют отдельно. В этом случае для принятия закона или постановления требуется решение обеих палат.

30. Съезд народных депутатов Союза Советских Республик Европы и Азии обладает высшей законодательной властью в стране. Законы Союза, не затрагивающие положений Конституции, принимаются простым большинством голосов от списочного состава каждой из палат и имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения, кроме Конституции.

Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии и законы Союза, затрагивающие положения Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, а также прочие изменения текста статей Конституции принимаются при наличии квалифицированного большинства не менее ⅔ голосов от списочного состава в каждой из палат Съезда. Принятые таким образом решения имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения.

31. Съезд обсуждает бюджет Союза и поправки к нему, используя доклад Комитета Съезда по бюджету. Съезд утверждает высших должностных лиц Союза. Съезд назначает Комиссии для выполнения одноразовых поручений, в част-

ности для подготовки законопроектов и рассмотрения конфликтных ситуаций. Съезд назначает постоянные Комитеты для разработки перспективных планов развития страны, для разработки бюджета, для постоянного контроля над работой органов исполнительной власти. Съезд контролирует работу Центрального банка. Только с санкции Съезда возможны несбалансированные эмиссия и изъятие из обращения союзных и республиканских денежных знаков.

32. Съезд избирает из своего состава Президиум. Члены Президиума не имеют других функций и не занимают никаких руководящих постов в Правительстве Союза и республик и в партиях. Президиум съезда обладает правом помилования.

33. Совет Министров Союза включает Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство оборонной промышленности, Министерство финансов, Министерство транспорта союзного значения, Министерство связи союзного значения, а также другие министерства для исполнения функций, переданных Центральному Правительству отдельными республиками в соответствии со Специальными протоколами к Союзному договору. Совет Министров включает также Комитеты при Совете Министров Союза.

Кандидатуры всех министров, кроме министра иностранных дел и министра обороны, предлагает Председатель Совета Министров и утверждает Съезд. В том же порядке назначаются Председатели Комитетов при Совете Министров.

34. Верховный Суд Союза имеет четыре палаты:

1) палата по уголовным делам;

2) палата по гражданским делам;

3) палата арбитража;

4) Конституционный суд.

Председателей каждой из палат избирает на альтернативной основе Съезд народных депутатов Союза.

35. Президент Союза Советских Республик Европы и Азии избирается сроком на пять лет в ходе прямых всеобщих выборов на альтернативной основе. До выборов каждый кандидат в Президенты называет своего заместителя, который баллотируется одновременно с ним.

Президент не может совмещать свой пост с руководящей должностью в какой-либо партии. Президент может быть отстранен от своей должности в соответствии с референдумом на территории Союза, решение о котором должен принять Съезд народных депутатов Союза большинством не менее ⅔ голосов от списочного состава. Голосование по вопросу о проведении референдума производится по требованию не менее 60 депутатов. В случае смерти Президента, отстранения от должности или невозможности им исполнения обязанностей по болезни и другим причинам его полномочия переходят к заместителю.

36. Президент представляет Союз в международных переговорах и церемониях. Президент является Главнокомандующим Вооруженными силами Союза. Президент предлага-

ет на утверждение Съезда кандидатуры Председателя Совета Министров Союза и министров иностранных дел и обороны. Президент обладает правом законодательной инициативы в отношении союзных законов и правом вето в отношении любых законов и решений Съезда народных депутатов, принятых менее чем ⅔ от списочного состава депутатов.

37. Экономическая структура Союза основана на плюралистическом сочетании государственной (республиканской и союзной), кооперативной, акционерной и частной (личной) собственности на орудия и средства производства, на все виды промышленной и сельскохозяйственной техники, на производственные помещения, дороги и средства транспорта, на средства связи и информационного обмена, включая средства массмедиа, и собственности на предметы потребления, включая жилье, а также интеллектуальной собственности, включая авторское и изобретательское право.

38. Земля, ее недра и водные ресурсы являются собственностью республики и проживающих на ее территории наций. Земля может быть непосредственно, без посредников, передана во владение на неограниченный срок частным лицам, государственным, кооперативным и акционерным организациям с выплатой земельного налога в бюджет республики. Для частных лиц гарантируется право наследования владения землей детьми и близкими родственниками. Находящаяся во владении земля может быть возвращена республике лишь по желанию владельца или при нарушении им правил

землепользования и при необходимости использования земли государством по решению законодательного органа республики с выплатой компенсации.

39. Количество принадлежащей одному лицу частной собственности, изготовленной, приобретенной или унаследованной без нарушения закона, ничем не ограничивается (за исключением земли). Гарантируется неограниченное право наследования являющихся частной собственностью домов и квартир с неограниченным правом поселения в них наследников, а также всех орудий и средств производства, предметов потребления, денежных знаков и акций. Право наследования интеллектуальной собственности определяется законами республики.

40. Каждый имеет право распоряжаться по своему усмотрению своими физическими и интеллектуальными трудовыми способностями.

41. Частные лица, кооперативные, акционерные и государственные предприятия имеют право неограниченного найма работников в соответствии с трудовым законодательством.

42. Использование водных ресурсов, а также других возобновляемых ресурсов государственными, кооперативными, арендными и частными предприятиями и частными лицами облагается налогом в бюджет республики. Использование невозобновляемых ресурсов облагается выплатой в бюджет республики.

43. Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях, пользуются равной и полной самостоятельностью в распределении и использовании своих доходов за вычетом налогов, а также в планировании производства, номенклатуры и сбыта продукции, в снабжении сырьем, заготовками, полуфабрикатами и комплектующими изделиями, в кадровых вопросах, в тарифных ставках, облагаются едиными налогами, которые не должны превышать в сумме 35% фактической прибыли, в равной мере несут материальную ответственность за экологические и социальные последствия своей деятельности.

44. Система управления, снабжения и сбыта продукции в промышленности и сельском хозяйстве, за исключением предприятий и учреждений союзного подчинения, строится в интересах непосредственных производителей на основе их органов управления, снабжения и сбыта продукции.

45. Основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции. Государственное регулирование экономики осуществляется через экономическую деятельность государственных предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости.

ПОРЯДКИ СВОБОДЫ

ВВЕДЕНИЕ

В рубрике «Порядки свободы» представлены тексты, в которых обсуждается свобода как основа общественного устройства и, в частности, вопрос о том, при каких условиях учреждается и сохраняется социальный порядок свободы.

Понимая свободу как возможность делать то, что «мы считаем нужным, и не делать того, чего мы желаем избежать», **Л. А. Тихомиров** указывает на государство как необходимое условие реализации свободы. Государственную власть он считает источником свободного общественного устройства. Только в государстве может развиваться «разумная свобода» и «нравственная личность», тогда как необузданная свобода догосударственного общества порождает лишь господство силы и неравенство. Верховная власть, как средоточие общественной воли, подчиняет себе воли частные и устанавливает твердый порядок в обществе. Создавая власть, которой нужно подчиняться, индивидуум не жертвует свободой, так как подчиняется не стихийным силам, а самому себе, т. е. тому, что он сам считает необходимым. Таким образом, индивидуум перестает «слепо подчиняться обстоятельствам» и приобретает независи-

мость – первое условие свободы. Охранительная роль государства должна иметь, однако, свои пределы, переходя которые государство перестает быть «силою устроительной и благодетельной».

Для **А. К. Дживелегова** одним из главных признаков правового государства служит самоограничение государственной власти. Государство добровольно ограничивает свою власть, признавая за подданными права личной и общественной свободы. Правовое государство как правительство подчиняется юридическим нормам, выработанным им же как законодателем. Другой важный признак правового государства – участие народа в составлении законов и контроле над их исполнением. Соблюдение закона в правовом государстве гарантировано формально – конституционным актом, фактически же – соответствующей организацией общественных сил. Вслед за Ф. Лассалем Дживелегов подчеркивает, что «писаные конституции» имеют ценность, только если являются «точным выражением действительных, существующих в обществе соотношений сил», иначе они не более чем простой листок бумаги. «Эфемерность писаных конституций» обусловлена отсутствием работающих судов, защищающих закон, и соответствующей общественной организации, которая подняла бы народ на его защиту.

О связи общественных настроений и политики правительства задумывается и **С. Ю. Витте**. В своей записке он призывает царя учитывать тот факт, что общество созрело для

перемен и само определяет направление своего развития. Так же как Б. Н. Чичерин пятьюдесятью годами ранее, Витте не сомневается, что идея гражданской свободы вовсе не угрожает монархии: ведь принцип полноты царской власти сохраняется. «Государство должно защищать не форму, а содержание, идею». Витте предлагает царю сделать «свободу» главным лозунгом правительственной политики и способствовать установлению гражданской свободы, понимаемой как обращение естественной свободы индивидуума в свободу, регулируемую и ограничиваемую объективными нормами права. Правительство должно поддержать как отрицательные идеалы освободительного движения: устранение произвола и самовластия, так и положительные: свободу вероисповедания, слова, собраний и союзов и свободу личности, равенство в правах всех подданных. Гарантией достижения положительных и отрицательных идеалов должна служить конституция, т. е. общение царя с народом на почве разделения законодательной власти, бюджетное право и контроль над действиями администрации. Практической задачей должно быть введение всеобщего избирательного права, а также мер, сглаживающих подавление труда капиталом: нормированного рабочего дня, государственного страхования рабочих, примирительных камер и т. п.

Важнейшую роль государства в установлении и поддержании свободы подчеркивает и **Ю. С. Гамбаров**. Неправильно говорить, что личность и общество свободны лишь в той

мере, в какой они не связаны ограничениями. При невозможности материального равенства между людьми и солидарности между имущими и неимущими классами общества неограниченная свобода выгодна только для первых. Свобода сама по себе не является абсолютным благом, а государственное принуждение – абсолютным злом: обязательное обучение детей заключает в себе элемент принуждения именно для того, чтобы воспитать свободных людей. Поэтому наряду с отрицательной свободой нужна свобода положительная, которая существует только там, где личности дана полная возможность (моральная и экономическая) развить и использовать все ее силы и способности. Предоставить такую возможность всем слоям населения – задача государства. Вследствие этого положительная свобода зависит от условий общественного и политического строя в еще большей степени, чем отрицательная. И если в нравственной области вмешательство государства должно быть минимальным, то в области экономической свобода, не ограничиваемая государственным вмешательством, «была бы обманом и источником несчастья для огромного большинства населения».

Оценивая сложившееся после Февральской революции положение, **А. А. Кизеветтер** приходит к выводу, что источником революции был «государственный инстинкт масс». Народные массы выступили против династического государства в пользу государства общенародного: «Из столк-

новения этих двух исключающих друг друга стихий родилась свобода». И если Витте предупреждал царя о негативных последствиях злоупотребления властью, то Кизиветтер предостерегает от них уже сам народ. Ведь люди, давно мечтавшие о свободе и только что добившиеся ее, не сразу усваивают мысль, что «истинная» свобода имеет границы, которые вытекают из ее правосообразной природы и без признания которых она вырождается в самоуправство. Дух новых учреждений, полагает Кизеветтер, должен быть пропитан правовыми принципами, так как свобода существует только под охраной права. Прежнее недоверие к власти должно уступить место поддержке власти, но и контролю над ней. Только свободный строй может служить школой свободы: «Как можно созреть для свободы, не пользуясь ею? Это невозможно в такой же мере, как невозможно выучиться плавать, не погрузившись в воду».

В период между двумя мировыми войнами **Г. П. Федотов** размышляет о связи демократии и свободы. Торжествующий в Европе фашизм, объявляющий себя формой демократии, полностью враждебен свободе. Но и социализм не несет собственно свободы: «Это не свобода, но условие свободы». Преимущество социализма – в стремлении обеспечить приемлемые материальные условия жизни для широких масс. В отличие от Гамбарова с его «прежде чем быть свободным, надо быть сытым», Федотов настаивал на обратной последовательности: материальная обеспеченность не

способна компенсировать отсутствие свободы слова: «Мы не хотим человеческого муравейника, хотя бы и счастливого». Поэтому если государству и следует взять под свой контроль экономическую свободу, оно должно оставить в неприкосновенности свободу лица в его совести, мысли и общественном действии. Разделяя свободу формальную, т. е. гарантированную законом, и реальную свободу в конкретных жизненных ситуациях, Федотов отводит государству заботу о формальной свободе. Реальная свобода остается на попечении индивидуума: «От меня зависит, какую свободу я предпочту: свободу писать и читать книги или свободу бить зеркала в кабаке».

Ф. А. Степун в своем понимании свободного государственного устройства основывается на постулатах христианского персонализма: всякий общественный строй должен быть одновременно персоналистичен и соборен. Свобода неразрывно связана с признанием безусловной ценности человеческой личности, и в первую очередь – государством. Бессмысленно защищать общественные свободы от государственного насилия, если не защищать одновременно свободы личности от идеологического насилия со стороны различных групп и партий. Опираясь на формулу немецкого идеализма «Kausalität der Wahrheit» (причинность истины), Степун подчеркивает метафизический характер свободы как служения истине. С его точки зрения, приведенная философско-идеалистическая формула свободы является лишь

секуляризированным выражением евангельской формулы: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Свобода как служение истине не терпит пассивного подчинения раз и навсегда готовой и для всех одинаковой форме. Она – творческий акт, а не политическая идеология или партийное постановление. В отрыве от истины свобода превращается в произвол, анархию и борьбу всех против всех; в отрыве от личности она превращается «в пассивное послушание, в дисциплинарный батальон иезуитски-орденского, прусско-казарменного или большевицки-партийного типа».

В. В. Бибихин утверждает, что впечатление, будто в России отсутствует строгость или обязательность права, обманчиво. Оно верно лишь применительно к видимой части официального законодательства, и прежде всего Конституции: «Она действительно неопределенна и двусмысленна». Но неопределенность не распространяется на подзаконные акты, приказы и инструкции министров, другие акты органов государственного управления. При всей неопределенности законов государственная и общественная жизнь держится фактически установленным порядком, который Бибихин называет «крепостным правом». Жесток не сам закон, а гласно или негласно принятый порядок бюрократического правления. Бибихин вводит термин *свобода права*: с одной стороны, это свобода каждого трактовать закон применительно к обстоятельствам, а с другой – свобода чиновника уста-

навливать для каждого случая новый порядок. Таким образом рождается парадокс: «Право отсутствует как обязательное и для меня тоже. Бесправие означает правотворчество, и мое тоже, в каждый данный момент. Мой статус определяется не правом, которое я сам создаю и всегда могу изменить, а жестким закреплением решений обо мне и моих обо всем». Когда стабильный закон отсутствует, неписаным порядком остается фактически действующее «крепостное право», т. е. несвобода каждого внутри того, что ему суждено. Жесткость крепостного «права» смягчается лишь тем, «что в той мере, в какой оно становится правом, оно в свою очередь оказывается гибким».

С. В. Киршбаум

ОБ АВТОРАХ

Бибихин Владимир Вениаминович (1938–2004), философ, филолог, переводчик. Окончил Московский институт иностранных языков (1967). Преподавал там же язык и теорию перевода. Защитил кандидатскую диссертацию на филологическом факультете Московского государственного университета (Семантические потенции языкового знака, 1977). В течение ряда лет работал личным секретарем А. Ф. Лосева (с 1970).

Работал в Институте философии АН СССР (РАН; 1972–2004). Преподавал на философском факультете МГУ (1989–2002), также в Институте философии, Свято-Филаретовском православно-христианском институте и Институте философии, теологии и истории имени св. Фомы.

Перевел на русский произведения Николая Кузанского, М. Хайдеггера, Ф. Петрарки, Х. Арендт, Ж. Деррида, Григория Паламы, В. Дильтея и др.

Осн. соч.: Язык философии. М., 1993; Мир. Томск, 1995; Другое начало. СПб., 2003; Введение в философию права. М., 2005; Внутренняя форма слова. СПб., 2008; Собственность. СПб., 2012; Пора (время-бытие). СПб., 2014.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель. Окончил гимназии в Тифлисе и Кишиневе и физи-

ко-математический факультет Новороссийского университета (1870). Начал трудовую деятельность в должности станционного смотрителя в дирекции Одесской железной дороги. Служил в Правлении Юго-Западной железной дороги (1876). Управляющий Юго-Западными железными дорогами (1887).

Директор департамента железнодорожных дел и председатель тарифного комитета (1889). Управляющий Министерством путей сообщения (1892). Был сторонником идей о выкупе частных железных дорог и о строительстве казенных. Будучи министром финансов (1892–1903), провел денежную реформу (1895–1897), которая ввела золотой монометаллизм, обеспечила устойчивость денежной системы и привлечение иностранных инвестиций.

Председатель Комитета министров (авг. 1903). Возглавлял делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор России с Японией (1905). Глава Совета министров (окт. 1905 – апр. 1906). Член Государственного совета и председатель Комитета финансов (до 1915). При его активном участии был подготовлен Манифест 17 окт. 1905 г. (считал конституционализм «исторической фазой движения народов»).

Возглавлял киевское отделение тайной монархической организации для борьбы с революционным движением «Святая дружина» (1881–1882).

Осн. соч.: Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев, 1883; Национальная экономия и Фри-

дрих Лист. Киев, 1889; Записка по крестьянскому делу. СПб., 1904; Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912; Воспоминания. М., 1922–1923; Собр. соч. и документальных материалов: В 5 т. М., 2002–2007.

Гамбаров Юрий Степанович (1850–1926), правовед, специалист по гражданскому праву. Окончил 1-ю Тифлисскую гимназию (1866) и юридический факультет Московского университета (1870). В командировках в странах Европы готовился к преподавательской и научной работе (1873–1874, 1882–1883). Защитил магистерскую и докторскую диссертации (Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе. 1880; Общественный интерес в гражданском праве. 1899). Преподавал в Новороссийском и Московском университетах (1880–1882, 1883–1884; 1884–1899).

Один из организаторов и профессор Русской высшей школы общественных наук (Париж, 1901). Профессор Санкт-Петербургского политехнического института (1906–1917). Ректор Ереванского университета (1920–1922), Тифлисского политехнического института (1922–1925).

Осн. соч.: Гражданское право. Общая часть. [М.,] 1897–1898; Гражданское право. Вещное право. [М., 1899]; Русская школа общественных наук в Париже. Ростов-на-Дону, 1903; Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1904; Задачи современного правоведения. СПб., 1907; Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические

очерки. СПб., 1910; Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911.

Дживелегов Алексей Карпович (Карапетович) (1875–1952), историк, политический деятель, искусствовед, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1897). Сотрудник газеты «Русские ведомости». Член Конституционно-демократической партии (1905) и ее ЦК (1916–1917). Редактор издания Всероссийского союза городов «Город» (1917–1918).

Преподавал в университетах: народном в Н. Новгороде (1915), имени А. Л. Шанявского (1916–1919), 1-м Московском государственном (1919–1924); в Государственном институте театрального искусства, Московском институте истории, философии и литературы (1938–1939), Институте красной профессуры (1930–1934). Сотрудник издательств – братьев Гранат (1898–1939), «Academia» (1933–1937). Доктор искусствоведения (1936). Член-корреспондент АН Армянской ССР (1946).

Осн. соч.: Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902; О конституции и конституционном порядке. М., 1906; Начало итальянского Возрождения. М., 1908; История современной Германии. Ч. 1–2. СПб., 1908–1910; Очерки итальянского Возрождения. М., 1929; История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.; Л., 1941.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, политический деятель. Окончил Московский университет (1888). Преподавал в Лазаревском институте восточных языков, на Высших женских курсах, в Московском университете (с 1897). Защитил магистерскую и докторскую диссертации (Посадская община в России XVIII столетия. 1903; Городовое положение Екатерины II. 1909). Автор и сотрудник (1906), соредактор (1907–1910) журнала «Русская мысль». Постоянный сотрудник (с 1906) газеты «Русские ведомости».

Вступил в «Союз освобождения» (1904). Член ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906). Депутат 2-й Государственной думы от Москвы.

Покинул Московский университет, протестуя против ущемления его автономии (1911; вернулся в 1917). Преподавал в московском Коммерческом институте и Университете имени А. Л. Шанявского. Ответственный сотрудник государственных архивов (1919).

Критиковал политику большевиков. Был выслан из России (1922). В Праге преподавал в Русском юридическом институте, Народном университете, Карловом университете. Председатель Русского исторического общества (1930–1933).

Осн. соч.: Исторические очерки. М., 1912; На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). Прага, 1929; Истори-

ческие силуэты. Люди и события. Берлин, 1931.

Степун Федор Августович (1884–1965), философ, историк, социолог, писатель. Изучал философию и историю в Гейдельберге (1902–1909). Защитил докторскую диссертацию по историософии Вл. Соловьева (1910). Один из создателей международного альманаха «Логос» (1910–1914). Вел эстетический семинар при издательстве «Мусагет».

Воевал на фронтах Первой мировой войны. Был близок к партии эсеров; после Февральской революции – начальник Политического управления Военного министерства Временного правительства. Преподавал в Вольной академии духовной культуры и в Российской академии художественных наук (РАХН) (1921–1922). Выслан из России (1922).

Преподавал в Русском научном институте (Берлин; до 1925). Один из создателей Религиозно-философской академии (Берлин, 1923). Профессор социологии Дрезденского технического университета (1926–1937). Уволен с запретом на публичные выступления за «жидофильство» и русофильство. Соредактор журнала «Новый Град» (1931–1933, автор – 1931–1938). После войны занимал должность гонорар-профессора по истории русской мысли в Мюнхенском университете (1946–1957).

Осн. соч.: Из писем прапорщика-артиллериста. [Одесса], 1919; Жизнь и творчество. Берлин, 1923; Основные проблемы театра. Берлин, 1923; Dostojewskij: Weltschau und

Weltanschauung. Heidelberg, 1950; Бывшее и несбывшееся: В 2 т. Нью-Йорк, 1956; Mystische Weltschau. München, 1964; Чаемая Россия. СПб., 1999; Соч. М., 2000; Избр. труды. М., 2010.

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), политический деятель, публицист. Учился на юридическом, впоследствии медицинском факультете Московского университета (1870–1873). Состоял в народнической «Земле и воле» (1878), в исполнительном комитете «Народной воли». Поддержал принципиальное решение съезда «Народной воли» о цареубийстве (1879). Вместе с П. Л. Лавровым издавал «Вестник Народной воли». Был в эмиграции (1882 – янв. 1889).

Публично отрекся от революционных взглядов в брошюре «Почему я перестал быть революционером» (1888). Получив разрешение Александра III, вернулся в Россию и стал апологетом самодержавия. Публиковался в консервативной прессе. Полемизировал с либералами («Вестник Европы», «Русская мысль») по вопросу о свободе личности и свободе веры, инициировал широкую дискуссию о светском учительстве в вопросах веры. Консультировал премьер-министра П. А. Столыпина по рабочему вопросу, входил в совет Главного управления по делам печати (1907–1909). Редактор газеты «Московские ведомости» (1909–1913).

Осн. соч.: Начала и концы. Либералы и террористы.

М., 1890; Личность, общество и церковь. Сергиев Посад, 1903; Монархическая государственность. Ч. 1–4. М., 1905; Рабочий вопрос (практические способы его решения). М., 1909; Что такое монархия? Опыт монархического катехизиса. М., 1911.

Федотов Георгий Петрович (1886–1951), историк, философ, публицист. В гимназии увлекся марксизмом. Вступил в РСДРП(б). Был арестован (1906) и приговорен к ссылке. Получив разрешение выехать за границу, в Берлине и Иене (1906–1908) слушал лекции по истории. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, с 1914 г. – приват-доцент; читал курсы по истории Средних веков (1918–1920). Работал в Публичной библиотеке в Петербурге (с 1916). Вместе с А. А. Мейером организовал христианский кружок (1917; позднее – «Воскресение»). Заведовал кафедрой истории в Саратовском университете (1920–1922). Научный сотрудник факультета общественных наук Петроградского университета (1922–1925).

Эмигрировал во Францию (1925). Преподавал в Богословском институте (Париж, 1926–1940). Соредактор журнала «Новый Град» (1931–1939). Выступал против нацизма и сталинизма. В США был приглашенным исследователем в Богословской семинарии Йельского университета (1941–1943), преподавал в Свято-Владимирской православной семинарии (1943–1951).

Осн. соч.: Святые Древней Руси (X–XVII ст.). Париж, 1931; И есть и будет: Размышления о России и революции. Париж, 1932; Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам). Париж, 1935; The Russian Religious Mind. Vol. 1: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries. Cambridge, MA, 1946. Vol. 2: The Middle Ages, the thirteenth to the fifteenth centuries. Cambridge, MA, 1966; Собр. соч.: В 12 т. Т. 1–11. М., 1996–2014.

И. В. Борисова

ГОСУДАРСТВО КАК ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ОХРАНА СВОБОДЫ[124] (1905)

Л. А. Тихомиров

Приступая к рассмотрению государства и его верховной власти, мы должны прежде всего сделать несколько оговорок по поводу немалочисленных ныне теоретических отрицаний государственности. Эти отрицания производят впечатление чего-то дикого и умственно болезненного. Но, обрисовывая все великое и благодетельное значение государственности, не излишне сразу же напомнить, что действие государственности имеет свои пределы, переходя которые государство перестает быть силою устроительною и благодетельною. Быть может, именно несоблюдение должных пределов государственного, властного, регламентирования жизни и вызывает отчасти тот протест, который, хотя и неразумно, выражается в социалистическом отрицании государственности вообще.

---

[124] [Печатается по изданию: *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1905. [2], 132 с. Публикуемый фрагмент: с. 22–25. (Часть первая. Происхождение и содержание монархического принципа. Отдел второй. Государство и верховная власть. Глава IV. Государство как завершение общества и охрана свободы. Неизбежность государственности.)]

Но хотя бы современное государство и подало повод к справедливым жалобам против себя, отрицание государственности вообще остается совершенным безумием. С тех пор как люди живут сколько-нибудь сознательно, с тех пор как они имеют историю, человечество живет на основе *государственности*. Современные социалисты вызывают тени доисторического прошлого, ища в нем *общества*, чуждого государственности, как опоры для своих мечтаний о безгосударственном будущем. Но разве может служить идеалом будущего быт диких стад одичавших людей доисторического прошлого? У них самих, как только они начали несколько подниматься из падения, тотчас появился, наоборот, идеал государственности, при помощи которого они и успевали достигать более высоких ступеней общественности и культуры. Этот идеал возникал одинаково у всех народов, порождаемый, очевидно, самою природою человека.

Везде и всегда происходило то, что обрисовывает Б. Чичерин, говоря о периоде с еще неразвитою государственностью в России.

«Положение человека, – говорит он, – определялось <…> частными, случайными, даже внешними его преимуществами. <…> Личность во всей ее случайности, свобода во всей ее необузданности лежали в основании общественного быта и должны были привести к господству силы, к неравенству, междоусобиям и анархии»… Такое положение создавало необходимость *высшего* союза – государства. «Только

в государстве может развиваться разумная свобода и нравственная личность; предоставленные же самим себе, без высшей сдерживающей власти, оба эти начала разрушают сами себя…

Государство, – поясняет он, – есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность <…> собирается в единое тело, получает единое *отечество*, становится *народом*. В нем верховная власть служит представительницей высшей воли общественной, каков бы ни был образ правления <…> Эта общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает таким образом твердый порядок в обществе.

Ограждая слабого от сильного, она дает возможность развиться разумной свободе; уничтожая все преимущества случайные <…> она производит уравнение между людьми; оценивая заслуги, оказанные обществу, она возвышает внутреннее достоинство человека. Заставляя всех подданных уделять часть своих средств для общественной пользы, она содействует осуществлению тех разнообразных человеческих целей, которые могут быть достигнуты только в общежитии при взаимной помощи и для которых существует гражданский союз»[125].

Идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания. В течение всех исторических тысячелетий

---

[125] «Опыты по истории русского права», стр. 368, 369.

народы всевозможных племен и степеней развития своим глазомером, умозаключением и опытом всегда и повсюду были приводимы к одной идее.

Мы ее можем, стало быть, рассматривать как *политическую аксиому*, подобно тому как в математике и логике аксиомы суть не что иное, как формулировка всеобщего одинакового впечатления.

Эта аксиома гласит, что в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, права и свободы.

Отрицатели государственности против воли дают подтверждение этой истины, так как, покидая государство в своих чаяниях будущего, представляют себе лишь одно из двух: либо простое *господство сильнейшего* (в анархии), либо *подчинение человека стихийным силам* (в социальной демократии).

Действительно, социалисты, последователи экономического материализма, только потому и надеются на возможность уничтожения принудительной власти, что, по их мнению, грядущее безгосударственное общество будет вставлено в рамки коммунистического производства, которое само по себе будет регулировать жизнь и деятельность людей.

Человечество здесь приглашается к уничтожению своей разумной, обдуманной власти над собою, но для чего же? Чтобы подчиниться некоторой стихийной власти экономики, которая подавит нашу свободу со всею беспощадностью

сил природы. Вместе с государством мы бы разрушили высшее орудие нашей человеческой власти над нашей жизнью, т. е. нашей свободы. Ибо что же такое наша свобода, как не возможность самостоятельно направлять течение дел наших, делать то, что мы считаем нужным, и не делать того, чего мы желаем избежать, не быть слепою игрушкой стихийных сил, но приспособлять их к нашим человеческим потребностям?

На это в наибольшей степени дает нам способы союз государственный, в котором народ объединяет свои силы, дисциплинирует их и направляет их для достижения своих целей со всем могуществом, которое способна дать правильно организованная и разумно действующая власть.

Власть, конечно, предполагает подчинение. Но создавая власть, которой должны подчиняться, мы не жертвуем свободой, потому что при этом мы вместо подчинения стихийным силам подчиняемся самим себе, т. е. тому, что сами сознаем необходимым. Таким образом мы лишь выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем независимость, первое условие свободы.

Идеал безгосударственный, наоборот, вместо подчинения людей самим себе влечет их к подчинению силам, вне их находящимся.

Понятно, что люди всегда предпочтут первый исход. Сверх того, как сила сознательная, государство всегда возьмет верх над силами внешними, бессознательными. Торжество государственности поэтому всегда неизбежно, и в кон-

це концов, с какой бы теоретической анархии мы ни начали, а кончим всегда восстановлением государственности.

К этому должно лишь добавить, что при всей своей необходимости и незыблемости принцип государственности имеет свои естественные пределы приложения. Отсюда необходимо правильное понимание содержания государственного принципа, так как этим именно содержанием определяются и пределы его приложения.

КОНСТИТУЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ СВОБОДА[126] (1905)

А. К. Дживелегов

I

Политическое движение 1848 года не оставило в Западной Европе ни одной абсолютной монархии. Если в некоторых из монархий, выдержавших борьбу или возникших потом (Австрия, Неаполь, вторая империя во Франции), известный промежуток времени царили порядки настоящего самодержавия, то их все-таки старались прикрыть конституционными формами. Потом мало-помалу исчезли и последние переживания абсолютизма и Запад фактически стал страною конституционализма. Современное культурное государство есть конституционное государство.

Это значит прежде всего, что народ в таком государстве принимает участие в составлении законов и держит в своих руках контроль над их исполнением. Государственная власть в монархиях разделена между монархом и народом, а в рес-

---

[126] [Печатается по изданию: *Дживелегов А. К.* Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство: Сб. ст. / И. В. Гессен [и др.] [ред.]. 2-е изд. СПб., 1905. С. 41–73. Публикуемый фрагмент: с. 41–49.]

публиках делегирована народом различным органам.

Но современное культурное государство есть конституционное государство не только в указанном сейчас смысле. Второй не менее важный признак заключается в том, что оно налагает на себя известного рода ограничения. Государство, в котором государственная власть не знает ограничений, не есть вполне конституционное государство. В нем недостает правового режима. Обладание народом законодательной властью не есть гарантия того, что существует правовой порядок; даже в республиках может существовать самый необузданный деспотизм, а административно-полицейский режим в конституционных монархиях служит очень часто орудием фактического самодержавия. Для того чтобы в государстве воцарился правовой порядок, чтобы государство стало правовым государством, должна быть ограничена самая государственная власть независимо от формы правления. Современное культурное государство есть правовое государство, ибо власть в нем осуществляется с ограничениями.

Эти ограничения регулируют сферу отношений между государством и его подданными. Государственная власть признает в своих отношениях к подданным известный предел, перейти который она не вправе. Только суд может разрешить государственной власти доступ в эту заповедную область. Но и это может случиться лишь тогда, когда подданный или группа подданных нарушили закон и судом же были

лишены своих прав. Во всех других случаях граждане пользуются определенной совокупностью прав, неприкосновенных для государственной власти. Эти права называют правами личной и общественной свободы, просто общественными правами, гражданскими правами, субъективными публичными правами (последний термин, как увидим, шире других) и т. д. Но дело не в названии, а в сущности, а сущность заключается в том, что признанием за подданными этих прав государство добровольно ограничивает свою власть.

Итак, участие народа в составлении законов и контроль над их исполнением, с одной стороны, самоограничение государственной власти, с другой, являются двумя главными признаками современного правового государства. Если мы захотим обнять в одном определении оба эти признака, то получим обычную формулу правового государства. Правовое государство – это такое государство, которое как правительство подчиняется юридическим нормам, выработанным им же как законодателем. Правовое государство, словом, есть царство закона.

Чем же гарантировано соблюдение закона в правовом государстве? Формально – конституционным актом, фактически – соответствующей организацией общественных сил.

Конституционный акт определяет совокупность отношений, вытекающих из обоих признаков, составляющих сущность правового государства как для государственной власти, так и для подданных. Он указывает юридические гра-

ницы, в которых действуют не только исполнительная, но и судебная и законодательная власти в государстве. Это – основной закон, стоящий выше прочих законов, действующих в стране.

Одна страна – Англия – не знает единовременно созданного государственного акта. У нее есть целый ряд законов, которые могли бы быть приняты за конституционные законы, но ни один из них не является *основным* законом. Их принудительная сила та же, какою обладает закон о каких-нибудь ночлежных домах в Уайтчэпеле. Это явление, очень смущающее юристов и заставляющее их изощряться в остроумии для его догматического истолкования, находит очень естественное историческое объяснение. Объективные нормы государственного права Англии складывались в медленном историческом процессе, в котором каждый этап закреплялся очень основательно. В особом акте, который подводил бы итог всему процессу, поэтому никогда не являлось необходимости, и англичане так и не выработали себе конституции. Тем не менее английский политический порядок защищен лучше, чем в большинстве государств, обладающих конституционными актами.

Первые конституционные акты – конституция Северо-Американских Соединенных Штатов, революционные конституции Франции – оказались необходимыми потому, что народ, завоевавший себе свободу и провозгласивший свой суверенитет, должен был так или иначе организовать

государственную власть. Конституция и сделалась таким актом, который устанавливал условия делегирования народом своей власти различным органам. Позднее явился другой тип конституционного акта – октроированная конституция. Первый ее образец – французская хартия 1814 года, *пожалованная* народу королем Людовиком XVIII. Смысл октроированной конституции уже иной, чем конституции, делегирующей власть народа. Ее дает государь, который этим актом добровольно отрекается от некоторых из своих прав. Но бывают моменты, когда народ отказывается от такой монаршей милости и требует, чтобы его права тоже нашли выражение в конституции. Это не простой вопрос формы, ибо в зависимости от того, какой характер носит акт, предрешается вопрос о его пересмотре; народ, требуя своей доли в установлении источника конституции, гарантирует себя от неприятных неожиданностей в будущем. Так, в Вюртемберге народ отверг предлагавшийся ему октроированный акт 1815 года и четыре года продолжалась борьба, пока не был издан акт 1819 года, на принципе соглашения. Такой же характер носит одна из первых европейских конституций XIX века – Саксен-Веймарская 1816 года. Вопрос о пересмотре их обеих решается неодинаково, но возможность возврата к реакционным порядкам сильно затруднена и в том, и в другом случае. Вюртембергская конституция 1819 г. ничего не говорит о пересмотре. Это – акт вечный, а Саксен-Веймарская ставит пересмотр в зависимость от нового соглашения

между королем и народом. Саксен-Веймарский порядок был принят в большинстве немецких конституций, возникших по соглашению между 1818 и 1831 годами. Такой же характер соглашения носит большинство конституций романских и скандинавских стран. Из октроированных конституций назовем конституции Германской империи и прусскую, которая заменила революционную конституцию 1848 г., изданную по соглашению[127].

Не так давно в науке царило воззрение, согласно которому писаная конституция сама по себе является единственной необходимой гарантией завоеванных народом политических прав. В настоящее время этот взгляд сильно поколеблен и едва ли кем-либо разделяется во всем своем объеме. Писаная конституция содержит в себе в лучшем случае только две гарантии: присягу монарха или главы исполнительной власти и постановления об ответственности министров перед парламентом. Но последнее имеется далеко не во всех конституциях, да и там, где ответственность министров существует, она не всегда может предохранить от нарушения конституции. Что же касается присяги, то если бы она имела какое-нибудь значение, история не знала бы государственных переворотов. Если бы постановления конституции были снабжены рядом других постановлений, предупреждающих их нарушение, то такие дополнительные пара-

---

[127] По этому вопросу исчерпывающее исследование *Borgeaud Ch.* Établissement et révision des constitutions en Amérique et en Europe. 1893.

графы точно так же были бы лишены значения за отсутствием у них специальной принудительной силы. Если бы можно было снабдить их принудительной организацией, то тогда они были бы излишни по существу, так как принудительной организацией проще было бы снабдить самые постановления конституции; раз это невозможно, то дополнения о защите конституции сами нуждались бы в дополнениях, и так далее до бесконечности.

Истинная гарантия писаной конституции – это такая организация общественных сил, которая могла бы противостоять против всяких попыток, направленных к ниспровержению политического порядка, формально защищенного конституционным актом. Лассаль говорит в своей знаменитой речи: «Вопрос о конституции есть прежде всего не вопрос права, а вопрос силы. Настоящая конституция страны существует только в реальных, фактических соотношениях сил, господствующих в этой стране. Писаные конституции только тогда имеют ценность и могут рассчитывать на продолжительное существование, если они являются точным выражением действительных, существующих в обществе соотношений сил»[128].

Эти слова Лассаля дают необыкновенно ясную и вполне правильную постановку вопроса. В Англии нет конституционного акта, но нигде нет более прочных гарантий тому, что

---

[128] *Lassalle F.* Reden und Schriften / Mit einer biographischen Einleitung herausgegeben von E. Bernstein. Bd. 1. Berlin: Vorwärts, 1892. S. 497

существующий порядок устоит против каких угодно покушений. Его сила в том, что народ как один человек встал бы на его защиту при первом известии о грозящей ему опасности. Одного англичанина спросили: что бы он сделал, если бы лорд Солсбери назначил налог помимо парламента. «Я бы не платил», – ответил он. «Ну а если бы, пользуясь властью, он стал бы взимать налоги силою?» – «На силу я ответил бы силою и, вероятно, его в тот же день повесили бы на воротах Гатфильда» (замок лорда Солсбери)[129].

В обычных условиях англичанину нет, однако, надобности прибегать к таким крайним мерам. У него есть суды, которые недремлющим оком блюдут за тем, чтобы законы государства исполнялись со всей строгостью. Никто не избавлен от обязанности подчиняться закону. Начиная от премьера и кончая последним поденщиком, который несет перед законом ответственность за свои поступки. И если министр внутренних дел вздумает прикрываться соображениями государственной важности и этим оправдывать допущенное им нарушение закона, суд не обратит на его защиту ни малейшего внимания и признает виновными и его, и всех его подчиненных, исполнивших его приказания: в Англии и должностные лица не имеют права ссылаться в свою защиту на приказания начальства.

Отсутствие соответствующей судебной организации, ко-

---

[129] *Раппопорт С.* Представительное правление и парламент в Англии. М[ир] Б[ожий]. Март 1905.

торая защищала бы закон, отсутствие соответствующей общественной организации, которая подняла бы народ на его защиту – вот две причины, которые постоянно обусловливали эфемерность писаных конституций. «Безумный» 1848 год был особенно богат такими конституциями. Стремительный напор бойцов за свободу совершенно смутил реакционные элементы, и они уступили очень скоро. Но силы февральских и мартовских демократов оказались недостаточными для того, чтобы защищать отвоеванные позиции. Конституцию издать они успели везде, но когда оправившаяся реакция, собрав все силы, стала отнимать у народа его права, он не устоял. Писаные конституции оказались не более как простым листом бумаги. Во Франции конституция 1848 года все-таки продержалась довольно долго, около трех лет. В Германии большинство местных конституций и имперская франкфуртская конституция не прожили и по году. Имперская конституция 1848 года особенно типична; она показывает, как *не* следует закреплять завоеванные права. Вместо того чтобы заняться организацией общественных сил и постараться дать демократическим элементам преобладание на весах реального соотношения сил, деятели 1848 года стали заниматься редактированием параграфов и, разумеется, потеряли большинство приобретений революции.

Что касается до судебной организации, то ее отсутствие особенно ярко сказалось на перипетиях Великой французской революции. Французы завоевали свободу, превратили

неограниченную монархию в ограниченную, потом из монархии сделали республику. Но они не сумели создать такой суд, который стал бы на страже их завоеваний[130]. Мало того, в эпоху якобинской демократической республики был издан тот роковой закон, который послужил основой закону, вошедшему в конституцию VIII года и запрещающему судебное преследование чиновников без разрешения их начальства. При таких условиях 18 брюмера становится вполне естественным.

Англичане и американцы для обеспечения своих прав поставили свой государственный порядок под защиту независимых судов, и теория признала этот способ лучшим. Если соответствующей судебной организации нет, то роль судов может быть передана только организованному обществу; само общество в нужный момент должно обнаружить готовность встать на защиту своей конституции. Для этого, нужно прибавить, вовсе нет необходимости, чтобы все держали наготове оружие. Наполеоны и наполеоники обладают на этот счет очень хорошим чутьем и никогда не выступят, если не будут вполне уверены в растерянности и неподготовленности общества.

---

[130] См.: *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии: В 4 т. М., 1895. Т. 2. С. 70 сл.

ЗАПИСКА ОТ 9-ГО ОКТЯБРЯ (1905)[131]

С. Ю. Витте

Основной лозунг современного общественного движения в России – свобода.

Государственная организация имеет не одно только внешнее или историческое оправдание, т. е. государство не может жить и развиваться только потому, что оно существует. Оно оправдывается и внутренне заложенной в его существо идеей, т. е. для жизни государства должна быть цель, государство живет во имя чего-нибудь.

Эта идея или цель государства коренится в обеспечении благ жизни, моральных и реальных. Благо моральное состоит в поступательном развитии свободного по природе человеческого духа. Блага реальные слагаются из совокупности экономических условий существования.

---

[131] [Печатается по изданию: *Витте С. Ю.* Записка от 9-го октября [1905 г.] / Предисл. к публ. И. Л. Татарова // Красный архив: Исторический журнал / Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче. 1925. Т. 4–5 (11–12). М.; Л., 1926. С. 51–61.Текст был написан 8 октября 1905 г., доработан на следующий день. 10 октября Витте был принят Николаем II, и «вероятно тогда же [он] представил Его Величеству свою записку» (К истории Манифеста 17-го Октября. Записка Н. И. Вуича // Архив русской революции. 1921. Т. 2. С. 6).]

И те, и другие требуют установления так называемой свободы гражданской, т. е. обращения естественной свободы лица в свободу, регулируемую и ограничиваемую объективными нормами права. Ибо раз за каждым человеком признается свобода, а она не может не быть признанною в области духовной и материальной, то свобода эта в безграничном объеме не может принадлежать никому. Фактически ограничит свободу сила – или физическая, или экономическая. Сильный неизбежно подавит слабого.

Сила, как фактор человеческих отношений, должна быть отнята от отдельных людей и должна быть поставлена вне их. Она должна быть сосредоточена в руках власти, достаточно удаленной от личных, индивидуальных интересов, дабы тем вернее обеспечивать интерес общий, но в то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь с гражданами, дабы ее действия не оказались в противоречии с начальным общим интересом всякого государства: гражданской свободой.

Так, во имя свободы создается право, определяющее пределы этой свободы. Во имя права – государство с его основными элементами: властью, населением и территорией.

Вместе с тем исторически вырабатываются формы правления и общественного строя, каковы: монархии неограниченные и ограниченные, республики и демократии, строй капиталистический, натурального хозяйства и пр.

Но такова уже судьба всех учреждений человеческих: форма отрывается от содержания, и, по мере того как формы

отливаются и крепнут, они обращаются в самостоятельное и самодовлеющее явление жизни. Получается требование прямого служения: самодержавию, конституции, республике и пр.; содержание, обусловившее образование форм, уходит куда-то назад. Во всей мощи выступают одни формы, и содержание, т. е. цель гражданской свободы, начинает оцениваться как явление служебное, как их результат.

В государстве исключительно быстро наступает торжество формы над идеей. Право, действующее в стране, получает оценку постольку, поскольку оно охраняет данный строй и данный способ управления. Свобода – поскольку она совместима с таким искусственно построенным правом.

Идея, однако, никогда не умирает. Если форма, ставшая внешним фактом, своей реальной силой не дает ей гореть во всем блеске, она теплится, как раскаленный уголь в груде золы. Повеет ветром – уголь вспыхнет ярким пламенем. Пойдет дождь – он снова будет мерцать едва заметно до новой вспышки.

Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков – в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине, в бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, в природе всякого человека.

Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный – к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой.

До настоящего момента движение, охватившее общество, еще течет в русле осуществимых и разумных требований. Но зловещие признаки ужасного бурного взрыва с каждым днем все сильнее дают себя чувствовать. Положение государства критическое.

Столкновения с полицией и войсками, бомбы, стачки, события на Кавказе, волнения в учебных заведениях, аграрные вспышки[132] и т. п. не столько важны сами по себе, сколько по их отражению на зрелых и уравновешенных слоях общества, в которых нет против них серьезного противодействия; крайние политические воззрения существуют всегда и везде. Резкие эксцессы могут причинять государству огромный вред. Но не от них зависит бытие и целость государства. Пока власть имеет опору в широких общественных слоях, мирное разрешение кризиса еще возможно.

Эта необходимая опора из-под ног правительства уходит. Законодательные акты 6 августа[133] изменили общественное

---

[132] [Витте перечисляет события 1905 г.]

[133] [Законодательные акты 6 августа 1905 г. – Манифест Николая II от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» и сопутствующие ему документы более частного характера, см.: Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указа-

настроение весьма слабо. Они запоздали, и они не сопровождаются таким изменением в управлении, которое прямо вытекает из возвещенного преобразования. За время с 18 февраля[134] события, с одной стороны, и вихрь революционной мысли, с другой, унесли общественные идеалы гораздо дальше. Закрывать глаза на это нельзя.

Вместо чувства удовлетворения учреждение Государственной думы и положение о выборах[135] выдвинули нелепую мысль о бойкоте. Она отвергнута единодушно большей частью печати и общественных собраний, в частности сентябрьским совещанием земских и городских деятелей[136].

теля. Изд. 3-е, пересмотренное и дополненное по 1 сентября 1908 года. Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 98–136.]

[134] [18 февраля 1905 г. был подписан Высочайший манифест «О призыве властей и населения к содействию Самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней». Сказав об оправданности войны на Дальнем Востоке, царь констатировал: «В то время, когда доблестнейшие сыны России, с беззаветной храбростью сражаясь, самоотверженно полагают жизнь свою за Веру, Царя и Отечество, – в самом Отечестве нашем поднялась смута <…> Ослепленные гордынею злоумышленные вожди мятежного движения дерзновенно посягают на освященные Православною Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Российского, полагая, разорвав естественную связь с прошлым, разрушить существующий государственный строй и, вместо оного, учредить новое управление страною на началах, Отечеству Нашему несвойственных» (Законодательные акты переходного времени… С. 19–20).]

[135] [Положение о выборах в Государственную Думу, опубликованное одновременно с Манифестом 6 августа 1905 г., вызвало недовольство в обществе из-за несправедливого порядка допуска к голосованию.]

[136] [Пятый съезд земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. рас-

Но самый факт постановки и серьезного обсуждения вопроса: идти в Думу или нет – чрезвычайно знаменателен. Знаменателен и тот факт, что, отказавшись от нелепости бойкота, упомянутые деятели хотят идти в Думу прежде всего для коренного ее изменения.

Если революция реальная еще рисуется у нас как нечто возможное в будущем, то идейная революция, несомненно, существует в настоящем. Общественная мысль поднялась над землей и безудержно рвется в облака. Еще и года не прошло, когда требование всеобщего избирательного права принадлежало одним наиболее крайним элементам общества. Теперь нет союза или газеты, которые бы его не выставляли; с противниками системы, покоящейся на чисто абстрактной логической конструкции, уже не спорят даже. То же готово повториться в отношении вопросов, которые выдвинулись попутно, хотя сами по себе неизмеримо более сложны, нежели способ, формы и условия образования, представительства – о политической равноправности женщин, о национализации земли, социалистическом переустройстве государства и т. д. Самостоятельность Финляндии и автономия Польши, даже Армении и Грузии, уже не составляют конечного идеала федералистов. Поднялись голоса в пользу провинциальной автономии вообще, т. е. преобразования России в союз свободных самоопределяющихся федераций.

Мы переживаем время господства одних крайних идей.

смотрел вопрос о создании легальной либеральной партии.]

Осуществима ли данная идея – на этом не останавливаются. Безудержной мысли кажется все достижимым и осуществимым легко и просто.

Такое настроение общества составляет самый опасный признак готовящегося взрыва. Ряды горячих сторонников обновления всей русской жизни, но не иначе как путем мирной эволюции, с каждым днем редеют. Им с каждым днем становится труднее сдерживать движение.

Их положение особенно трудно потому, что им приходится бороться на два фронта: с теми, кто сознательно идет к насильственному перевороту, и с правительством, которое не отличает их от анархистов и одинаково преследует, с правительством, которое в своих приемах и способах действия осталось, как было, как будто закон 6 августа не обусловливает самой коренной и радикальной перемены в способах правительственного воздействия.

Глубоко ошибочно думать, что в восьмидесятых годах движение было остановлено полицейскими мерами, применяя которые, правительство нашло опору в крестьянских массах.

Пассивные крестьянские массы всегда инертны и потому надежной опорою активных мероприятий не служат и служить не могут. Полицейская же репрессия остановить идейное движение бессильна. Большее, что она может сделать – это придавить и заглушить проявления движения вовне, то есть загнать болезнь вовнутрь. Преданность идее

царя в народных массах, несомненно, существует. Но в народе уже произнесено слово «измена». Не зная и не понимая, где и в чем измена, народ может неудержимым потоком и во имя царя снести все, чем держится не только монархия, но и самое государство.

В 1881 и 1882 гг. произошел поворот в самом мыслящем обществе, и правительственная реакция имела успех только потому, что ответила запросу общественного настроения.

Почему произошел поворот – останавливаться на этом теперь не место. Нельзя лишь забывать, что в тот момент научная мысль всего мира была на нисходящей половине волны. Конституционализм подвергался суровой критике. Социалистические тенденции громко протестовали против индивидуальной свободы. Экономические проблемы заглушали правовые. Абсолютизм не встречал теоретического отрицания. Ныне, спустя двадцать лет, условия совершенно иные. Ожидать поворота в общественном сознании нельзя. Напротив, все говорит за то, что такой поворот наступить не может.

Непоследовательные и неумелые действия и неразборчивые средства, к которым прибегала администрация и которые продолжаются доныне, дали роковой результат. В обществе не недовольство только. В обществе воспиталась и растет с каждым днем злоба против правительства. Его не уважают, ему не верят. Самые благие начинания вызывают протест. Вместе с тем в обществе выросла уверенность в свое значение и в свои силы – в свою способность лишить прави-

тельство опоры и заставить капитулировать. Факты действительности ежедневно подтверждают в глазах общества бессилие, неосведомленность и растерянность власти. Запрещавшееся без всякого очевидного основания вчера – сегодня, также без понятного основания, разрешается. Меры суровости перемешиваются на каждом шагу с отсутствием воздействия. А на Кавказе армяне с татарами заключают мирный договор, как будто вовсе не существует общей для обеих народностей власти[137].

Несчастная война кончена[138]. Но в общественном настроении ее следы неизгладимы[139]. Война для всего государственного строя – экзамен. Экзамен суровый и беспощадный. С неумолимой жестокостью она вскрыла всю ненормальность условий, при которых самодовлеющим явлением жизни является не форма правления даже, а полновластие органов подчиненного управления.

В очерченный исторический момент перед правительством лежит неимоверно трудная задача. Конкретно наме-

---

[137] [Имеется в виду перемирие 20 августа 1905 г. между армянскими и азербайджанскими (тюркскими) группами в городе Шуша (Нагорный Карабах), заключенное благодаря стараниям армянского епископа, шейх-уль-ислама и влиятельных лиц города. Несмотря на перемирие между враждующими этническими группами, армяно-азербайджанская резня, которая охватила Закавказье в 1905–1906 гг., продолжилась при полном бессилии царской администрации ей помешать.]

[138] [Русско-японская война, янв. 1904 г. – авг. 1905 г.]

[139] Рукою Витте исправлено на: «не изгладились». [Прим. И. Л. Татарова.]

тить в деталях ее разрешение невозможно. Возможно лишь установить принципы предстоящей деятельности. Важность момента обязывает установить эти принципы точно, искренне и определенно.

Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели. Также не стоит на высоте положения то правительство, которое, не имея широко поставленной цели, пассивно идет за господствующим общественным течением, ему подчиняясь и делая одну уступку за другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.